

Н. Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

«ОБЩИЙ» СЛАВЯНСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК:
ТИПОЛОГИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Н. Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

«ОБЩИЙ» СЛАВЯНСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК:
ТИПОЛОГИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»
МОСКВА 2003

УДК 811.16

ББК 81.2

3 33

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*

Рецензенты
доктор филологических наук, профессор
Е. С. Яковлева
доктор филологических наук, профессор
М. В. Шульга

Запольская Н. Н.
«Общий» славянский литературный язык: типология
лингвистической рефлексии. — М.: «Индрик», 2003. — 240 с.
ISBN 5-85759-242-9

Монография посвящена исследованию представлений об «общем» славянском литературном языке в конфессиональной и секулярной культуре. Основное внимание в книге уделено анализу лингвистической рефлексии Юрия Крижанича (XVII в.) и Маттии Маяра (XIX в.), являвшихся знаковыми фигурами исторических эпох, актуализировавших идею «общего» славянского литературного языка.

ISBN 5-85759-242-9

© Институт славяноведения РАН, 2003
© Н. Н. Запольская. Текст, 2003
© Издательство «Индрик».
Оформление, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	
Типология славянской лингвистической рефлексии.....	13
§1. Славянская лингвистическая рефлексия	
в конфессиональной культуре: реализация	
типологической модели	13
§2. Славянская лингвистическая рефлексия	
в секулярной культуре: реализация типологической модели	31
ГЛАВА 2	
«Общий» славянский литературный язык	
в конфессиональной культуре (<i>Slavia Orthodoxa</i>):	
проблема правильности языка.....	45
§1. Грамматики XVII–XVIII вв. (« <i>Грамматіки Славенскія</i> »	
правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г.	
< «Грамматика» 1648 г., «Грамматіка» 1721 г.:	
кодексы норм <i>правильного</i> литературного языка.....	45
§2. Книжная справа XVII–XVIII вв. (Острожская Библия 1580 г.	
< Библия 1663 г. < Новый Завет 1673 г., Библия 1713–1720 г. //	
Библия Ф. Скорины 1517–1519 гг., Псалтырь А. Фирсова 1683 г.):	
бблейские тексты на <i>правильном // понятном</i> литературном	
языке	68

ГЛАВА 3

«Общий» славянский литературный язык в конфессиональной культуре (<i>Slavia Latina</i>): проблема правильности и понятности языка	97
§1. «Граматично изказанје ов руском језику» Юрия Крижанича 1666 г.: кодекс норм <i>правильного и понятного</i> литературного языка, сравнительная характеристика славянских языков	97
§2. Книжная справа Юрия Крижанича: библейские тексты на <i>правильном и понятном</i> литературном языке	139

ГЛАВА 4

«Общий» славянский литературный язык в секулярной культуре: проблема понятности языка	149
§1. «Узајемні правопіс славянскі то је: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slayjanska» Матии Маяра 1865 г.: модель нового «общего» <i>понятного</i> славянского литературного языка, сравнительная характеристика славянских языков	149
§2. Книжная справа XVIII–XX вв.: тексты на «своем» <i>понятном</i> литературном языке.....	159

ГЛАВА 5

Славянская лингвистическая рефлексия: культурно-языковое реплицирование во времени и пространстве	183
§ 1. Грамматики и книжная справа в конфессиональной культуре: культурно-языковые реплики в пространстве культуры	183
§ 2. Грамматики и книжная справа в секулярной культуре: культурно-языковые реплики во времени культуры	213

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	220
-----------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ	227
ЛИТЕРАТУРА	229

Памяти моих родителей

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно концепции «общего» славянского литературного языка рассматриваются в рамках двух разделов языкоznания – истории славянских литературных языков и интерлингвистики. В истории славянских литературных языков основное внимание уделяется изучению церковнославянского языка как изначально «общего» лингвистического и литературного языка славян, получившего разную судьбу в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, а также изучению национальных славянских литературных языков; исследования моделей «общего» славянского литературного языка, призванного стать основой нового языкового объединения славян, занимают периферийное положение. В интерлингвистике попытки создания нового «общего» славянского литературного языка предстают как проекты искусственных апостериорных языков, противопоставленные проектам априорных языков, что определяет оппозицию эмпирического и логического направлений лингвопроектирования. Несмотря на «удвоенное» внимание, изучение опытов «общего» славянского литературного языка сводится к атомарному анализу элементов тех языков, в рамках которых мыслился тот или иной вариант нового «общего» литературного языка славян (см. работы, представляющие «русский» язык Юрия Крижанича как новый искусственно созданный «общий» славянский литературный язык, вобравший в себя церковнославянские, русские и хорватские элементы: Маркевич 1876, Первольф 1874, Badalić 1958, Golub 1986, Мечковская 1974, 2001, Дуличенко 1995, 2002).

В рамках типологии лингвистической рефлексии, понимаемой как «упорядоченное отображение языкового материала» [Гаспаров 1996, 44] возможно и необходимо провести интегративный анализ, позволяющий рассмотреть в одном научном контексте представ-

ления о новом «общем» славянском литературном языке, представления о церковнославянском языке как традиционном «общем» славянском литературном языке и представления о национальных славянских литературных языках. Исследование лингвистической рефлексии как реализации универсального стремления человека придать литературно-языковому опыту упорядоченный и рациональный характер, скоординировать свой личный литературно-языковой опыт с опытом других людей включается в современную научную парадигму, доминантой которой является антропоцентризм.

Типологический подход к лингвистической рефлексии определил постановку исследовательских задач, образующих своеобразную проблематизированную иерархию:

1. построение типологической модели лингвистической рефлексии,

2. установление языковых зон, манифестирующих разные типы лингвистической рефлексии,

3. рассмотрение представлений о традиционном и новом «общем» славянском литературном языке как разных типов лингвистической рефлексии, реализованных в пространстве и во времени культуры:

а) в разных пространствах конфессиональной культуры – *Slavia Orthodoxa, Slavia Latina, «пограничье»*,

б) в разном времени культуры – в конфессиональной и секулярной культуре,

4. выделение языковых параметров, репрезентирующих рефлексию над традиционным и новым «общим» славянским литературным языком, определение на этом основании механизмов «порождения» и структурно-функционального статуса «русского» языка Юрия Крижаница и «взаимнославянского» языка Матии Маяра,

5. рассмотрение динамики лингвистической рефлексии в рамках процесса культурно-языкового реплицирования.

Материалом для исследования послужили грамматические трактаты и подвергшиеся книжной справе библейские тексты XVII–XIX веков, отразившие лингвистическую рефлексию разных типов. Основное внимание в работе удалено анализу лингвистической рефлексии Юрия Крижаница (XVII в.) и Матии Маяра (XIX в.), являвшихся знаковыми фигурами исторических эпох, актуализировавших идею

«общего» славянского литературного языка. Соответственно, основными источниками стали грамматические трактаты – «Грамматично изказанје об руском језику» (1666 г.) Крижанича и «Узајмні правопіс славянскі, то је Uzajemna Slovnica ali Mluvnica Slavjanska» (1865 г.) Маяра. В роли сопутствующих источников выступили авторитетные метатексты и тексты: «Грамматікъ Славенскія правилное Сунтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г., «Грамматіка» 1648 г., «Грамматіка» 1721 г., Библия Франциска Скорины 1517–1519 гг., Острожская Библия 1580 г., Библия 1663 г., Новый Завет Елифания Славинецкого 1673 г., Псалтырь Авраамия Фирсова 1683 г., Библия 1713–1720 гг., Псалтырь В. А. Жуковского 40-х годов XIX века.

Проведение типологического исследования рефлексии над «общим» славянским литературным языком подтверждает мысль о том, что не новые факты, а «обновленная проблематизация» приводит к тому, что «хорошо изученное явление... представлявшееся частным и второстепенным имеет принципиальное значение для науки» [Бахтин 1993, 123].

ГЛАВА 1

Типология славянской лингвистической рефлексии

§1. Славянская лингвистическая рефлексия в конфессиональной культуре: реализация типологической модели

Тип культуры задает тип словесной культуры, который может быть описан через систему иерархически организованных типологических характеристик: тип императивных текстов (авторитетные тексты // авторские тексты), тип книжно-языковой деятельности (репродуцирование // продуцирование), тип литературного языка (структурный тип: язык, противопоставленный разговорной речи // язык, ориентированный на разговорную речь, функциональный тип: язык с доминирующей функцией // полифункциональный язык), тип освоения литературного языка (мнемонический // операционный). Рефлексия над литературным языком также может быть рассмотрена в типологическом аспекте и введена в типологическую модель словесной культуры. Типы лингвистической рефлексии следует различать в зависимости от предмета рефлексии и доминирующей идеи, в зависимости от цели рефлексии:

структурный тип (рефлексия над нормами языка); *формальный тип* (идея *правильности языка*) / *семантический тип* (идея *понятности языка*),

функциональный тип (рефлексия над сферами распространения языка); *дивергентный тип* (идея «*своего*» языка) / *конвергентный тип* (идея «*общего*» языка),

телеологический тип (цель рефлексии): *корректирующий тип* (идея «*исправления*» языка) / *креативный тип* (идея «*создания*» языка).

Данные теоретические положения могут быть верифицированы на славянском материале.

Христианская культура была основана на Библии, т. е. на императивных авторитетных текстах, возникших как результат человеческого опыта Бога, как результат «общения» Бога с людьми, способными свидетельствовать об истинности Слова Бога. Принципиально авторитетный характер императивных текстов определил принципиальную репродуктивность книжно-языковой деятельности, заключавшейся в передаче во времени и пространстве изначально заданного, неизменного Слова, изреченного Богом и истолкованного избранными людьми. Освоение библейских текстов носило мнемонический характер и происходило в процессе литургической практики, позволявшей всем верующим предстоять Слову Бога и стремиться созидать жизнь по Слову Бога. Соответственно, императивными языками христианской культуры являлись языки Библии, доминирующей функцией которых была литургическая функция. Литургический опыт обусловил «христианизацию» языка [Топоров 1995, 429], т. е. наложение на буквальные смыслы смыслов сакральных, что позволило сополагать изреченное Слово Бога и сочиненное слово человека, пытавшегося рассмотреть свою повседневную жизнь в библейском контексте. В свою очередь, «христианизованный» язык становился способом познания и богодухновенной истины, и причинно-следственных отношений тварного мира. Регулятивное положение языка в структуре познания мотивировало рефлексию, актуализировавшую идею *правильности* сакральных языков, которая поддерживалась книжной справой императивных текстов и экзегетическими метатекстами — грамматиками и словарями, определившими синтетический и аналитический способы языковой кодификации.

Одним из сакральных языков стал церковнославянский (старославянский) язык, созданный Кириллом и Мефодием в IX веке как язык славянского богослужения, который определил единое славянское культурно-языковое пространство: «Самым значительным культурным фактором, объединившим на время все славянство, было создание славянского литературного языка и принятие всеми славянами христианства с богослужением на славянском языке... Мало-помалу язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и в XI веке на нем пишут, читают, проповедуют и служат и в Новгороде,

и в Киеве, в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии – и на Руси, и на Балканах» [Дурново 2000, 637]. Функционирование «общего» славянского литературного языка было возможно в силу того, что языковые расхождения в славянском мире были незначительными, и славяне осознавали себя говорящими на одном и том же языке: «Единство литературного языка само по себе еще не свидетельствует о единстве языка живого, но во всяком случае распространение старославянского (церковнославянского) литературного языка во всем славянском мире при неблагоприятной политической ситуации легче всего находит себе объяснение в общепонятности этого языка и в единстве славянского живого языка» [Дурново 2000, 637]. Появление вместе с «общим» славянским лингвическим и литературным языком «третьего культурного макроареала в Европе», соседствовавшего «с романо-германским ареалом, где господствовала латынь» и «греко-византийским ареалом, где абсолютно преобладал греческий язык», задало точку отсчета истории славянского самосознания, представлявшего собой «иерархию признаков», в которой «главенствующим оказывался признак христианства, а затем шел признак общецелеменной – славянства» [Толстой 1998, 33, 47]. В свою очередь, особенность славянского самосознания, сочетавшего признаки «христианства» и «славянства», определила направления рефлексии над «общим» славянским литературным языком как знаком конфессионального или этнического славянского единства.

Исходными доминантами славянской лингвистической рефлексии стали идеи *понятности* и *правильности* языка, поскольку цель перевода богослужения на славянский язык заключалась, с одной стороны, в достижении *понятности* Слова Бога для новообращенной паствы («Словѣнъскъ народѣ, Слышиштѣ слово, отъ Бога во принде» [проглас св. Кирилла к Четвероевангелию, цит. по: Якобсон 1987, 48]), а с другой стороны, в достижении *правильности*, присущей культурно доминирующему греческому языку.

Последовавший в XI веке разрыв единого славянского культурно-языкового пространства, приведший к образованию автономных культурно-языковых пространств – Slavia Orthodoxa и Slavia

Latina, мотивировал разницу в предметах и ценностных акцентах явленной в этих славянских ареалах лингвистической рефлексии.

В культурно-языковом пространстве Slavia Orthodoxa единственным литургическим и литературным языком оставался церковнославянский, который воспринимался в зависимости от культурно-языковой ситуации, актуализировавшей либо установку на духовный универсализм, либо установку на духовный изоляционизм, как «общий» литургический и литературный язык православного славянства, либо как «свой» литургический и литературный язык в рамках локальной православной традиции (русской, болгарской, сербской).

В культурно-языковом пространстве Slavia Latina основным литургическим и литературным языком стала латынь, а церковнославянский язык, т.е. изначально понятный «общий» славянский литургический и литературный язык, последовательно использовался лишь хорватами-глаголяшами. Несмотря на весьма ограниченное распространение, богослужение на церковнославянском языке свидетельствовало об определенной церковной политике в славянских землях латинской ориентации: в 1248 г. папа Иннокентий IV даровал право епископу Сеня Филиппу совершать славянскую литургию, в 1344 г. Карл IV призвал хорватских монахов в пражский Эммаусский монастырь для возобновления там славянского богослужения, а в XV веке славянскую мессу служили в Кракове (Пиккио 1995, 164). Именно литургический язык хорватов-глаголяш мотивировал традицию использования языковой близости славян как средства достижения церковного единства: так, еще Карл IV в 1355 г., ссылаясь на «сопричастность одному и тому же славному наречию славянскому» пытался склонить сербского короля Душана Сильного на сторону унии церквей [Якобсон 1987, 57, 63]. С XV века в связи с ростом национального самосознания, секуляризацией просвещения и распространением реформаторского движения в «латинском» мире стали возникать как оппозиция латыни «простые» литературные языки, в том числе «простые» славянские литературные языки – чешский, польский, хорватский, ориентированные в той или иной степени на разговорный субстрат, что мотивировало их понятность для людей «простых», «непросвещенных».

Наряду с конфессионально разделенными пространствами Slavia Orthodoxa и Slavia Latina в конце XIII века возникло славянское пространство конфессионального «пограничья»: Юго-Западная Русь, вошедшая сначала в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, реализовала традиции и новации православия, католицизма и протестантизма. Славянским языковым выражением духовного «пограничья» явился сложившийся к XVI веку параллелизм функциональных литературно-языковых оппозиций: оппозиция латынь // польский язык обусловила оппозицию церковнославянский язык // «*проста мова*» [Успенский 2002, 392].

Лингвистическая рефлексия, явленная во всех культурно-языковых пространствах Славии, подчинялась в XV–XVII веках гуманистической филологической традиции, согласно которой формально-семантическое «достоинство» языка (*dignitas*) связывалось с его филологической «обработанностью», а функциональная ценность – с позицией в функционально-генетической иерархии языков [Живов 1993]. В зависимости от конкретной культурно-языковой ситуации «грамматическое искусство» либо распространялось на церковнославянский язык для поддержания его исходной *правильности*, либо переносилось с «классических» языков на «простые» славянские литературные языки с целью установления их *правильности*. Результаты филологической работы фиксировались в императивных текстах, подвергшихся книжной справе, и в грамматиках, представлявших собой своеобразные конкурирующие проекты исчерпывающего упорядочивания.

Особого напряжения славянская лингвистическая рефлексия достигла в XVII веке, содержанием которого стал *духовный универсализм*, имевший разное смысловое наполнение и разную лингвистическую реализацию в разных славянских культурно-языковых пространствах.

В культурно-языковом «пограничье», в сложных поликонфессиональных условиях, духовной задачей ревнителей православия было сохранение традиций *православного греко-славянского универсализма*, официально закрепленного фактом юрисдикции константинопольского патриарха. Необходимость защиты православной веры и церковнославянского языка как «общего» лингвистического и литературного языка православных славян, а также необходимость духов-

ного просвещения и готовности к полемике определила необходимость издания *правильных* библейских и богослужебных книг. Установка на греко-славянское духовное единение мотивировала книжную справу, основным принципом которой было следование библейских и богослужебных книг греческим образцам как источникам *правильности* на уровне текста и на уровне языка. Систематическая книжная справа в Юго-Западной Руси началась трудами князя Константина Острожского и его сподвижников — ученых греков Дионисия Палеолога-Ралли, тырновского митрополита, Евстафия Нафанаила и Феофана Эммануила Мосхопула, ректора Острожской коллегии Герасима Смотрицкого, Василия Суражского и московского печатника Ивана Федорова, которые издали полную славянскую Библию (1580 г.). В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии (1499 г.), который исправлялся по греческим изданиям, вероятно, по Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев 1999, 211–212]. Поскольку при подготовке Острожской Библии не была проведена последовательная правка, к тому же не было критического отношения к источникам, епископ львовский Гедеон Балабан замыслил издать исправленную Библию, для чего обратился с просьбой к александрийскому патриарху Мелетию Пигасу прислать греческую Библию, которая «чиста ѿ блъдовъ». Однако результатом издательской деятельности стрятынской типографии явились лишь авторитетные богослужебные книги: так, Служебник 1604 г. и Требник 1606 г. содержали предисловия, в которых указывалось, что книги «приложено изслѣдованы и исправлены по древнимъ зводамъ и греческимъ послѣдованиямъ» [Титов 1918, 58]. Впоследствии стрятынская типография стала основой типографии Киево-Печерской Лавры, в которой был издан корпус богослужебных книг, ориентированных на греческие новопечатные издания, о чем свидетельствуют предисловия к этим книгам: Постную Триодь 1627 г. сверил с «съ греческимъ зводомъ» Памва Берында, Служебник 1629 г. был исправлен Тарасием Земкой «ѿ елинскаго зводу истиннаго», Цветная Триодь 1631 г. также была сверена Тарасием Земкой по греческим источникам, потому что «поемъ, якоже греки оупотребляютъ», Требник 1646 г. исправил Петр Могила по греческим евхологиям [Титов 1918]. Защищая церковнославянский язык как

знак православной веры, книжники при проведении языковой справы руководствовались идеей формально-семантического подобия церковнославянского языка греческому: «*Маєт вовтім' языкъ Славенскій таков'ю в' сопѣ силу и зацность, же языку Грецкому якобы природне съгласуетъ, и властности его съчиняется: и в' перекладъ свой прынчие, и нѣяко природне отъ береть и пріймутъ, в' подобныи спадки склоненій и съчиненія падаочи... наизвѧзгшее сложное Грецкое слово подобнымъ такъже звязнымъ, и сложнымъ по Славенску выложити есть можно*» [Титов 1918, 74–75].

Опыт синтетической кодификации церковнославянского языка, явленный в процессе книжной справы, соотносился с опытом аналитической кодификации, представленным в церковнославянских грамматиках, среди которых первенствовала грамматика Мелетия Смотрицкого («Грамматіки Славенскіиа правилное Сунтагма», 1619 г.), демонстрировавшая *правильность* церковнославянского языка «по подобию» правильности греческого языка.

Последовательная синтетическая и аналитическая филологическая работа над церковнославянским языком была защитой от проникновения в библейские тексты «простого» «русского» языка («простой мовы»). Первый опыт литературного языка, противопоставленного церковнославянскому языку, был явлен в начале XVI века вне пределов Великого княжества Литовского: между 6.8.1517 г. и 15.12.1519 г. «*у старом месте Празском*» была издана «Библия руска» Франциска Скорины. Только начиная с 50-х годов XVI века библейские тексты на новом литературном языке, определяемом самими книжниками как «*рускни языкъ*» («*рускаѧ реч, мова*»), стали появляться в украинских и белорусских землях: Пересопницкое евангелие 1556–1560 гг. («*мова рускаѧ*»), Житомирское евангелие 1571 г., Евангелие В. Негалевского 1581 г. («*реч рускаѧ*»), Летковское евангелие 1595 г., Евангелие В. Тяпинского 1570 г. («*власныи єзикъ рускни*»). Функциональный статус «*русского*» языка определяли сами книжники, декларируя в предисловиях и послесловиях релевантную для «*простых*» языков установку на *понятность*. Так, основной причиной, побудившей Скорину перевести Библию на «*рускни языкъ*», являлась достигаемая этим понятность библейских текстов: «*всѧкни человек простыи и посполити читучи их или слухаочи можетъ поразумети что есть потребно*

кдѹшномѹ спасению єго». Равным образом, переводчик Пересопницкого евангелия перевел «и зъ языка българскаго на мову рѹскою ... для лепшого вырозумленїа людоѹ хрѹтианскаго послолнитого». В. Тяпинский представил евангельский текст на двух языках – церковнославянском и «власном єзике рѹском ... для лепшого разѹмѹ». В. Негалевский перевел евангелие на «реч рѹскую» для тех, «которые писма полского чнгати не ѹмеют, а языка словенскаго, читающи письом рѹскимъ, выкладу з словъ его не разѹмеют» [см. подробно: Толстой 1998, 114–132, Успенский 2002, 388–404]. Таким образом, переводчики, принадлежавшие разным конфессиям, мыслили «ѹсскии язык» как равнофункциональный новоевропейским литературным языкам, прежде всего чешскому и польскому, т. е. как «простой» язык, что мотивировало применение к данному языку терминологической модели «проста мова». Появление самой терминологической модели «проста мова» обычно связывают с наименованием языка, данным Г. Ходкевичем, замыслившим сначала издать Учительное евангелие не на церковнославянском языке, а «преложити на простую мову... вырозумѣнія ради простых людей». Думается, что распространению данной терминологической модели способствовало «текстуальное соседство» названия языка и названия адресата текста на этом языке [Запольская 2002а].

Ограниченнное проникновение «простого» «rusкого» языка в сферу православного церковного богослужения было мотивировано сугубо просветительскими задачами и строго регламентировано. Так, в послесловии к Постной Триоди 1627 г. специально обосновывалась возможность перевода отдельных частей текста на «rossинскую вѣсъдѹ общъю» в целях достижения понятности.

Юго-Западная Русь как культурно-языковое «пограничье» была актуальна и для реализации разрабатываемой Римом идеи християнского универсализма, выразившейся в Брестской унии 1596 г. Следствием заключения унии явилось усиление рефлексии над церковнославянским языком, поскольку он функционировал как литургический язык не только православных, но и униатов. Идея единства языка как основы возвращения к духовному единству была официально сформулирована в обращении польского короля к папе римскому перед заключением Брестской унии: «... если Литовская Русь соединится с апостольским престолом, это легко мо-

жет привести к унии с ним и Великое княжество Московское, в котором миллионы душ заражены греческой схизмой, потому что в богослужении москвитяне употребляют один язык с русскими, да и разговорный язык обеих этих народностей представляет различия только диалектические или в произношении слов» [Карташев 1959, 656].

Таким образом, культурно-языковое «пограничье» задавало разные направления лингвистической рефлексии, актуальные и для пространства *Slavia Orthodoxa*, и для пространства *Slavia Latina*.

Московская Русь в XVI–XVII веках являлась центром культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa*, сохранившим «чистоту» веры и устойчивое бытование церковнославянского языка как «общего» литургического и литературного языка православного славянства. Ученая деятельность по исправлению церковных книг, основанная на соединении богословского ведения и грамматического знания, стала привычной для Московской Руси с XVI века в результате книжной справы, проведенной Максимом Греком. Официальный статус книжной справы в Московской Руси определило постановление Стоглавого собора 1551 г., которое вменяло в обязанность собориям духовенства наблюдение за *правильностью* церковных книг [Стоглав 1863, 95–96]. Усилившийся в связи с развитием книгопечатания институт книжной справы предполагал установление целей и принципов исправления, тщательный выбор источников и сферы исправлений, посредством чего и реализовалось понимание *правильности* текста и языка. В XVII веке в Московской Руси книжная справа представляла собой последовательное движение от воспроизведения «своей» славянской традиции до буквального следования греческим образцам, что было обусловлено движением от концепции духовного изоляционизма к концепции духовного универсализма [Запольская 2000, 2000a].

Так, на первом этапе книжной справы, начавшемся на московском Печатном дворе после Смутного времени при активной поддержке патриарха Филарета (1619–1634 гг.) и продолжавшемся при патриархе Иосафе I (1634–1640 гг.), внимание справщиков было сосредоточено на богослужебных книгах, поскольку требовалось «во єдиногласіє потрэбы и чини церковнаго священнаначалія» привести [Воскресенский 1882, 14]. При этом понимание пра-

вильности текста и языка богослужебных книг было мотивировано концепцией духовного изоляционизма и связывалось со «своей» русской традицией как сохранившей исконную «чистоту» греческой традиции. Соответственно, в качестве правильных источников рассматривались русские рукописи, которые противопоставлялись новым греческим изданиям и исправленным по ним юго-западнорусским книгам: требовалось «книги ҳаратейныя добрыхъ переводовъ дрэвніхъ собрати ... и ѡ тѣхъ дрэвніхъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти, яже неисправлениемъ от преписующихъ и многолѣтніхъ обычаевъ погрѣшена быша» [Воскресенский 1882, 14]. Ориентация на новопечатные греческие источники, отражавшие иную, чем в Москве, церковную практику, была и идеологически неприемлема для московских книжников, поскольку принятие Флорентийской унии привело к «искажению» греческого благочиния и к тому, что греки «ныне живут в теснотах великихъ между невѣрными... и для тово вводят иные вѣры в переводы греческаго языка... намъ такиѣ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобны...» [Прение... 1859, 87]. Соответственно, неприемлемы были и юго-западнорусские богослужебные книги, соотнесенные с новопечатными греческими книгами, недоверие усиливалось и тем, что киевская митрополия допустила принятие Брестской унии, что еще более «исказило» благочиние. Отношение к юго-западнорусским богослужебным книгам в Московской Руси нашло отражение в указе 1627 г. о «царском наказании» и «патриаршем проклятии» для тех, кто будет покупать «литовские» книги. В соответствии с принятыми установками в Москве был издан весь цикл богослужебных книг, при этом наиболее тщательному исправлению подверглись Требник 1624 г. и Служебник 1627 г. Принимая фрагментарную языковую правку, т. е. исправляя «описи въ точкахъ и въ запятыхъ, и въ наконченіяхъ», московские книжники — Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, Григорий Онисимов — подтверждали свою компетентность знакомством с книжными исправлениями Максима Грека и знанием грамматического трактата «О ѿсмнѣхъ частехъ слова», что позволяло им «осмы частен слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа, и времена и лица, званія же и залоги...» [Николаевский 1890–1891, 443].

Начавшаяся в 40-х годах XVII века реставрация концепции греко-славянского православного универсализма определила новый этап книжной справы в Московской Руси, реализовавшийся при патриархе Иосифе (1642–1652 гг.). Осмысление Московского государства как центра истинной православной духовности актуализировало необходимость усиления контроля за «чистотой» веры и систематизации духовного образования. Полемические и просветительские задачи мотивировали необходимость издания в Московской Руси полной Библии как «первейшего источника всего богословия». Целью библейской справы должен был стать поиск «согласия» между славянской и греческой традициями, при этом посредником могла стать юго-западнорусская книжность, а участниками книжной справы — юго-западнорусские книжники. Так, в 1649 г. царь Алексей Михайлович обратился к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать ученых книжников, которые «*божественного писанія ведущи и еллинскому языку навычны*» (таковыми оказались Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий) для учительной и книжной деятельности, прежде всего «*для справки Библіи*» с греческого на церковнославянский язык. Одним из источников книжной справы могла стать Острожская Библия, тексты которой московские книжники использовали в просветительских и полемических целях. Понимание необходимости последовательной языковой нормализации обусловило в 1648 г. издание в Московской Руси авторитетной юго-западнорусской грамматики Мелетия Смотрицкого (*Грамматика*, 1648), представлявшей, в отличие от трактата «*О ѿсмнѣ частѣъ слова*», развернутую аналитическую кодификацию церковнославянского языка. Языковые исправления, внесенные в грамматику Мелетия Смотрицкого московскими справщиками Иваном Наседкой и Михаилом Роговым, отражали опыт московской книжной справы, а метаязыковые исправления вводили грамматику в устойчивую православную метаязыковую традицию: московские книжники заменили авторское предисловие Мелетия Смотрицкого, написанное на «*простой мовѣ*», предисловием, представлявшим собой «*цитатное поле*», освященное именами Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Максима Грека. Особое внимание московские книжники обратили на замечания

Максима Грека о необходимости книжного исправления: книги «растягивася, бо въ ѿ преписоющиихъ ихъ ненаученыхъ соущиихъ и не исконныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикѣстѣй, воже и въ самѣхъ исперва сотворшихъ книжныи преводъ, приснопамятныхъ мъжей» [Смотрицкий 1648, 23 об.]. Таким образом, посредничество юго-западнорусской книжности создало предварительные условия для усвоения в Московской Руси представлений о правильности текста и языка как об ориентации на греческие образцы.

Развитием этих представлений явился третий этап книжной справы, начавшийся при патриархе Никоне (1652–1658 гг.). Доминирование идеи «восприятия» на русского царя и русскую церковь византийского теократического наследия требовало единого греко-славянского обрядового пространства. Унификация обрядов по греческому образцу радикально изменяла представления о правильности русских богослужебных книг: на Соборе 1654 г. было принято решение «достонно и праведно исправити противо старыхъ и греческихъ» книг [Сиромаха 1981]. Возможность грекоориентированной книжной справы обеспечивалась формированием греческой библиотеки, собранной из греческих рукописей и печатных книг, привезенных Арсением Сухановым с Афона и подаренных восточными патриархами. Новые задачи книжной справы определили изменения и в составе участников книжной справы: к справе были допущены греческие книжники — сначала Арсений Грек (с 1654 г.), а затем Дионисий Грек (с 1663 г.); координировал справу юго-западнорусский богослов и переводчик Епифаний Славинецкий, активное участие в справе принимали сведущие в «еллино-греческом» языке московские книжники — Евфимий Чудовский, Никифор Симеонов, Иосиф Белый. Декларированная книжная справа по греческим источникам осуществлялась либо посредством выбора греческого образца, либо посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Так, Требник 1656 г. явился результатом переводческой деятельности Арсения Грека, а Требник 1658 г. представлял собой результат редакторской деятельности московских справщиков Евфимия Чудовского, Захария Афанасьева и Иосифа Белого, которые ориентировались на киевский Требник 1646 г., лишь иногда сверяя его с греческим изданием (корректурные экземпляры — РГАДА, ф. 1251,

№ 978/2, РГАДА, ф. 381, № 1803, ГИМ, Син., № 308). Основными ориентирами исправлений богослужебных текстов, своеобразными посредниками, явились именно правленные по греческим образцам юго-западнорусские издания, о чем свидетельствуют корректурные экземпляры изданных в Москве книг [Сиромаха 1981]: корректурный экземпляр Служебника 1655 г. представлял собой стрягинский Служебник 1604 г. (РГАДА, ф. 1251, № 852/2), в основу Постной Триоди 1656 г. были положены киевские Триоди 1627 г. и 1648 г. (РГАДА, ф. 1251, № 1025/2), корректурной книгой Цветной Триоди 1660 г. была киевская Триодь 1631 г. (ГИМ, Син., № 323). По пути ориентации на юго-западнорусские источники пошла и библейская справа: при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия (РГАДА, ф. 1251, № 149). При необходимости в сложных случаях осуществлялась непосредственная сверка с греческим текстом, подтверждаемая пометами писцов: например, в корректурном экземпляре Требника 1658 г. — «посмотреть в греческом» л. 214, «со греческого» л. 4 [Сиромаха, Успенский 1987, 80, 82].

Некритическое использование в качестве источников новопечатных греческих книг и сверенных с ними юго-западнорусских изданий, а также участие в справе греков, прежде всего осужденного ранее за «еретичество» Арсения Грека, вызывало протест старообрядцев: «печатано с книг, иже греческие словут, а печатают их растленно в трех латинских градех: в Риме, в Париже и в Венеции», а Арсений Грек «переводил их на наш язык словенский и они тем разврат велий сотворили по всей земли русской и по всем церквам» [Карташев 1991, 161].

Значение юго-западнорусских источников для языковой справы определялось тем, что они демонстрировали формально-семантическую трансляцию греческого языка в церковнославянский язык. Правильность языковых изменений, явленных в новопечатных московских книгах, обосновывалась ссылками на грамматику Мелетия Смотрицкого, в равной степени авторитетную как для юго-западнорусских, так и для московских книжников: на грамматику Мелетия Смотрицкого ссылались Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий, составивший для собора 1666 г. доклад-обоснование проведенных языковых исправлений.

Придание грамматике как совокупности языковых правил большего значения, чем императивному тексту, а также ориентация на грамматику принявшего униатство Мелетия Смотрицкого, вызывало недовольство старообрядцев, утверждавших, что никониан «свела съ ұма несовершеннал ынъ грамматика, да пріг҃ежкіе нехан» [Три челобитные 1862, 27–28]. Причем характеристика, данная юго-западнорусским книжникам, могла указывать на «исходную неправильность» грамматики 1619 г., содержавшей, в частности, недопустимый для языковой ситуации Московской Руси перевод библейских цитат с церковнославянского языка на «просту мову»: «Оұдержн ызыкъ свой Ш зла и оұстнгѣ свѣтъ ёже не глѣти лести. Рѹски истолков8емъ. Гам8й ызыкъ свой Ш злögш, и оұста твой нехан немоватъ зрады» [Смотрицкий 1619, л. 221].

Усиление грекофильских настроений, приведшее к утверждению концепции греко-славянского универсализма, проявилось на четвертом этапе книжной справы при патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.). Правильность библейских и богослужебных книг связывалась в этот период уже с непосредственной ориентацией на греческие источники: поскольку «въ славенской библіі премнога суть погрѣщенія въ реченинхъ и разумѣніи, не Ш хитрости, но Ш простоты и невѣдѣнія, и несогласіе величайше съ єллинскою седмидесятныxъ преводникwвъ», было принято решение переводить «библію всю вновь, вѣтхїй и новый завѣтъ» [Страхова 2002, 51]. Работа началась трудами Епифания Славинецкого и избранной им «библейской комиссии» — Евфимия и Моисея Чудовских, Никифора Симеонова и Сергея. Смерть Епифания Славинецкого не позволила закончить библейские исправления: к печати был подготовлен только Новый Завет. Богослужебные книги также могли правиться в этот период непосредственно по греческим источникам, о чем свидетельствуют Служебные Минеи, работа над которыми началась в 1683 г. Языковые исправления представляли собой усиление формально-семантической трансляции греческого языка в церковнославянский язык, поскольку московские справщики, по заявлению Евфимия Чудовского, стремились писать «по славенски» так, как писали святые отцы «єллинским диалектом»: «аще гдѣ что и шврѣщется въ нашеи славенстви библіи какое несходство или погрѣщеніе и тое подобаетъ исправляти ... съ толжкѣ греческія

виблій» [ГИМ, Син. 373, л. 30]. Необходимость трансляции греческого языка в церковнославянский язык обосновывалась в этот период идеей структурно-функционального превосходства греческого языка, что декларировалось, в частности, в опровержении Паисия Лигарида членом попа Никиты: «Рѣхъ, іако первіє газыкъ греческомъ изъчнисѧ лѣпотствуетъ того ради, занеже во есть корень ... Тіи бо, иже гречески писаша, іако же святіи евангелістове, дъха святаго вдохновеніемъ писанію греческаю изобразиша. Ибо болшал есть чистота источника, нежели потока. Отнюдъже, къ началу греческихъ реченій, аки къ твердыни, въ недовѣріи ве-щѣхъ привѣгаємъ, паче же аки къ источнику нетлѣнномъ жаждъ-щіи притекаемъ» [цит. по: Материалы... 1894, 236].

Явленная в императивных текстах языковая греческая поддерживалась метаязыковой греческой: правильность внесенных изменений могла подтверждаться ссылками не только на грамматику церковнославянского языка, но и на греческую грамматику. Кроме того, на этом этапе споры были официально утвержден грамматический характер книжной споры: в 1682 г. патриарх Иоаким в прениях со старообрядцами заявил, что книжная спора велась «по грамматике» [Три члены 1862, 35].

Негативной реакцией на «грекоориентированную» книжную спору явился выполненный в 1683 г. «книжным чтецом» Авраамием Фирсовым перевод Псалтыри на «простон, шыклон словенскон язык» [Целунова 1985; Запольская 1999, 119–125, Исаченко 1999, 267–278]. Обосновывая необходимость осуществленного перевода, Фирсов определял дистанцию между «словенским» языком и «простым словенским» языком с точки зрения *понятности*, что свидетельствовало об определенном влиянии лингвистической рефлексии «латино-славянского» мира. Основной причиной, приведшей Фирсова к отказу от традиционного «словенского» языка, являлась его непонятность для «простых» людей, обусловленная зависимостью «словенского» языка от других конфессиональных языков, прежде всего от греческого: «... на всякий день читают єя во црквѣ бжїн, но разъма читаємагш в нен нам вѣдати невозможниш ... тогш ради, иже в нашен псалтірн многш реченіи разныхъ языковъ, нам их невозможниш разъмѣти» [Псалтырь 1989, 27, 28]. В свою очередь, достоинство «простого словенского языка» заключалось в

том, что он был освобожден от влияния традиционных библейских языков: «*ради истинныя вѣдомости и ѹзвѣнія неразумных и простых людей ... здѣ нѣсть реченин греческихъ, латинскихъ, серескихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая шыклая рѣчъ, ѹдоворазумителная преложена без ѹкрашенія»* [Псалтырь, 1989, 28]. А враамий Фирсов представил свой перевод патриарху в Крестовую палату на рассмотрение: перевод вызвал споры, после чего был отправлен в ризницу с запретом «кому-либо давать смотреть его».

В XVIII веке продолжением и одновременно коррекцией иоакимовской справы явилась библейская справа, осуществлявшаяся по указу Петра I справщиками московского Печатного двора Софонием Лиходом, Феофилактом Лопатинским, Федором Поликарповым и Николаем Головиным. Указ Петра I от 14 ноября 1712 г., ознаменовавший переход контроля над книжной справой от духовной власти к светской, предписывал книжникам «соглашать и править во главах и стихах и речах противу Греческия Библии грамматическим чином» [Евсеев 1916, 8]. Петровские справщики, как и их предшественники, понимали правильность текста и языка как точную передачу греческого оригинала, однако они уже выступали за освобождение церковнославянского языка от «странных» и «неприродных» элементов, нарушавших славянскую грамматическую семантику [Бобрик 1988]. Результаты систематической и последовательной книжной справы, проходившей с 1713 г. по 1720 г., были учтены в новом исправленном издании грамматики Мелетия Смотрицкого (*Грамматика*, 1721 г.), подготовленном одним из участников книжной справы – Федором Поликарповым [Бабаева 2000]. Библейский текст, явившийся результатом петровской справы, после незначительной переработки лег в основу Елизаветинской Библии 1751 г., завершившей библейскую справу в традиции церковнославянского языка.

В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* реализовалась концепция христианского универсализма, поскольку в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой явились Брестская уния, требовало приведенных к единообразию славян-

ских церковных книг, написанных на *правильном и понятном* для всех славян языке. В этой связи по поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII века была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством хорватского монаха Рафаеля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого [Štefanić 1960, 25, Будилович 1892, 158–159, Толстой 1998, 371]. Проведя некоторое время в Юго-Западной Руси, в среде униатов, Левакович изучил юго-западнорусскую редакцию церковнославянского языка и выбрал в качестве источников книжной справы юго-западнорусские богослужебные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. В свою очередь Мефодий Терлецкий, помогая Леваковичу, настаивал на устранении из хорватских богослужебных книг «чужих далматинских слов» для достижения их понятности. Текст изданных Леваковичем богослужебных книг — «Миссала римского въ єзикѣ словенскій» 1631 г. и «Часослова римскаго славянскимиъ языкомъ» 1648 г. — был утвержден папой Иннокентием X и лег в основу изданий Ивана Пастрicha — «Часослова» 1688 г. и «Миссала» 1706 г. В 30-х годах XVIII века папа Бенедикт XIV поручил глаголяшу Матвею Караману еще раз исправить язык миссала по образцу русского извода церковнославянского языка. В 1741 г. Матвей Караман издал исправленный «Миссалъ римскій словенскимиъ языкомъ», а в 1753 г. в трактате «Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla nè libri sacri» («О тождестве литературного славянского языка и необходимости сохранить его в священных книгах») представил теоретические выводы в пользу усвоения хорватами-глаголяшами русского извода церковнославянского языка для того, чтобы «проложить этим путь унии в среду славянских схизматиков» [Будилович 1892, 159].

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал иезуитский миссионер, также хорват по национальности, Юрий Крижанич, пытавшийся «исправить» церковнославянский язык русского извода с целью достижения его *правильности и понятности*, ибо только «изправљенје језника» ведет «ко ӯразумљенју всаких благоговѣннѣх отѣских дѣл, и дѣши спасајѹщ совѣтov» [Крижанич 1859, V]. Осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, Крижанич написал лингвистические трактаты — «Објасњенје вѣводно о писмѣ Словѣнскомъ» (1660–1661 гг.) и «Грама-

тично изказанје ов руском језику» (1666 г.), явившиеся культурно-языковой репликой на грамматику Смотрицкого 1619 г. Стремление скоординировать систему предложенных норм и императивные конфессиональные тексты обусловило «справу» псалмов, представленную в грамматике Крижанича, при этом подвергшиеся исправлению псалмы были тождественны текстам Острожской Библии [Экман 1963; Запольская 1996, 1998, 1999, 2002].

Периферией лингворефлексивного «латино-славянского» поля явились идея «девавилонизации» [Аллатов 1998, 51] языка, т. е. идея создания «всеобщего» языка, мотивированная протестантской концепцией христианского унитаризма, которую разработал член руководства Общины Чешских братьев Ян Амос Коменский в своем сочинении «Всеобщий совет по исправлению дел человеческих». Создание «всеобщего» языка, призванного способствовать распространению христианской истины по всему миру, должно было проходить, по мнению Коменского, в три этапа: этап «панглоттии», т. е. «окультуривание» всех языков, этап «полиглоттии», т. е. введение культурно доминирующих языков – древнееврейского, греческого, латинского, славянского (церковнославянского), немецкого – параллельно с национальными языками как средство межнациональной коммуникации, этап «моноглоттии», т. е. создание единого мирового языка [Мельников 2002, 35–46].

Таким образом, явленная в XVII веке концепция православного греко-славянского универсализма определила установку на поддержание правильности церковнославянского языка как «общего» литургического и литературного языка православных славян, концепция христианского универсализма обусловила установку на достижение правильности и понятности церковнославянского языка как изначально «общего» славянского литургического и литературного языка, а концепция христианского унитаризма поставила вопрос о создании «всемирного» языка, т. е. в рамках конфессиональной культуры рефлексия над церковнославянским языком носила формальный или формально-семантический, конвергентный, корректирующий характер, а рефлексия над «всемирным» языком носила семантический, конвергентный, креативный характер.

§2. Славянская лингвистическая рефлексия в секулярной культуре: реализация типологической модели

Переход от конфессиоанальной культуры к секулярной обусловил смену типа словесной культуры, т. е. переход от статичного императива авторитетных библейских текстов к динамичному императиву авторских текстов, от литургически маркированных *правильных* литературных языков к полифункциональным *понятным* литературным языкам, освоение которых носит операциональный характер и происходит в процессе формального обучения. Изменения в структуре познания, заключавшиеся в том, что язык, оставаясь способом познания, стал и объектом познания, привели к тому, что каждый язык, имевший бытие и историю, обретал самоценность, нуждаясь в ее «раскрытии» посредством лингвистической рефлексии. Принципиальная установка на самодостаточность и собственную ценность каждого языка заменяла функциональную иерархию языков их функциональным соположением во времени и пространстве. В свою очередь, предустановленное соположение языков давало возможность сравнивать языки, т. е. мыслить их внутренние структуры и нормы во взаимоотношении. Лингвистическая рефлексия, направленная либо на один литературный язык, либо на группу литературных языков, либо на моделирование некоего «общего» литературного языка фиксировалась в метатекстах, представлявших собой научно-дидактические или научно-дискуссионные обзоры.

Славия в рамках секулярной культуры в определенной мере сохраняла традиции размежевания «греко-славянского» и «латинославянского» культурно-языковых ареалов: если в пространстве Slavia Latina действовала «конвергентная тенденция» развития литературных языков, то для пространства Slavia Orthodoxa была характерна «дивергентная тенденция» [Толстой 1998, 27–29], при этом каждая тенденция поддерживалась лингвистическими концепциями.

Так, в границах мира Slavia Orthodoxa в XVIII веке осуществлялся переход от церковнославянского языка, «общего» литературного языка православных славян, к национальным литературным языкам, прежде всего, к русскому литературному языку.

Начало последовательной систематической рефлексии над русским литературным языком нового типа относится к 30-м годам XVIII века, к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство. Поскольку переход от *правильных «классических» языков* к *понятным «простым» языкам* — процесс типологически универсальный, языковые программы первых русских реформаторов были ориентированы в известной степени на западноевропейские образцы. При этом западноевропейское влияние на русскую лингвистическую рефлексию предстало не как пассивное восприятие и усвоение чужих идей, а как результат активного выбора и акт предпочтения. Русские реформаторы «усвоили себе вполне тот или другой иностранный язык и ознакомились более или менее обстоятельно с иностранными литературами», и им «кинулась в глаза близость, почти тожество литературного языка на Западе с живым, а вместе с тем живость литературного языка Запада» [Соболевский 1980, 121–122]. Выводы об отношении литературного языка к разговорной речи в Западной Европе были применены к русской языковой ситуации, в результате чего основным программным положением явилась установка русского литературного языка на «употребление» как условие его *понятности*. Однако в России этого времени новые языковые навыки находились ещё в процессе становления, т. е. «хорошее употребление» сначала должно было моделироваться в литературной практике, а затем переходить в естественное употребление. Кроме того, в русской языковой ситуации установка на «употребление» была органически связана с протестом против «глубокословных славенщизн», с отказом от церковнославянской языковой традиции [Успенский 1985, 70–157; Живов 1996, 162–215]. Так, в предисловии к «Езде в остров любви» В. К. Тредиаковский указывал, что книга переведена «неславенским» языком, поскольку «язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая не разумеют» [Тредиаковский 1730, 2]. Таким образом, согласно концепции субстанционального различия церковнославянского языка и нового русского литературного языка, именно церковнославянский язык, ориентированный на греческий язык, затруднял вхождение русского литературного языка в состав новоевропейских литературных языков, призна-

ком которых являлась ориентация на разговорную речь, мотивирующая их *понятность*.

Движение России в историческом времени, приведшее к осознанию своей особой позиции в европейском культурно-языковом пространстве, скорректировало и направление лингвистической рефлексии. Новые языковые программы русских реформаторов, разработанные ими в 50–60 годы XVIII века, содержали положения о субстанциональной общности церковнославянского и русского языков и, следовательно, о возможности стилистического распределения церковнославянских и русских элементов в рамках единого литературного языка, о церковнославянском языке как источнике нормы и о «разуме» как критерии языковой правильности [Успенский 1985, 158–197; Живов 1996, 265–418]. Так, В. К. Тредиаковский уже в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой...» (1748 г.) утверждал, что «российский наш язык имеет одну во всем распространении своем, природу со славенским... так что ... и называется славенороссийский, то есть российский по народу, а славенский по своей природе» [Тредиаковский 1748, 299]. Соответственно, источником нормы для «славенороссийского» языка признавался «славенский» язык, определявшийся как «чистый» литературный язык. Поскольку признавалось, что «славенский» язык «нашему славенороссийскому, или гражданскому, и источник, и отец, и точное подобие», изменилось и понимание кодификаторами и «употребления», которое теперь должно было основываться на «разуме», т. е. на грамматических правилах, учитывающих нормы церковнославянского языка. Обращение к церковнославянскому языку как реальному источнику стилистической украшенности давало возможность «различать не только со стороны поэтики, но и со стороны языка основные жанры классицизма, оду и эпопею, с одной стороны, басню и комедию — с другой» [Винокур 1959, 138]. Ориентация на церковнославянскую языковую традицию и установление тем самым принципиальной дистанции между литературным языком и разговорной речью определили специфику русской языковой ситуации по сравнению с западноевропейской. Таким образом, если в 30–40 годы русская языковая ситуация «воспринималась и оценивалась ... через европейскую модель», то в 50–60 годы, «на-

оборот, европейская ситуация пропускается через призму русских языковых отношений» [Алексеев 1982, 106].

«Со-бытие» данных концепций привело в XIX веке к концепции синтеза, учитывавшей культурно-языковые традиции и новации: «В XI в. древний греческий язык .... усыновил (язык славяно-русский), ...отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного: но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [Пушкин, цит. по: Живов 1996, 455].

Став полифункциональным литературным языком, русский язык распространил свое влияние в XIX веке и на церковную книжность в целях достижения ее *понятности*, что было мотивировано развивающей масонами концепцией «внутреннего» христианского универсализма, который явился оппозицией «внешнему» изоляционизму исторических христианских церквей и установке Рима на «внешний» «обрядовый» христианский универсализм: «Священное Писание есть немой наставник, указующий знаками на живого учителя, обитающего в сердце ....Мы не найдем у Спасителя никаких толков о догматах, а одни только практические аксиомы, поучающие, что делать и чего удаляться» [Флоровский 1983, 137]. Став в России общественным движением и получив государственную поддержку, мистицизм обусловил успешность деятельности всеконфессионального Библейского общества, задача которого состояла в том, чтобы «приводить в большее употребление Слово Божие», чтобы «каждый смог испытать спасительное его воздействие, и в этом непосредственном восприятии познать Бога, как открывает Его Священное Писание» [Флоровский 1983, 147]. Поскольку возможность глубинного понимания Священного Писания напрямую зависела от понятности языка, декларировалась необходимость перевода Библии на русский литературный язык. В 1816 г. обер-прокурор Синода и президент Российского Библейского общества А. Н. Голицын получил Высочайшее изустное повеление Александра I предложить «Святейшему Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на

коем книги Священного Писания у нас издаются» [Флоровский 1983, 153]. Переводческую комиссию было поручено возглавить ректору Петербургской духовной академии архимандриту Филарету (Дроздову), будущему митрополиту московскому, который составил инструкцию для переводчиков. Переводить Ветхий Завет надлежало с еврейского языка, а Новый Завет с греческого, как «первоначального, преимущественного перед славянским», стремясь соблюдать ясность и чистоту перевода: «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов, из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности» [Флоровский 1983, 155]. В соответствии с установленными правилами в 1820 г. был издан Новый Завет, в 1822 г. Псалтырь. Декларированный и осуществленный перевод библейских книг на русский литературный язык вызвал культурно-языковую полемику. Так, сторонники и исполнители перевода исходили из идеи функционального тождества русского языка и европейских литературных языков и, следовательно, из возможности перевода Библии с классического библейского языка на национальный полифункциональный язык. Противники перевода, составлявшие консервативное крыло Синода и правительственної администрации, исходили из национальной традиции, декларируя идею субстанциональной общности церковнославянского и русского языков, находящихся в отношении функционального распределения и не способных в силу этого на отношения переводимости. В перспективе данной концепции библейский перевод на русский язык рассматривался консерваторами, прежде всего А. С. Шишковым, занимавшим с 1824 г. должность министра народного просвещения, как «умышленное умаление священного достоинства Библии», которое ведет к ересям и расколам: «...язык у нас славенский и русский один и тот же. Он различается только (больше нежели всякой другой язык) на высокой и простой. Высоким написаны священные книги, простым мы говорим между собою и пишем светские сочинения... Сколь смешно в простых разговорах говорить высоким славенским слогом, столь же странно и дико употреблять простой язык в священном писании...» [цит. по: Успенский 1985, 178]. Следствием такой позиции явилось закрытие Николаем I Библейского общества и приостановка

новление переводческой библейской деятельности на тридцать лет: только в 1858 г., уже при Александре II, в новую эпоху вхождения России в европейский контекст, состоялось определение Синода, признавшее русский перевод Священного Писания «необходимым и полезным» «для пособия к разумению Священного Писания» (полная русская Библия была издана в 1876 г.).

На рубеже XIX–XX веков в связи с усилением демократических настроений проблема *понятности* языка богослужебных книг стала предметом оживленной полемики, которую вели как деятели церкви, так и филологи, высказывая свои взгляды в различных церковных изданиях и в периодической печати. По мнению участников полемики, преодолеть сложившуюся ситуацию можно было либо посредством перевода богослужебных книг с церковнославянского языка на русский литературный язык, объединив новым языком библейские и богослужебные книги, либо посредством перевода с греческого на упрощенный церковнославянский, «новославянский» язык. Разрешением споров явилась деятельность созданной в 1907 г. синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг, которую возглавил архиепископ Сергий (Страгородский), будущий патриарх. В работе Комиссии принимали участие также видные ученые – Н. Н. Глубоковский, И. А. Карабинов, А. И. Соболевский, А. А. Дмитриевский, что позволяло активно использовать в деле исправления книг методы и опыт академической науки. Опасаясь нового церковного раскола, Комиссия сочла возможным лишь «исправить принятый в богослужебную практику нашей Церкви церковнославянский (Никоновский) перевод, устраниТЬ его неточности и ошибки, а главным образом, сделать его возможно понятным не только для читающего (для него наш перевод и теперь почти везде понятен), но и для слушающего». Результатом деятельности Сергиевской Комиссии явилась исправленная редакция Постной и Цветной Триоди, демонстрировавшая реализацию установки на понятность языка [Кравецкий, Плетнева 2001, 42–124].

Связь с церковнославянским языком и достигнутый формально-семантический и функциональный уровень развития позволили русскому литературному языку претендовать на роль нового «общего» славянского языка, необходимость которого была мотивирована в XIX веке концепцией этнического универсализма.

Славянской реализацией концепции *этнического универсализма* была идея кровного единства славян, идея «всеславянства» и его мирового признания, актуализированная в славянской культурной памяти «этнический императив самосознания». В эту эпоху представления о едином человечестве сменялись представлениями о множественности «культурно-исторических типов», а всемирная история сменялась историями отдельного и независимого развития данных типов. При этом в ранг «культурно-исторического типа» могло быть возведено лишь такое объединение народов, которое обладало «отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий» [Данилевский 1871, 94].

Соответственно, явленные в этот период этнически мотивированные лингвистические концепции предлагали либо возведение одного из славянских литературных языков в ранг «общего», либо «взаимное» овладение всеми славянскими языками для достижения «литературной взаимности», либо создание искусственного *нового «общего» славянского литературного языка* посредством соединения элементов основных культурно соположенных славянских литературных языков [Будилович 1892; Ягич 1910].

Сторонники «теории возвышения» одного из частных языков до роли «общего» (словацкие ученые К. Кузмани, Л. Штур, М. Гаттала, словенский ученый Ф. Подгорник, русские ученые В. Ламанский, А. Добрянский) рассматривали свою концепцию в рамках общеевропейской языковой ситуации, что приводило к распространению опыта создания новоевропейских литературных языков, на основе выбранных диалектов, на создание «общеславянского» литературного языка, на основе выбранного культурно доминирующего локального славянского литературного языка. Так, М. Гаттала в статье «O všeňovanském jazyku a písmě» (1871–1872 г.) увержал, что «основой и душой каждого из живых и мертвых литературных языков было одно из действительных наречий или разноречий, римское для латинского, саксонское для немецкого, парижское для французского, тосканское для итальянского, московское для русского... всеславянский литературный язык может выработать лишь таким образом, что мы примем один из дейст-

вительных славянских языков за общелiterатурный» [цит. по: Будилович 1892, 335].

В роли «общего» славянского литературного языка призваны были выступить либо исторически мотивированный церковнославянский язык, либо русский литературный язык, строгость норм которого определялась непрерывностью развития и последовательностью кодификации, а функционирование было защищено государственной властью. Однако церковнославянский язык при всех своих достоинствах, «особенно по богатству склоняемых и спрягаемых форм», все же уступал, по мнению Ф. Подгорника, русскому языку, «как язык мертвый, оторванный от наречной почвы и лишенный претворяющей силы внутренних аналогий» [цит. по: Будилович 1892, 343], знание церковнославянского языка было необходимо лишь как знание культурного «языка-предка». Что касается русского языка, то он имел и формальное, и функциональное преимущество, что наиболее емко выразил К. Кузмани: «Я того мнения, что мы должны принять русский язык. Русское племя — самое сильное, литература — самая богатая и язык — самый всеславянский». Обосновывая выбор русского языка на роль культурно доминирующего, Л. Штур в работе «Славянство и мир будущего» (1867 г.) обращал особое внимание на функциональное преимущество русского языка: «Русский язык — язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени, которому и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех славянских языков это самый богатый, сильный и полнозвукочный, запечатленный могуществом» [Штур 1867, 188]. Формальное превосходство русского языка особо подчеркивал Ф. Подгорник в статье «*O pismenih jezikih na sploh in obceslovanskem literaturnem jeziku posebe*» (1878 г.): «Главные преимущества (русского языка) перед прочими заключаются не в том, что он выше их по силе государственной, ибо это условия, лежащие вне языка, а потому и преходящие в движении жизни. Важнее то, что звуковой и формальный строй русского языка занимает середину между прочими языками и носит в себе залог продолжительного и прочного развития, логическое расчленение его

форм строже и тоньше, чем в других языках... его лексикон безграничен, благодаря разнообразию естественных и нравственных условий жизни бесчисленных ветвей русского народа» [цит. по: Будилович 1892, 343]. Равным образом, мысль о том, что русский язык «самый всеславянский», разделяли и русские учёные. Так, В. Ламанский в работе «Сербия и южнославянские провинции Австрии» (1867 г.) утверждал, что все славяне должны были принять русский литературный язык «органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим с сохранением своих наречий и словесности для местных потребностей» [Ламанский 1864, 33]. Развивая идею В. Ламанского, А. Добрянский в статье «Взгляд на вопрос об общеславянском языке» (1888 г.) предложил программу «дифференцированного функционирования» русского языка в зависимости от историко-политической ситуации в славянских странах. Так, «в самостоятельных славянских государствах, связанных с Россией (Болгария и Черногория) ... русский язык должен господствовать в делах иностранных, торговых, военных и путейских .... в низших училищах обязательно обучение русской грамоте и письму, в средних же следовало бы ввести обязательное обучение церковнославянского и русского языков, с преподаванием Закона Божия на первом, а истории и географии на втором, в высших училищах на русском языке должны бы преподаваться всеобщая история, славянская словесность, славянская история, славянская филология, славянское право и богословие». В свою очередь, «в самостоятельных славянских государствах, не связанных с Россией (Сербия) ... желательно видеть употребление русского языка вместо французского в сношениях местных учреждений и обществ с русскими и инославянскими .... молодежь должна обучаться в средних школах церковнославянскому и русскому языкам, в высших заведениях желательно преподавание на русском языке всех отделов славяноведения». Наконец, «в государствах неславянских (Австрия, Германия, Турция) ... следовало бы преподавать» в средних школах церковнославянский и русский язык, а в высших учебных заведениях требуется «преподавание на русском языке всех отделов славяноведения» [цит. по: Будилович 1892, 353–355]. В целях совершенствования самого русского языка А. До-

брянский предлагал «основать в России общеславянскую академию словесных наук», которая, в частности, принимала бы «действительные меры к очищению русского языка» от заимствований.

Сторонники «теории литературно-языковой взаимности» (словацкий ученый Я. Коллар, чешский публицист В. Ригер) считали невозможным выбор одного литературного языка в качестве «общеславянского», поскольку такой выбор игнорировал историческую закономерность конфессиональных и политических различий славян. Так, В. Ригер в речи на собрании Славянского съезда 1867 г. подчеркивал, что «многие предпочли бы слиться телом и духом в одно целое, но тысячелетняя история не стирается бесследно» [цит. по: Будилович 1892, 305]. Путь к единению следовало искать в «гармонии всех частей», достигаемой «взаимным» изучением славянских языков. Основоположник данной теории Я. Коллар в статье «Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation» (1837 г.) утверждал, что каждый славянин мог обрести «свое» место на «культурно-языковой лестнице» в зависимости от степени своей образованности: на первой ступени требовалось знание четырех основных языков – русского, сербского, польского и чешского, на второй ступени требовалось знание болгарского, хорватского, словенского языков, на третьей, высшей ступени, предполагалось знание всех славянских литературных языков. Такое «взаимное» изучение славянских языков должно было привести, по мнению Я. Коллара, к «литературной взаимности», «чтобы каждый образованный славянин мог понимать живую и книжную речь соплеменника и ознакомиться со всем классическим и всеславянским на родственных диалектах» [цит. по: Будилович 1892, 300]. Не находя «полной параллели литературной взаимности» у новоевропейских народов, Я. Коллар ссылался на исторический опыт греков: «Диалекты ионический, эолический, дорический и аттический различались друг от друга не менее славянских, однако связаны были цепью литературной взаимности» [цит. по: Будилович 1892, 300]. Средствами достижения славянской «литературно-языковой» взаимности Я. Коллар считал издание общеславянской хрестоматии, славянских грамматик и словарей, демонстрировавших замену иноязычных слов славянскими.

Сторонники «теории искусственного образования общего языка» (словацкий ученый Я. Геркель и словенский ученый М. Маяр) исходили из специфики славянской языковой ситуации, маркером которой являлось единое литературно-языковое прошлое – «своебразный гений славянского языка». Путь создания нового «общего» славянского литературного языка отражал лингвистическую рефлексию данной эпохи, сутью которой было «раскрытие» посредством сравнительно-исторического анализа самоценности каждого конкретного языка. Само сближение-сравнение языков определяло их структурную «прозрачность», позволяя дифференцировать общие и локальные, стандартные и нестандартные языковые элементы, в которых прочитывалось структурное прошлое и прогнозировалось структурное будущее. Явленная в этот период лингвистическая рефлексия не только «раскрывала» сходства языков, находившихся в «братском времени и пространстве», но и «развивала» эти сходства, порождая идею «перехода» от прерывной языковой совокупности к непрерывной, т. е. идею «перехода» от реально функционировавших литературных языков к моделируемому новому «общему» литературному языку.

Так, Я. Геркель в своем грамматическом трактате *«Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta»* (1826 г.) утверждал, что сравнительное изучение славянских языков, учитывающее их формальный и функциональный статус, должно привести к созданию «одного по формам и духу» славянского литературного языка: «Нормы общего языка должны быть выведены из сравнительного изучения отдельных наречий и под наречий... Язык может быть развиваем в двух направлениях: общественном и логическом. Первое зависит от разнообразия условий общественной жизни, которое выше в народе большом, чем в малом. В этом отношении славянский язык, как распространенный по всей восточной Европе и северной Азии, имеющий и богослужебное, и военное, и торговое, и дипломатическое употребление, занимает очень высокое место между другими... Но об руку с общественной обработкой должна идти и логическая, по определенным началам, с изгнанием исключений, которые служат верным показателем недостатка логической обработки языка». Только «общественно-логическая обработка» славянских языков приведет,

по мнению Я. Геркеля, к созданию «общего языка, который был бы общим органом славянских литератур, почвой для развития настоящего панславизма» [цит. по: Будилович 1892, 319, 321].

Наиболее разработанная модель «общего» славянского языка как результата соединения церковнославянского языка, т. е. традиционного «общего» славянского литературного языка, и культурно соположенных языков — русского, сербохорватского, чешского, польского — была представлена в грамматике «взаимнославянского» языка Матии Маяра «Узаємні правописі славянські то є: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» 1865 г. [Запольская 1996, 1998, 2000, 20006].

В XX веке своеобразной культурно-языковой репликой на концепции этнического единения славян явилась концепция суперэтнического единения. В концепции евразийства представления о «культурно-исторических типах» сменились представлениями о «культурно-исторических зонах», т. е. совокупности этносов, связанных единой исторической судьбой [Гумилев 1995, 51]. Знаком «культурно-исторической зоны», характеризующейся общностью культурных и исторических традиций, являлся культурно доминирующий язык. Способность русского языка стать знаком «новой зоны, уже не славянской, а евразийской», обосновал филолог и этнограф Н. С. Трубецкой в работе «К проблеме русского самопознания» (1927 г.). Точной отсчета концепции Н. С. Трубецкого была идея о том, что только языковой критерий является единственным знаком славянства: «Славянство» не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое. Язык, и только язык, связывает славян друг с другом» [Трубецкой 1995, 206]. Изучение истории славянских литературных языков позволило Н. С. Трубецкому выделить две литературно-языковые доминирующие данности — церковнославянский язык и русский литературный язык, являющийся структурным и функциональным преемником церковнославянского. Согласно концепции Н. С. Трубецкого, церковнославянский язык функционировал в определенных исторических условиях как литературный язык одного славянского этноса, а русский литературный язык в новых культурно-исторических условиях должен стать литературным языком евразийского суперэтноса:

«Так как староцерковнославянский язык ... был по своему замыслу общеславянским литературным языком конца эпохи праславянского единства и так как за исключением русского литературного языка ни один из славянских языков не сохранил непрерывной преемственности церковнославянской традиции, то естественно было бы русскому литературному языку стать языком культурных и деловых сношений между отдельными славянскими народами», однако «в силу разных политических и исторических причин русский литературный язык в настоящее время не может стать орудием междуславянского общения, несмотря на то что по своей природе имел бы для этого все данные. Зато в силу других, опять-таки историко-культурных причин русский язык фактически является орудием культурного, политического и делового общения между народами России-Евразии» [Трубецкой 1995, 199]. Однако реальная история XX века опровергла идею «естественного» функционирования русского литературного языка как «общего» «евразийского» языка.

Таким образом, явленный в XIX веке этнический универсализм обусловил преемственность рефлексии над «общим» славянским литературным языком: рефлексия над новым «общим» славянским литературным языком носила семантический, конвергентный, креативный характер.

* * *

Построение типологической модели лингвистической рефлексии позволило рассмотреть славянскую лингвистическую рефлексию в типологическом аспекте и представить размышления об «общем» славянском литературном языке как определенные рефлексивные типы, реализованные в пространстве и во времени культуры: *формальная, конвергентная, корректирующая рефлексия / формально-семантическая, конвергентная, корректирующая рефлексия → семантическая, конвергентная, креативная рефлексия*.

Порожденные в разных хронологических и локальных пространствах концепции «общего» славянского литературного языка являлись репрезентантами тех духовных эпох, когда славянский мир сближался на основе конфессиональной или этнической ретро-

спективы, концептуально актуализировавшей «вопрос начала славянского самосознания», память о культурно-языковом феномене «славянское христианство» [Толстой 1998, 48]. В зависимости от типа и варианта культуры лингвистическая рефлексия актуализировала идею *правильности* или *понятности* «общего» славянского литературного языка, в роли которого мыслился либо церковнославянский язык, либо русский литературный язык, либо «искусственный» язык, синтезировавший элементы разных славянских языков.

ГЛАВА 2

«Общий» славянский литературный язык в конфессиональной культуре (*Slavia Orthodoxa*): проблема правильности языка

§1. Грамматики XVII–XVIII вв. («Грамматіки Славенскія пра-
вилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г. < «Грамматика»
1648 г., «Грамматика» 1721 г.): кодексы норм *правильного* лите-
турного языка

1.1. «Грамматіки Славенскія пра-
вилное Синтагма» Мелетия
Смотрицкого (1619 г.): грамматическая традиция культурно-языко-
вого «пограничья»

Мотивированную концепцией *православного универсализма* реф-
лексию «греко-славянского» мира над церковнославянским языком как
«общим» *литургическим и литературным языком православных*
славян демонстрировали в XVII – нач. XVIII века церковнославянские грамматики и библейская книжная справа.

В конфессиональной культуре все лингвистические сочинения
носили экзегетический характер, поскольку создавались для того,
чтобы верующие могли «*стая писання со вниманнє* проходить» и в
результате «*пріти в познаніє истины*» [Ковтун 1989, 158, 159; За-
польская 2002, 27–30].

Начало грамматической традиции «греко-славянского» мира и
культурно-языкового «пограничья» связано с появлением в XIV веке
анонимного трактата «*О ѿсмихъ частехъ слова*» [Ягич 1896].
Грамматический аппарат этого сочинения представлял контаминацию
морфологической модели Дионисия Фракийского и син-
таксической модели Аполлония Дискола, результатом которой
явилась предельно лаконичная в своем содержании схема тради-
ционных восьми частей речи и основных грамматических категорий,
перенесенная на славянский языковой материал [Никольский 1999, 9–33]. Приведенный корпус примеров непосредственно со-

относился с текстом «Богословия» Иоанна Дамаскина, что, возможно, свидетельствовало об исходной функции трактата как «филологического ключа» к данному богословскому сочинению [Keipert, 1999]. Авторитет греческой грамматической традиции, освященной именем византийского богослова, мотивировал восприятие трактата как «грамматического канона православия», который широко распространялся в списках, а в 1586 г. был издан в Вильно под заглавием «*Кграматыка словенъска языка*» [Мечковская 1984, 36]. Однако в сложных поликонфессиональных и полилизыковых условиях «пограничья», актуализировавших задачу теоретической и практической защиты церковнославянского языка как знака православной веры, требовалась развернутая аналитическая языковая кодификация. Результатом напряженной рефлексии над церковнославянским языком, который традиционно назывался «сла(о)венским», явились две грамматики — «*Грамматика словенска*» Лаврентия Зизания 1596 г. и «*Грамматики Славенскыя правила Синтагма*» Мелетия Смотрицкого 1619 г.. Авторы данных грамматических сочинений рассматривали церковнославянский язык как «общий» литургический и литературный язык православного славянства, функционально тождественный «классическим» языкам и противопоставленный «простому» «русскому» языку («простой мове»). Признание за церковнославянским статуса «классического» языка определило необходимость достижения равного с греческим и латынью формально-семантического «достоинства» (*dignitas*), состоявшего в филологической «обработанности», что, в свою очередь, углубило общеевропейскую идею лингвистического описания по греческим и латинским грамматическим схемам [Живов 1986, 92–93]. При общности кодификаторских установок грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого имели существенные различия [Мечковская 1984; Кузьминова, Ремнева 2000].

Так, Лаврентий Зизаний при построении грамматического аппарата, используя опыт греко-славянской грамматики «Адельфотес» («*Грамматика добrogлаголиваго юлинословенскаго языка*» Львов, 1591 г.), отдавал предпочтение латинским грамматикам: традиционной «*Ars minor*» Элия Доната, а также грамматикам Филиппа

Меланхтона («Grammatica Philippi Melanchthonis Latina...», Lugduni, 1554 г., Wittenbergae, 1585 г.), Сигизмунда Лупула («Erotemata octo partium orationis...», Cracoviae, 1550 г.), Альберта Басея («Alberti Basaei Scebresinensis Observationum Grammaticarum Libri Quinque...», Krakau 1567 г.) и Иоанна Урсина («Ioannis Ursini Leopolensis Methodicae Grammaticae libri quattuor», Львів, 1592 г.), изданным в гуманистических кругах Германии и Польши [Возняк 1911, 22–27; Stankewicz 1984, 33–35; Захарьин 1995, 47–48]. Мелетий Смотрицкий также обращался к латинским грамматикам Доната, Диомеда, Меланхтона, Линакра, Альвареса, однако в основных параметрах грамматика Смотрицкого была ориентирована на грамматики греческого языка Филиппа Меланхтона, Константина Ласкариса («ГΡΑΜΜΑΤΙΚΗ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΓΛΩΣΣΕΣ», Милан, 1476 г.) и Мартина Крузия («Martin Crusii. Grammaticae Grace, cum Latina congruens, Pars altera», Basel 1585 г.) [Булич 1904, 176; Косиуба 1975; Захарьин 1995, 97]. Соответственно, при общем механизме синтезирования греческой и латинской традиций осмысление славянского языкового материала осуществлялось при преобладающей ориентации на латинские грамматики у Лаврентия Зизания и на греческие грамматики у Мелетия Смотрицкого.

Выполняя в первую очередь роль учебных пособий для православных братских училищ, грамматики были адресованы разным участникам учебного процесса: грамматика Зизания — ученикам («спъдешим»), а грамматика Смотрицкого — учителям («учителем школьным»). Различие целеустановок определило различия в объеме и детализации разработки языкового материала: грамматика Зизания, представляя собой «прескриптивный минимум», задавала на морфологическом уровне инвариант «славянского» языка, тогда как грамматика Смотрицкого, являясь «прескриптивным максимумом», демонстрировала не только на морфологическом, но и на синтаксическом уровне языковую вариативность, подвергнутую сложной филологической «обработке».

Обращение к разной аудитории обусловило различия метаязыка и формы изложения. Так, в грамматике Зизания в функции метаязыка были параллельно использованы церковнославянский язык и «простой» «русский» язык. В грамматике Смотрицкого ос-

новным метаязыком являлся церковнославянский, а «простой» «русский» язык был представлен только в предисловии и в примерах, являвших собой перевод наиболее сложных форм и конструкций церковнославянского языка. Адресуя грамматику ученикам, Зизаний выбрал вопросно-ответную форму изложения материала, которая признавалась наиболее доходчивой формой обучения. Смотрицкий, создавая текст для учителей, избрал монологический формат, позволявший воспринимать грамматику и как учебное, и как регламентирующее руководство.

Таким образом, грамматика Мелетия Смотрицкого по теоретическим основам и прагматическим параметрам представляла собой значительное явление грамматической мысли и в силу этого определила лингвистическую рефлексию разных славянских культурно-языковых пространств.

Основной теоретической установкой Мелетия Смотрицкого явилась установка на достижение посредством грамматической «обработки» *правильности* – «чистоты» «славянского» языка, тождественной *правильности* греческого и латинского языков: «Вѣдае-те ѿкѹмъ/ котоѹи сгесѧ грѣцкон/ любъ Латінскон Гра"матікн хѹдозствъ оѹчили/ што ѿна єсть къ понятю ѹзыка чистоты/ ... вшелакій пожитокъ/ котоѹи ко"// вѣкъ преречоныхъ ѹзыковъ Граматікн чиннити звыкли, ве³ вонгпейн ѵ Славенскам въ своємъ ѹзыцѣ Славенскомъ оѹчиннити можеть» (здесь и далее ГС, л.2). Характерный для гуманистической филологии ценностный акцент на «чистоту» языка определил основные характеристики кодифицированных Смотрицким языковых элементов: «чистъ», «чистое свойство». Размышления Смотрицкого о *правильности* «славянского» языка, зафиксированные в комментариях (в рубриках «оѹвѣщеніе», «їзѧтіе», «етерокліт»), актуализировали проблему *влияния греческого языка на «славянский»*, а также проблему *формальной избыточности* («їзобилия») и *недостаточности* («лишненія») «славянского» языка.

Представления Смотрицкого о *правильности* «славянского» языка на морфологическом уровне наиболее последовательно проявились при кодификации именных норм.

Имя определялось Смотрицким в соответствии с греко-латинской традицией как часть речи, обозначающая «вещь» и реализую-

щая релевантную для дихотомии имени и глагола грамматическую категорию падежа: «Имя́ є́сть чàсть слóва вéщи нареchénie падéжни склоняющaя» (ГС, л. 20 об.). Помимо грамматической категории падежа имя обладало категориями рода и числа, а также получало характеристику по признаку одушевленности // неодушевленности, впервые введенному Смотрицким: «вéщи ѿдшевлены́я и вéдышны́я» (ГС, л. 42 об.). Имена прилагательные характеризовались также по признаку формы и компарации. Склонение имен было представлено 5 формальными классами, в основу дифференциации которых были положены три иерархически заданных критерия:

- лексико-грамматическая семантика (имена существительные: 1–4 типы склонения // имена прилагательные: 5 тип склонения),
- родовая принадлежность для имен существительных (доминирование имен женского рода: 1, 3 типы склонения // доминирование имен мужского рода: 2, 4 типы склонения),
- характер флексий и качество конечного элемента основы (4- склонение: 1 тип склонения // ь- склонение: 3 тип склонения; т-склонение: 2 тип склонения // т' склонение: 4 тип склонения).

Объем реализации и состав членов именных грамматических категорий были заданы в грамматике Смотрицкого как не подлежавшая обсуждению константа, определявшая *формально-семантическую дистанцию* между «славянским» и «простым» «русским» языком.

Так, грамматическая категория числа реализовала в «славянском» языке избыточную, с позиции «русского» языка, трехчленную оппозицию – «единственное число // двойственное число / множественное число»:

«Число́ є́сть мноjества илì малости изъявленiе: Числа суть трин 'Единственное / Двойственное / и Множественное. 'Единственное є́сть / ёже ёдинъ вéщи знаменуетъ: якш, той члвкъ. Двойственное є́сть / ёже ѿ двю вéщъ повтествуетъ: якш, та члвка. Множественное є́сть / ёже многiа вéщи представляетъ: якш, тiн члвци» (ГС, л. 30 об.–31).

Грамматическая категория одушевленности//неодушевленности, напротив, получала в «славянском» языке ограниченную, с позиции «простого» «русского» языка, реализацию: только у имен мужского рода в грамматической позиции В. ед.:

«...и́мéнъ мъжеских .... винíтелный ѿдшвleныxъ ве́щíй на/А, Еe³д8шиx вслкx именíтелном8 подобен» (ГС, л. 42 об.).

Искомая Смотрицким *правильность* «славенского» языка связывалась с переменными величинами, а именно, с формантами, потенциально задававшими *формальную избыточность и недостаточность* языка.

Формальная избыточность признавалась Смотрицким нормой «славенского» языка при условии наличия ее фонетической, словообразовательной или лексической мотивации.

Так, для существительных мужского рода Смотрицкий рекомендовал наряду со стандартными нестандартные флексии, которые были либо противопоставлены друг другу, либо находились в отношении ограниченной вариативности.

В грамматических позициях Р. ед., П. ед., З. ед. определенные группы имен получали только нестандартные флексии.

В Р. ед. Смотрицкий кодифицировал наряду со стандартными флексиями *-А/-А* нестандартную флексию *-Е* для имен с суффиксом *-ЕН-*, а также нестандартные флексии *-Я*, *-И*, имевшие лексическую прикрепленность («домъ», «п8ть»):

Р. ед.: *-А/-А // -Е, -И, -Я*

«Всѧ на/ нь, кончающѧ склонениѧ сегѡ имена/ чистѣ роднїтелный єдинственныи сходити твóрж на/ Е, нежели на/ Я: ѹакѡ, корéнь/ корене: степень/ стéпене: камень/ не: день/ дне: пламень/ не...» (ГС, л. 72 об.).

«П8ть/ п8ти, ѕ роднїтелномъ єдн³ ... нежели п8тј...» (ГС, л. 73),

«домъ» (ГС, л. 52 об.).

В П. ед. фиксировалась лексически закрепленная нестандартная флексия *-Я* («домъ»).

В З. ед. собственные имена греческого происхождения с основой на *ј* получали нестандартную флексию *-Е*, противопоставлявшую их славянским именам с флексией *-Я*:

3. ед.: -**Я** // -**Е**

«И се да оүквєтсѧ, іакѡ собственнаѧ на/ ай: ей: и/ ій кончашаѧсѧ/ звателенъ єдинственъ творжъ искрїгте на/ е, Звателнагш Греческагш ѿциагш ѿбычаемъ: іакѡ, Ніколае/ Тимоѳее/ Фарисе/ Григорие/ Василе/ Мелівіе.» (ГС, л. 71 об.).

В грамматической позиции Д. ед. Смотрицкий представил на правах равных вариантов стандартные флексии -**Я**/-**Ю** и нестандартные флексии -**ОВИ**/'-**ЕВИ** для односложных имен, а также для слова «Гдѣ»:

Д. ед.: -**Я**/-**Ю** // -**Я**/-**Ю** + -**ОВИ**/'-**ЕВИ**

«... израѧтвє єдиносложнаѧ растворятисѧ мощн... сынъ/ илн синови, жерци/ илн жерцеви, домъ/ илн домови, врачю/ илн врачеви» (ГС, л. 50, 50 об., 57 об., 72),

«Гдѣ/ илн Гдви» (ГС, л. 73).

В грамматической позиции И. мн. Смотрицкий предложил сложную схему дифференциации и вариативности формантов, включавшую разные уровни мотивации: оппозиции флексий в зависимости от качества конечного элемента основы, определявшие различие типов склонения (-**И** /'-**ИЕ**) и различия имен внутри отдельных типов склонения (-**Е** для имен с основой на j), а также оппозиции флексий в зависимости от словообразовательных особенностей имен (-**ОВЕ**/'-**ЕВЕ** как варианты для односложных имен, -**Е** как формальный показатель имен с суффиксом -**АНИ-**):

И. мн.: (t) -**И** // -**Е**, -**И** + -**ОВЕ**/'-**ЕВЕ**

«Римляне (Сине, Галілеаній Парфланинъ/ Персланинъ/ Еламітнъ: Галатинъ/ Вінданінъ/ Лвовланінъ/ Корін-фланинъ/ Егуптланінъ/ хрістіанінъ...)» (ГС, л. 53 об., 54),

«... израѧтвє єдиносложнаѧ растворятисѧ мощн... сны/ илн синове, жерци/ илн жерцеве» (ГС, л. 50, 50 об.).

И. мн. м.: (t') -**ИЕ** + -**Е**, -**ИЕ** + -**Е** + -**ОВЕ**

«пастырые илн пастыре, матежіе илн матеже, свѣдните-ліе: и свѣднителе» (ГС, л. 63 об., 64 об., 65),

«ходо́тгáе, іерéе, тра́віе, зно́е, кра́гъе, любодéе» (ГС, л. 65 об., 66 об., 67, 68, 68 об., 69),

«...и́мена/ ёдиносложнаа ызрдигъе, растворимаа быти ѿбрѣтгáемъ... врачие, враче, илн врачеве» (ГС, л. 72, 72 об.).

У имен существительных женского рода, формировавших 1 склонение (-а/-и - склонение), в грамматической позиции И. ед. наряду со стандартными флексиями **-А/-И** фиксировалась как инвариант или вариант нестандартная флексия **-И**, имевшая словообразовательную мотивацию (имена с суффиксом **-ЫН-**):

И. ед.: -А/-И // -И (+-А)

«Самарынынн, Стынн, илн стынн ... Сице, Бгуптагынынн/ Сямантгынынн/ Грекинн/ Рассинн... гордына / илн гордынн: Рабына / илн Рабынн: ма́тына / илн ма́тынн...» (ГС, л. 40 об., 41, 41 об.).

Среди имен существительных женского рода, относившихся к 3 склонению (-ь - склонению), Смотрицкий выделил имена с суффиксами **-ЕР-**, **-ОВ-**, которые получали стандартные и нестандартные флексии в грамматической позиции И. ед. (нулевая флексия + **-И** или **-Ы**) и нестандартную флексию в грамматической позиции Р. ед. (**-Е**):

И. ед.: нулевая флексия // нулевая флексия +-И** (-Ы)**

«матéрь: илн матн», «свекровь/ илн свéкры»,

Р. ед.: -И // -Е

«матéре... Сице, любóвь/ илн любы: неплóдь/ илн неплóды: дщéрь/ илн дщи: цéрковь/ илн цéркви: кровь/ илн крви: свекровь/ илн свéкры...» (ГС, л. 60 об., 61 об.).

У имен существительных среднего рода с суффиксами **-АТ-**, **-ЕН-**, **-ОС-** формальная нагруженность проявлялась в грамматических позициях Р. ед., Д. ед.-П. ед., в которых они получали нестандартные флексии **-Е**, **-И**:

Р. ед.: -А // -Е

«*отрочате, ймене, словесе*» (ГС, л. 51, 52, 52 об.).

Д. ед. – П. ед.: -Я // -И

«*отрочати, ймени, словеси*» (ГС, л. 51, 52, 52 об.).

Признанная нормой, формальная избыточность позволяла Смотрицкому определенным образом решить и проблему *формальной недостаточности*. Зону формальной недостаточности определяли у существительных мужского рода омонимичные ряды И. ед. (В. для неодуш.) = Р. мн., (т', шипящий и ц-) Р. ед. (В. для одуш.) = В. мн., (т) В. мн. = Т. мн., у существительных женского рода формально ослабленным являлся ряд (т', шипящий и ц-) И. ед. = Р. ед., И.-В. мн. Стремясь устраниТЬ омонимию, Смотрицкий использовал либо грамматический способ, предполагавший введение варианной неомонимичной флексии, либо орфографический способ, основанный на дистрибуции дублетных букв и надстрочных знаков. При этом орфографический способ имел греческий образец использования букв ο-ω для различия омонимичных форм единственного и множественного числа [Успенский 2002, 326–328].

Так, у имен мужского рода снятие омонимии по падежу, явленной в ряду (т) В. мн. = Т. мн. (-Ы), достигалось посредством введения в грамматическую позицию Т. мн. варианной неомонимичной флексии **-АМН**:

В. мн.: -Ы   =   // Т. мн.: -Ы + -АМН

Клевреты

тармы

бонны

юроды

дръги

грѣхи

домы

сыны, и сно́вы

(но) римламы

Клевретамн и клевреты

тармамн, и тармы

боннамн, и бонны

юродамн и юроды

дръгамн и дръги

грѣхамн и грѣхи

домамн

сыны и сно́мы

римламы

(ГС, л. 43–57 об.).

Для снятия омонимии по числу и падежу, представленной в ряду И. (В. для неодуш.) ед.= Р. мн. (нулевая флексия), Смотрицкий вводил в грамматическую позицию Р. мн. нестандартные вариантные флексии **-ѡѢТЬ/-ѡѢТЬ** (для односложных слов) и **-ѠИ** (для многосложных слов с исходом основы на т') и/или использовал орфографические средства дифференциации форм – дублетные буквы и надстрочные знаки:

И. ед.: //

-нулевая флексия

дрѹгъ
грѣхъ
снъ
домъ
врачъ

-нулевая флексия

пастырь
матéжъ
свѣдітель

-нулевая флексия + оппозиция дублетных букв: є, о

бт҃ецъ
іаремъ
юродъ
пророкъ
іерей

Р. мн.:

-нулевая флексия + -ѡѢТЬ/-ѡѢТЬ+
разница надстрочных знаков

дрѹгѡвъ, илѝ дрѹгъ
грѣхѡвъ/ илѝ грѣхъ
снѡвъ/ илѝ снѡвъ
домѡвъ/ илѝ домъ
врачѡвъ/ илѝ врачѡвъ

-нулевая флексия + -ѠИ

пастырѠи/ илѝ пастырь
матეжѠи/ илѝ матéжъ,
свѣдітелѠи: и/ тель

-нулевая флексия + оппозиция дублетных букв: є, ѿ

бт҃ецъ
іаремъ
юродъ
пророкъ
іерей

(ГС, л. 43–73).

Однако заданные Смотрицким ограничения в употреблении нестандартных вариантных формантов не позволили ему последовательно провести снятие омонимии в данном ряду: «клевретъ, вониъ, ходотай, мравій, зной, крагъ, любодай» (ГС, л. 43, 44, 65 об., 66 об., 67 об., 68, 68 об., 69).

Равным образом, нерешенной в грамматике Смотрицкого осталась проблема омонимии по числу и падежу у имен существительных мужского рода (типы «пастырь», «отецъ»), явленная в ряду Р. ед. (В. для одуш.) = В. мн (-ѧ, -ѧ = -ѧ), и у имен существительных женского и мужского рода (типы «ладіа», «мрежа» и «сѹдіа», «юноша»), представленная в рядах И. ед. = Р. ед., И.-В. мн. (ѧ = -ѧ) и И. ед. = В. мн (-ѧ = -ѧ):

Р. ед. (В. для одуш.) = В. мн: -ѧ

«Род. ед.: па̄стыръ, матѣжа, свѣднтелъ, ходотаѧ, іеремъ,
мравіѧ, зноѧ, крагѹѧ, любодѣѧ...»

Вин. мн. па̄стыръ, матѣжа свѣднтелъ, ходотаѧ, іеремъ,
мравіѧ, зноѧ, крагѹѧ, любодѣѧ...» (ГС, л. 63 об.–69).

И. ед. = Р. ед., И.-В. мн. :-ѧ, -ѧ

«Имен. ед. Ладіа, Мрежа

Род. ед. Ладіа, Мрежа

Имен. мн. Ладіа, Мрежа

Вин. мн. Ладіа, Мрежа» (ГС, л. 36 об., 39 об.).

Определенное ограничение омонимии давала флексия -ы, представленная как вариант в грамматической позиции В. мн. у существительных мужского рода разных типов склонения с исходом на шипящий (тип «юноша») и на -ц (тип «отецъ»):

Р. ед. (В. для одуш.): -ѧ

ѿца

=// В. мн: -ѧ, -ы

ѿцы, ѿ ѿца (ГС, л. 48)

И. ед.: -ѧ

юноша

В. мн.: -ѧ, -ы

юноши ѿ ѿноша (ГС, л. 37)

Взгляды Смотрицкого на правильность «славянского» языка на синтаксическом уровне наиболее последовательно проявились в интерпретации синтаксических грецизмов. Считая греческий язык источником правильности «славянского» языка, Смотрицкий следовал традиции, идущей еще от Иоанна экзарха Болгарского, тре-

бовавшего при переводе «отъ єлнъска языка, еже есть гръчъскъ, въ словѣнъскъ... разоумъ блюстн» [Ягич 1896, 33–34], т. е. не нарушать грамматическую семантику «славенского» языка. В соответствии с этим постулатом Смотрицкий разделял синтаксические грецизмы по степени их семантической адекватности и предлагал либо принять синтаксический грецизм, либо устраниТЬ, либо допустить вариативность грецизмов и славянских синтаксических единиц. В результате проведенной Смотрицким своеобразной «селекции» синтаксических грецизмов приемлемыми для «славенского» языка оказались конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. в функции подлежащего и дополнения, а также конструкции с субстантивированными причастиями в роли подлежащего и дополнения и с причастиями в атрибутивной, полупредикативной и предикативной функциях:

- конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.:

(Греческаго сочиненія образом) Многажды такова Прилагательна ... множественнѣ во Среднемъ родѣ ве³ Существительны оұпотреблема ѿбрѣщетсѧ, йакш... в домъ Давѣ страшнаа совершаются ... (ГС, л. 197),

- причастные конструкции:

«Има... Причастное Существо въелномъ/ ємъ же са прилагаетъ/ согласуетъ въ то же родѣ/ числѣ/ и подежн, йакш... Аще єсть оұбої ходай во простотѣ своей/ нежели богатъ оұмъчалий оұстинѣ свет...» (ГС, л. 195 об.).

«Причастія поставляютъ сочиненію гла... Не давый требующемъ/ ии же самъ требуемъ оұлчнть..

Елинісмъ есть Причастій гла существо въена со имены оұпотребленіе, йакш... Члвкъ същъ вслъческихъ чаати подобаетъ...

Сый/ съща/ същее/ причастій/ и прочінхъ всѣхъ оұпотребленіе, по Греки въ сочиненію Славяншъ свойственно єсть: йакш, Бгъ сый міра, Оцъ щедрітъ» (ГС, л. 226–226 об.).

«Всѣхъ залигъ Глашъ сочиняємъ вываєтъ дателенъ Самостојтеленъ, йакш, Бгъ дающъ зависть иичто же оұспѣваетъ» (ГС, л. 213 об.).

В качестве недопустимой синтаксической единицы рассматривалась конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом главной части сложного предложения не только по роду и числу, но и по падежу, что нарушало славянскую модель управления глагола:

- конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом > конструкция с относительными местоимениями, грамматически мотивированными моделью управления глагола

«*Есть Аттікі*» *свойство/ Славенскъ языку всакъ*
странны/ Возносителномъ со Предидущимъ вто же падежи
сочинятися, напоследующий гла, иже правимъ быти емъ
достоинше/ ни единъ возгладъ имущемъ: якъ, пои еиси та
елетъ сои та архата, куре, а ѿбосац тво Даунд ен ти
аллехея, сои. Славенски переведено сице: Где суть мати
твоя древная Гди, аже клааса Двдъ во истиннѣ твоей....
по Славенскаго языка свойствъ переведенный быти досто-
инше, Где суть мати твоя древная Гди/ иниже клаасъ еси
Двдъ во истиннѣ твоей» (ГС, л. 204 об.–205).

Особую семантическую дифференциацию получили в грамматике Смотрицкого конструкции с одинарным отрицанием и с двойным отрицанием, выступающие в качестве вариантов в греческом языке. Согласно рекомендациям Смотрицкого, полонегативная конструкция имела положительный смысл, соответственно, мононегативная конструкция отрицательный смысл:

- мононегативная конструкция

«*Да оукесъсм первые, Шрицанім Наречіем Грекъ во оукъ-*
гъбеленіи и трегъбеленіи шычнаа Славянъ» *свойственна не*
быти. Ни единъ заповѣдь твою не сотворихъ но, Ни единъ
заповѣдь твою сотворихъ» (ГС, л. 230).

При выражении целевых значений Смотрицкий разрешал вариативность синтаксических средств: синтаксическая конструкция

«еже+инфinitив», ориентированная на греческий образец, могла допускать в качестве вариантов конструкцию с независимым инфинитивом или глагольно-личную конструкцию «да+конъюнктив» при условии несовпадения субъектов действия в главной и придаточной частях сложного предложения:

- инфинитивная конструкция «еже + инфинитив» = инфинитивная конструкция с независимым инфинитивом = глагольно-личная конструкция «да + конъюнктив»

«Многажды Неопределенный полагается вмѣстѣ Понятелнаго, приемъ Собѣзъ, єже, илъ воеже: якѡ, Лицѣже Гдѣ натворящи зла, єже потребити Землю память ихъ...

Иногда же и решается в Понятелѣ: якѡ, держахъ єгѡ єже не штигти Шнихъ: Греческомъ во сице сущъ катехон аўтоу тои и пореѣсѧи ап' аўтѡн... Мы переводимъ, держахъ єгѡ да невы Шеель Шнихъ...

Бѣть єсть дѣйствіемъ во вѣсъ и єже хотѣти/ и єже дѣлти... Многишаще чистѣе бѣ²/ єже, положено было бы, сице... Бѣть єсъ дѣйствіемъ вѣса⁴ и хотѣти/ и дѣйствовать» (ГС, л. 220, 221).

Синтаксическая правильность «славенского» языка, явившаяся результатом греческого влияния, мотивировала максимальную дистанцию между «славенским» и «простым» «русским» языком. В силу этого грекоориентированные конструкции «славенского» языка получали в грамматике Смотрицкого «толкование» посредством конструкций «русского» языка. Так, причастные и инфинитивные конструкции «славенского» языка «пояснялись» глагольно-личными конструкциями «русского» языка:

«Оудержинъ языкъ свой Ш зла/ и оустинѣ своѣ єже не глѣти лести. Рѣски и стоковъемъ/ Гамъи языкъ свой Ш злогош/ и оуста твои не хай не моватъ зрады...

Бѣть єсть дѣйствіемъ во вѣсъ и єже хотѣти/ и єже дѣлти. Рѣски/ Богъ єсть который справуетъ вѣсъ и то/ абысте хотѣли, и то абысте чинили» (ГС, л. 221).

Логическим продолжением кодификации «славенского» языка явилась филологическая «работа» московских книжников, исправлявших грамматику Смотрицкого [Horbatsch 1964]: сложность дифференциации грамматических синонимов, непоследовательность устранения омонимов, установление корреспондирующих отношений между «славенским» языком и «русским» языком в грамматике Смотрицкого определили перспективу лингвистической рефлексии.

1.2. («Грамматіки Славенскыя правилное Сънктагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г.) < «Грамматика» 1648 г. < «Грамматіка» 1721 г.: грамматическая традиция культурно-языкового пространства Slavia Orthodoxa

В Московской Руси разработанность «грамматического учения» связывалась в XV веке с грамматическим трактатом «О ѿсмыхъ частѣхъ слова», а с XVI века еще и с грамматически ориентированной книжно-языковой деятельностью Максима Грека. Так, искушенный книжник Арсений Глухой, защищая исправления, внесенные в Требник 1616 г., ссыпался на опыт Максима Грека и упрекал консервативно настроенных священников в том, что они «єдва и азбукъ умѣютъ... а еже осмь частей слова разумѣти... то имъ ниже на разумъ всѣаживало» [Николаевский 1890–1891, 443]. Равным образом, московские справщики Иван Наседка и Михаил Рогов, подготовив к изданию в 1644 г. Апостол, в послесловии подчеркивали, что правили «Ш дрѣвнихъ вѣдѹшихъ доброписцивъ... Ш грамматическаго любомѹдрія, сирѣть Ш ѿсмочастнаго разѹменія» [Апостол 1641, л. 328 об.].

Усилившиеся в середине 40-х годов XVII века тенденции к православному греко-славянскому духовному единству актуализировали идею «обработанности» церковнославянского языка как «общего» лингвистического и литературного языка православных славян, следствием чего явилось издание в Москве в 1648 г. грамматики Мелетия Смотрицкого («Грамматика», далее Г 48).

В культурно-языковом пространстве Slavia Orthodoxa грамматика Мелетия Смотрицкого рассматривалась как метатекст культурно-языкового «пограничья», требовавший устранения признаков «латинославянской» лингвистической ориентации. В этой связи московские

книжники, Михаил Рогов и Иван Наседка, не только сняли в грамматике имя и предисловие принявшего униатство Мелетия Смотрицкого, но и устранили переводы на «простой» «русский» язык.

Разделяя теоретические воззрения Мелетия Смотрицкого на формально-семантическую *правильность* «славянского» языка, московские книжники лишь корректировали, исходя из своей книжноязыковой практики, систему грамматических норм, предложенную в грамматике Смотрицкого.

Рассматривая проблему грамматической синонимии, московские книжники ограничивали *формальную избыточность*, заданную Смотрицким, либо посредством устранения отдельных нестандартных формантов, либо посредством изменения характера соотношения стандартных и нестандартных формантов.

Так, например, у имен существительных женского рода с суффиксом **-ЫН** нестандартная флексия **-И** в грамматической позиции **И. ед.** была заменена стандартной флексией **-А:**

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. ед.:	
-И	-А
«Самараныни Стына, илн стыни» (л. 40 об., 41)	«Самаранына Стына» (л. 103, 103 об.)

В грамматической позиции **И. мн.** стандартная флексия **-И,** представленная Смотрицким только у имен существительных мужского рода с исходом на твердый согласный, была распространена и на имена с исходом на мягкий согласный и шипящий за счет нестандартной флексии **-Е,** которая оказалась тем самым периферийным средством выражения:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. мн.	
(т') -ІЄ + -Є: «пáстыріє ылн пáстыре, матéжіє ылн матéже» (л. 63 об.), -Є: «ходотáє...любодéе» (л. 65 об.–69), -ІЄ + -Є + -ЄЄЄ: «врачіє, враче, ылн врачеве» (л. 72, 72 об.)	(т') -ІЄ + -И, -Є: «пáстыріє ылн пáстырын, матéжіє ылн матéже» (л. 123 об.–124), -И, -Є: «ходатан ... (но:) любодéе» (л. 125–129), -ІЄ + -И + -ЄЄЄ «врачіє, врачи, ылн врачеве» (л. 131)

Поскольку в грамматике Смотрицкого меньше уделялось внимания проблеме *формальной недостаточности*, московские книжники сосредоточили свои кодификаторские усилия именно в данной области. Так, исправлению подверглась флексия -А, представленная у имен существительных женского рода (тип «ладіа, мрежа») в грамматических позициях Р. ед. и И.-В. мн. и у имен существительных мужского рода (тип «счдіа, юноша») в грамматической позиции В. мн., посредством которой порождалась омонимия по числу и падежу И. ед. ж. = Р. ед., И.-В. мн. ж. и И. ед. м. = В. мн. м. Ограничение омонимии давала лишь флексия -Ы, допущенная Смотрицким на правах варианта в грамматическую позицию В. мн. для имен мужского рода с исходом на шипящий. Московские книжники сняли омонимию, заменив книжную флексию -А на некнижную флексию -И, и унифицировали флексии имен мужского и женского рода с исходом на шипящий, введя в грамматической позиции В. мн. флексию -Ы:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. ед. = Р. ед., И.-В. мн.	И. ед. // Р. ед., И./В. мн.
-ѧ = -ѧ	-ѧ, -ѧ // -и, / -и, -ы
«Имен. ед. <i>Лáдіа, Мрéжа</i> Род. ед. <i>Лáдіа, Мрéжа</i> Имен. мн. <i>Лáдіа, Мрéжа</i> Вин. мн. <i>Лáдіа, Мрéжа»</i> (л. 36 об.)	«Имен. ед. <i>Лодíж, Мрéжа</i> Род. ед. <i>Лодíн, Мрéжи</i> Имен. мн. <i>Лодíн, Мрéжн</i> Вин. мн. <i>Лодíн, Мрéжы»</i> (л. 102, 98–98 об.)
И. ед. = В. мн.	И. ед. // В. мн.
ѧ =// -ѧ, -ѧ + -ы	-ѧ, -ѧ // -и, -ы
«Имен. ед. <i>сѹдіа, юноша</i> Вин. мн. <i>сѹдіа, юноша,</i> <i>юноши»</i> (л. 37)	«Имен. ед. <i>сѹдіа, юноша</i> Вин. мн. <i>сѹдін, юноши»</i> (л. 99–99 об., л. 102 об.– 103)

Подобным образом была устранена флексия **-ѧ**, представленная у имен существительных мужского рода (типы «пастырь», «фтець») в grammatischer pозиции **В. мн.**, посредством которой порождалась омонимия **Р. (В. для одуш.) ед. = В. мн.** Ограничение омонимии также давала флексия **-ы**, варьирующаяся с флексией **-ѧ** в grammatischer pозиции **В. мн.** у существительных с исходом на **-ц**. Московские книжники сняли омонимию, заменив флексию **-ѧ** на флексию **-и** у существительных с исходом основы на мягкий согласный и шипящий и оставив в качестве единственного нормативного элемента флексию **-ы** у существительных на **-ц**:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
P. (B.) ед. = В. мн..	P. (B.) ед. // В. мн..
-ѧ, -ѧ = -ѧ, -ы	-ѧ // -и -ѧ // -ы
«Род. ед. па́стыра, матéжа, свéднтела, ходатáм, іерéа, зно́м, краѓъя, любодéя Вин. мн. па́стыръ, матéжъ, свéднтель, ходатáм, іерéа, зно́м, краѓъя, любодéя» (л. 63 об.–69 об.)	«Род. ед. па́стыра, матéжа, свéднтела, ходатáм, іерéа, зно́м, краѓъя, любодéя Вин. мн. па́стыръ, матéжъ, сви- днтель, ходатан, іерен, знон, краѓъи, любодéи» (л. 123–129)
«Род. ед. Ѹтца Вин. мн. Ѹтцы, и Ѹтца» (л. 48)	«Род. ед. Ѹтца Вин. мн. Ѹтцы» (л. 111–111 об.)

Издание исправленной грамматики Мелетия Смотрицкого в Москве, совпавшее с началом походов за «объединение Руси Малой и Великой», явилось «значительной вехой, символизирующей победу московского центра и утверждение за ним доминирующего авторитета в отношении норм древнеславянского литературного языка во всем греко-славянском ареале» [Толстой 1998, 139]. Со второй половины XVII века ошибки в библейских и богослужебных текстах стали рассматриваться как «ненправности по грамматическому художеству», допущенные книжниками, которые были «не велии известни грамматице славенстей» [Никольский 1896, 93]. Авторитет грамматики как регламентирующего руководства стал столь значимым, что незнание правил являлось самым действенным компрометирующим средством в любой полемической борьбе. Так, никониане, с одной стороны, обвиняли старообрядцев в том, что они «грамматического разума не коснулись», а с другой стороны, упрекали друг друга в незнании грамматики: «латинствующий» Сильвестр Мед-

ведев говорил о своем противнике «грекофоне» Евфимии Чудовском, что он «*грамматики совершенно не разумеет*», а Евфимий утверждал, что Медведев «*не причастен*» грамматики [Прозоровский 1896, 84].

Секуляризация культуры в начале XVIII века, наметившая переход к новому типу литературного языка, вызвала необходимость новой «охранительной» филологической «работы» над традиционным для конфессиональной культуры церковнославянским языком. Следствием «ученой обработки» церковнославянского языка явилось новое исправленное издание грамматики Смотрицкого, подготовленное в 1721 г. Федором Поликарповым (*«Грамматіка»*, далее – Г 21).

Теоретические установки Поликарпова были изложены в черновом варианте предисловия к исправленной грамматике: «...а по-неже Гдъ поспѣшествующъ славенскій нашъ діалектъ со временемъ паче и паче разширяется и различається и үже во сто лѣтъ во 3растѣ нїгъ въ лѹчшее изрядство, тогѡ ради по настоящемъ времени смотря ко древнѣй Грамматицѣ иѣкая малая правила приложишася, иѣкая же древнія нїгъ Щяшася за нѣпотребленіе» [Бабаева 2000, 89].

Сформулированная Федором Поликарповым задача «расширения» церковнославянского языка реализовалась в грамматике в дифференциации языковых элементов по стилистическому принципу. Так, грамматическая категория числа должна была, по мысли Поликарпова, получать разную реализацию в нейтральном и высоком стиле книжного «славенского» языка: формы двойственного числа были уместны по примеру греческого языка только как «поэтизмы»: «нанпаче ради стихотворныя ихъ мѣры»... «славане иакоже во именахъ сице и во глаголѣ двойственное имѹть чинство, по всѣмъ тріемъ родимъ, во всѣхъ трехъ лицахъ скланяемое, по древнемъ обычаю ѿ грековъ взятое, обаче нїгъ мало ѹпотребляемо, множественномъ числѣ сѧ наполняющъ» (Бабаева 2000, 105; Г 21, л. 116).

Установка Федора Поликарпова на «расширение» языка реализовалась либо посредством распространения нестандартных флексий на все лексические модели, либо снятием ограничений с нестандартных флексий и приданье им статуса стандартных, либо объединением разных стандартных флексий, представленных в грамматиках 1619 г. и 1648 г., что приводило к замене принципа дифференциации грамматических синонимов принципом вариативности.

§I. Грамматики XVII–XVIII вв.

Так, у имен существительных мужского рода в грамматической позиции И. мн. нестандартные флексии **-ОВЕ/-ЕВЕ** были распространены Поликарповым на все односложные лексические модели:

Грамматики 1619г.=1648 г.	Грамматика 1721 г.
И. мн.:	
«доми» (л. 57 об.)	«доми, домове» (л. 54)
«зно́е, зно́и» (л. 68)	«зно́е, зно́еве» (л. 63)

Равным образом, нестандартную флексию **-АМИ** получили ранее не «обслуженная» лексическая модель «римланы» t-склонения и лексические модели t'- склонения в Т. мн.:

Грамматики 1619г.=1648 г.	Грамматика 1721 г.
Т. мн.:	
«римланы» (л. 54) «зно́ими и зно́и» (л. 68) «врачами или врачи» (л. 72 об.)	«римланы, -ами» (л. 50) «зно́ими и зно́и, зно́лами» (л. 63 об.) «врачами, или врачами» (л. 67 об.)

В грамматической позиции Р. мн. у имен мужского рода нестандартные флексии **- ОВЬ/- ЕВЬ** потеряли свою прикрепленность к односложным существительным, явленную в грамматиках 1619 г. и 1648 г., и стали стандартными формантами наряду со стандартной нулевой флексией, расширив тем самым возможности снятия омонимии И. ед. (В. для неодуш.) = Р. мн.:

Грамматики 1619 г. = 1648 г.	Грамматика 1721 г.
Р. мн.:	
-нулевая флексия	нулевая флексия + -ѡвъ / ' -евъ
«Клєвретъ, прорѣкъ ходо/атай, іерѣй, зной, крагъй, любодѣй» (л. 43–73)	«Клєвретъ, ш ^а , прорѣкъ, пророкъ» (л. 39 об., 43–43 об.) ходатай, -евъ, іерѣй, рѣбъ, зной, зноевъ, крагъй, крагъевъ, любодѣй, любодѣевъ» (л. 61–64)

В грамматической позиции В. мн. для существительных мужского рода с исходом на шипящий (тип «юноша») Поликарпов восстановил вариативность флексий -ѧ, -ы, заданную грамматикой 1619 г., предоставив выбор в снятии омонимии И. ед. м. (тип «юноша») = // В. мн. м.:

Грамматики		
1619 г.	1648 г.	1721 г.
В. мн.		
-ѧ, -ы	-ы	-ѧ, -ы
«юноши и юноша» (л. 37)	«юноши» (л. 99 об.)	«юноши и юноша» (л. 34 об.)

В грамматической позиции Р. ед. у имен существительных женского рода с исходом на шипящий (тип «мрежа») Поликарпов объединил флексии, кодифицированные грамматиками 1619 г. и 1648 г., также предоставив выбор для снятия омонимии И. ед. = // Р.ед.:

Грамматики		
1619 г.	1648 г.	1721 г.
Р. ед.:		
-А	-И	-А, -И
«мрέжа» (л. 36 об.)	«мрέжи» (л. 98)	«мрέжа и жи» (л. 34)

Реализованная в грамматике 1721 г. идея «расширения» «славянского» языка давала возможность книжникам осуществлять выбор требуемых формантов для каждого контекста и тем самым актуализировать или нейтрализовать проблемы грамматической синонимии и омонимии.

Проведенное исследование норм «славянского» языка, явленных в грамматических трактатах 1619 г., 1648 г. и 1721 г., дало возможность получить четкие представления о центре и периферии, константах и переменных лингвистической рефлексии в культурно-языковом «пограничье» и в центре *Slavia Orthodoxa*. Центральной и постоянной для всех книжников являлась идея *правильности* языка, достижение которой прежде всего было связано с трансляцией культурно доминирующего греческого языка. Общим для книжников было и стремление к достижению *правильности* «славянского» языка посредством решения проблем *формальной избыточности и недостаточности*, однако пути решения этих проблем были различны. Так, решая проблему грамматической синонимии, Мелетий Смотрицкий и вслед за ним Михаил Рогов и Иван Наседка в большей мере реализовали в грамматиках принцип дифференциации элементов, тогда как Федор Поликарпов отдал предпочтение принципу вариативности. Определенные различия наблюдались и в решении проблемы грамматической омонимии: если для Михаила Рогова и Ивана Наседки снятие омонимии рассматривалось как жесткая необходимость, то для Мелетия Смотрицкого и Федора Поликарпова – как возможность.

Лингвистическая рефлексия, зафиксированная грамматиками церковнославянского языка, реализовалась и в книжной справе, осуществлявшейся в Московской Руси.

§2. Книжная справа XVII–XVIII вв. (Острожская Библия 1580 г. < Библия 1663 г. < Новый Завет 1673 г., Библия 1713–1720 г. // Библия Ф. Скорины 1517–1519 гг., Псалтырь А. Фирсова 1683 г.): библейские тексты на *правильном* // *понятном* литературном языке

2.1. Острожская Библия 1580 г. < Библия 1663 г. < Новый Завет 1673 г., Библия 1713–1720 гг.: библейские тексты на «общем» *правильном* литературном языке

Книжная справа в конфессиональной культуре являла собой процесс исправления богослужебных и библейских книг, имевший целью достижение *правильности* или *понятности* славянских конфессиональных текстов и языка. В зависимости от конкретной культурно-языковой ситуации книжная справа могла контролироваться духовной или светской властью, носить «соборный» или индивидуальный характер.

В культурно-языковом «пограничье» в XVI–XVII веках установка на греко-славянское духовное единение мотивировала книжную справу, основным принципом которой было следование библейских и богослужебных книг греческим образцам как источникам *правильности* на уровне текста и языка. Основным результатом филологической «работы» книжников Юго-Западной Руси явилось первое издание полной Библии на церковнославянском языке (Острожская Библия 1580 г.), которая определила перспективу библейской книжной справы в разных славянских культурно-языковых пространствах.

В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии 1499 г., который исправлялся по греческим изданиям, вероятно, по Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев 1999, 211–212]. Справе подвергались прежде всего книги, переведенные у Геннадия с латыни: эти книги были либо вновь переведены с греческого языка (1, 2 Паралипоменон, 1, 2 Маккавейские, Премудрости Соломона, главы 1–25 и 46–51 Иеремии), либо отредактированы по греческому источнику (1, 2 Ездры, Неемии), либо оставлены в переводе с латыни (Товит, Иудифь, 3 Ездры).

В Московской Руси второй половины XVII века декларированная патриархом Никоном книжная справа по греческим источ-

никам реально осуществлялась посредством выбора греческого образца и/или посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Библейская справа пошла по пути «двойных» образцов: при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия (корректурный экземпляр – РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 149), которая в сложных случаях сверялась с греческим текстом, что подтверждается пометами писцов: «со греческого».

В предисловии к Библии 1663 г. специально подчеркивалось, что Московская Библия была напечатана по Острожской Библии «неназмѣнно», кроме орфографии и «гѣкинъ вмалѣ именъ и реченій явственныхъ погрѣшений».

«Явственные погрешения» на морфологическом уровне представляли, по мнению московских справщиков, аграмматизмы и формы, порождавшие омонимию или ограничивавшие синонимию.

Так, формально-семантическими «погрешениями», приводившими к аграмматизму, явились отдельные случаи отсутствия в Острожской Библии реализации грамматической категории одушевленности // неодушевленности:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
пс. 105:19 «сътвориша телецъ»	«сotвориша телца»
пс. 28:6 «истынит же яко телецъ»	«истинит же яко телца»

Формальные «погрешения» в Острожской Библии, по мнению московских справщиков, представляли имена существительные мужского рода в грамматической позиции В. мн. и имена существительные женского рода в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн., которые порождали омонимию по числу и падежу.

Так, имена мужского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -ц- являли омонимию Р. (В. для одуш.) ед. (-ѧ, -ѧ) = В. мн. (-ѧ), которая была устранена московскими книжниками посредством замены флексии -ѧ флексией -И у существительных на мягкий согласный и шипящий, а также флексией -Ы у существительных на -ц- в грамматической позиции В. мн.:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
В. мн.:	
-ѧ	-и, -ы
пс. 67:15 «е́гда разнъствітъ нѣ́нъи цръ»	«внѣ́гда разнъствитъ нѣ́нъи цръ»
пс. 117:9 «о́уповати на кнѣ́зъ»	«о́уповати на кнѣ́зъ»
пс. 50:21 «възложатъ на болтарь твой телца»	«возложатъ на болтарь твой телцы»
пс. 18:8 «о́умѣдрома младенца»	«о́умѣдроящее младенцы»

Имена существительные женского рода с исходом на мягкий согласный и шипящий порождали омонимию **И. ед. (-ѧ, -ѧ)** = **Р. ед., И.-В. мн. (-ѧ, -ѧ)**, а имена существительные мужского рода, относящиеся к этому же типу склонения, являли омонимию **И. ед. = В. мн..** Московские книжники в грамматических позициях **Р. ед., И.-В. мн.** исправляли флексию **-ѧ** на флексию **-и** у имен существительных с основой на мягкий согласный и дифференцировали **Р. ед., И. мн. // В. мн.** посредством оппозиции флексий **-и// -ы** у имен существительных с основой на шипящий:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
Р.ед., И.-В. мн.	
-ѧ (-ѧ)	-и (-и // -ы)
пс.10:6 «ча́сть ча́ша и́хъ»	«ча́сть ча́ши и́хъ»
пс.129:5 «Шстра́жа о́утренна»	«Ш стрáжн о́утреннія»
пс.106:16 «вере́а же́лезныа сломи»	«вере́и же́лезныа сломи»
пс.17:15 «мо́нил о́умножи»	«машнин о́умножи»
пс.18:8 «о́браща́а дшь»	«ѡбраща́й дшь»

Осуществленное в процессе никоновской библейской справы снятие омонимии у имен существительных женского рода в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. явилось продолжением практики предшествующей иосифовской справы и в точности соответствовало рекомендациям грамматики 1648 г.:

Апостол 1644 г.	Грамматика 1648	Библия 1663 г.
Р. ед. ж.:		
-И	-И	-И
тип « Щ земля → Щ земли »	тип « лодін, мрежи »	тип « Щ земля- → Щ земли, Щ стража → Щ стражи »

В грамматической позиции Р. мн. существительные мужского рода в Острожской Библии также демонстрировали формальную недостаточность, выражавшуюся в омонимии И. (В. для неодуш.) ед. = Р. мн. Однако в этой позиции московские книжники снимали омонимию непоследовательно и использовали для снятия омонимии два способа — собственно грамматический, заключавшийся во введении нестандартных флексий **-ӨВЬ/-ӨВЬ**, и орографический, предполагавший дифференциацию дублетных букв:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
Р. мн.:	
Быт. 22:17 « Щ врагъ »	« Щ врагшвъ »
Иов 1:3 « Щ востокъ »	« Щ востшкъ »

Стремясь сохранить грамматическую синонимию, книжники восстанавливали нестандартные флексии, например, флексию **-Е** у имен среднего рода с суффиксом **-ЕС** в Р. ед.:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
Р. ед.:	
Быт. 22:11 «съ нб̄си»	«съ нб̄се»
Быт. 22:16 «ш нб̄си»	«ш нб̄се»

«Явственные погрешения» Острожской Библии на синтаксическом уровне представляли, по оценке московских книжников, конструкции, нарушающие либо грамматическую семантику церковнославянского языка, либо формальное тождество греческого языка и церковнославянского.

Так, никоновские справщики, следуя рекомендациям грамматики 1648 г., которая совпадала в данном пункте с грамматикой 1619 г., заменяли конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже, на конструкции с относительными местоимениями, падеж которых зависел от модели управления глагола:

Грамматики 1619 г.=1648 г.

«Есть Атгікъ» свойство/ Славенскъ языкъ всакъ
странны/ Возносителномъ со Преднѣщимъ вто́же падежи
сочинатися, напослѣдующій гла, имже правимъ быти єму
достоіше/ ни єдинъ возглѣдъ нимущемъ: іакѡ, поѹ еісі та
єлѣтъ сю та архата, куріе, а ѿмосаас тѣ Давидъ єн тѣ
аллѳеіа сю. Славенски преведено сице: Где суть мати
твоја дреvнаа Гди, іаже класа Двдъ во йстиннѣ твоей.... по
Славенскаго языка свойствъ преведеныи быти достоіше,
Где суть мати твоја дреvнаа Гди/ ймже класа єси Двдъ
во йстиннѣ твоей» (ГС, л. 204)

§2. Книжная справа XVII–XVIII вв.

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
пс. 88:50 «гдѣ суть млѣти твоа дрѣвна ги, таже класть дауду въистинѣ твоей»	«гдѣ суть млѣти твоа дрѣвна ги, и миже клѣслѣ дауду во истинѣ твоей»
пс. 88:51 «помлани ги поношениѣ рабъ твоих... єже поносіша врази твой»	«помлани ги поношениѣ рабъ твоих, и мъ же поно- сіша врази твой»
пс. 77:11 «забыша благодѣяній єго ичюдесъ єго, ихъже іавн имъ»	«забыша благодѣянія єгѡ, и чюдеса єгѡ, таже показа имъ»

Равным образом, никоновские справщики, в соответствии с указаниями грамматик 1619 г. и 1648 г., восстанавливали формальное тождество греческих и славянских инфинитивных конструкций с целевым значением:

Грамматики 1619 г.=1648 г.

«Нѣсть ѿбѣае ѿрицателно/ въ иѣконахъ мѣстехъ сохранено/
єже, многое пишемыхъ разумѣнія оудобіе подавати, таکо во
ѹказѣ:

ѡбидѹ ѹлтарь твой Г҃ди/ єже оѹслышати ми гласъ хва-
лы твоей.

и, Бѹди мн въ Бг҃а защищитела/ и въ до” прнѣжница єже
спасти ма.

и, Лживи снобе члѣтіи въ мѣрілехъ/ єже ѿнеправдити
себе ѿ сѹеты въ кѹпѣ» (ГС, л. 221 об.).

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
пс. 25:7 « о́бы́дъ олтарьтвон гн. о́услышиати ми гла^с хвалы твоеа»	« шбы́дъ жертьвени твои гди. еже о́услышиати ми гласъ хвали твоя»
пс. 61:10 « лживи си ве члчтін в мѣрлехъ, неоправдити тін Ш свѣты в кѣпѣ.»	« лживи си нвѣ человѣчестін, в мѣрлехъ еже неправдовати, тін Ш свѣты в кѣпѣ.»
пс. 30:3 « въдими възъ за- щитнителъ, ивъ домъ привѣжн- ща спти ма»	« въдни ми възъ защищитела, и в домъ привѣжнца еже спасти ма»

Определивший собой новый этап книжной справы библейский перевод, выполненный Епифанием Славинецким, привел к усилению формально-семантической трансляции греческого языка в церковнославянский язык [Новый Завет 2002]. При этом максимальная прецизация проявилась в синтаксисе, например, в жестком соответствии греческих и славянских инфинитивных конструкций с целевым значением:

«**ѹіօс τοῦ ἀνθρώπου παραδίδοται εἰς τὸ σταυρωθῆναι**
=«**снѣ члческїй предаётсѧ въ єже ѹкрестововатисѧ**» Мф. 26:2,

βαλοῦσα γὰρ αὗτη τὸ μύρον τοῦτο ἐπὶ τοῦ σώματός
μου πρὸς τὸ ἐνταφιασμὲ με ἐποιησεν

= «**возліѧвши во сїѧ миро сїє на тѣло мое, ко єже**
погребстисѧ мнѣ сотвори» Мф. 26:12.

Результатом данной установки в области морфологической справы явилось изменение характера реализации грамматической категории числа: в соответствии с новопечатным греческим библейским текстом формы двойственного числа заменялись на формы мн. ч.:

«**двѣ рыбы**» Мф. 14:17, 19, «**двѣ рѣки илн двѣ ноги**» Мф. 18:8,
«**двѣ слѣпцы**» Мф. 20:30.

Разрешая проблему *формальной недостаточности*, Епифаний Славинецкий расширил зону снятия омонимии, устранив у существительных мужского рода в грамматической позиции Р. мн. нулевую флексию и закрепив в качестве нормативного показателя только флексию *-ѡꙗъ/ -ѡꙓъ*:

«ѡ человѣкѡвъ» Мф. 6:2, «ѡ пресвѣтерѡвъ, и Архіеріевъ, и писменникѡвъ» Мф. 16:21, «ѡ востокѡвъ» Мф. 24:27.

Петровская справа начала XVIII века явила логическим продолжением иоакимовской справы, поскольку основной установкой, которой руководствовались московские книжники, оставалась установка на формально-семантическое тождество греческого оригинала и славянского перевода.

Грекоориентированная позиция проявилась в области морфологической справы в поддержании реализации грамматической категории числа, представленной в Новом Завете Епифания Славинецкого: формы двойственного числа петровские справщики последовательно заменяли во всех библейских книгах формами множественного числа (здесь и далее правка приводится по рукописи ГИМ, Барсов. 8, в которой текст разделен на две колонки: «*старое*», т. е. текст Библии 1663 г., и «*принравленное*», т. е. текст новой Библии 1713–1720 гг.):

Библия 1663 г.	Библия 1713–1720 гг.
ГК числа: формы дв. ч.	ГК числа: формы мн. ч.
<i>старое</i>	<i>принравленное</i>
Быт.4:1 «ѡ рѹкѹ твою»	«ѡ рѹки твои»
Быт. 1:16 «двѣ свѣтилѣ»	«два свѣтила»
Быт. 4:19 «двѣ жenѣ»	«две жены»
Быт. 9:27 «братьяма свонма»	«братьямъ свонимъ»

Продолжая традиции книжной справы XVII века, петровские книжники поддерживали также независимую от греческого влияния формальную правильность текста, корректируя употребление стандартных и нестандартных флексий, порождавших *формальную избыточность*. Так, в грамматической позиции **Р. ед.** стандартная флексия **-И** исправлялась на нестандартную флексию **-Е** у существительных женского и среднего рода с подвижной словообразовательной структурой:

Библия 1663 г.	Библия 1713–1720 гг.
Р. ед. ж., с.:	
-И	-Е
<i>старое</i>	<i>принравленное</i>
Ис. 3:4 «кróви»	«кróвē»
Лев. 18:17 «дщérni»	«дщérе»
Лев. 19:12 «йmenni»	«йmene»

Равным образом, в грамматической позиции **И. мн.** стандартная флексия **-И** заменялась на нестандартную флексию **-IE** у имен существительных мужского рода:

И. мн. м.:	
-И	-IE
<i>старое</i>	<i>принравленное</i>
Быт. 17:16 «цáри»	«цárié»
Быт. 18:16 «мúжи»	«мúжíе»

§2. Книжная справа XVII–XVIII вв.

Разрешая проблему *формальной недостаточности*, петровские книжники у имен мужского рода в Р. мн. исправили нулевую флексию на флексию -*ωβъ/ -εβъ*, а в Т. мн. флексию -*ы* на флексию -*ами*:

Библия 1663 г.		Библия 1713–1720 гг.	
Р. мн. м.:			
старое	приправленное		
Быт. 1:25 «гадъ»	«гадовъ»		
Быт. 3:14 «скотъ»	«скотовъ»		
Быт. 32:14 «овенъ»	«овновъ»		
Быт. 44:19 «рабъ»	«рабовъ»		
Ис. 34:17 «богъ»	«боговъ»		
Лев. 3:12 «ѡ козель»	«ѡ козловъ»		
Т. мн. м.:			
Быт. 1:26 «скоты, гады»	«скотами, гадами»		
Лев. 24:7 «съ хлѣбы»	«хлѣбами»		

Результаты петровской книжной справы повлияли на исправления в системе грамматических норм, представленных в грамматике 1721 г.: дв. число «нѣ мало Употребляемо» (Г 21, л. 116).

Синтаксическая книжная справа, проведенная петровскими книжниками, обнаруживала тенденцию к расширению сферы употребления синтаксических грецизмов в соответствии с греческим источником:

Библия 1663 г.		Библия 1713–1720 гг.	
Быт. 32:23 «преведе все свое»		«преведе всѧ свою» πάντα τὰ αὐτοῦ	
Быт. 35:3 «Бгъ, иже послуша мене»		«Бгъ, послушавшемъ мене» τῷ ἐπακούσαντί μου	

Исследование правленных библейских текстов показало, что книжная справа в Юго-Западной и Московской Руси поддерживала *правильность* церковнославянского языка императивных текстов посредством коррекции употребления синтаксических грецизмов и грамматических синонимов, а также посредством снятия грамматических омонимов, что соответствовало рекомендациям грамматики Смотрицкого и ее московских редакций, т. е. имело место единство аналитической и синтетической кодификации.

2.2. Библия Ф. Скорины 1517–1519 гг., Псалтырь А. Фирсова 1683 г.: библейские тексты на «своем» *понятном* языке.

Библейская книжная справа в культурно-языковом «пограничье», проводившаяся в рамках традиционного церковнославянского языка, явилась реакцией на библейские тексты, переведенные на «простой» «русский» язык. Первый опыт литературного языка, концептуально противопоставленного церковнославянскому, был явлен в начале XVI века вне пределов культурно-языкового «пограничья», но был адресован носителям «русского» языка Великого княжества Литовского: между 6.8.1517 г. и 15.12.1519 г. «у старом месте Празском» была издана «Библия руска» Франциска Скорины.

«БИБЛИЯ РУСКА» представляла собой совокупность изданий, вышедших «Повѣнніемъ Працею ІВыкладомъ Изѣрнаго Мъжа в лѣкарскыѣ навкахъ Доктора Франциска, Скоринина сына СПолоцка: Чалтир, Книга Иўба, Притчи Саломона, Книга Ісуса Сирахова, Ёклесіастесъ, Песнь песнамъ, Премѣдрость Божия, Книги Царьствъ, Книги Ісуса Навина, Йудифъ, Книги Судей, Книги бытія, Исходъ, Левінть, Числа, Вторыи законъ, Руфъ, Есферь, Плачъ Еремійнъ, Книги Даниила пророка» [Біблія 1990-1991].

Феномен Библии Франциска Скорины заключается в том, что она имеет «двойной» языковой статус, поскольку входящая в ее состав Псалтырь написана, по заявлению самого Скорины, «словенскимъ языкомъ», а все остальные книги написаны «рускимъ языкомъ». Исследователи радикально расходятся в понимании «руского языка» Библии Скорины, считая его либо церковнославянским языком [Соболевский 1888; Флоровский 1940-1946], либо старобе-

лорусским языком [Владимиров 1888; Карский 1903; Ломтев 1945], либо гибридным языком, полагая, что Скорина, «сохранив церковно-славянскую базу текста, подновил ее живой, народной в основе своей, белорусской речью» [Толстой 1998, 115]. Такое же несовпадение мнений наблюдается и при установлении источников Библии Франциска Скорины: в гипотетический состав источников включают чешские Библии [либо печатную Библию 1506 г., либо рукописные Библии], церковнославянскую Геннадиевскую Библию, Вульгату, неизвестную польскую Библию [Владимиров 1888; Флоровский 1940–1946; Соболевский 1888; Копреева 1979].

Проведение структурного анализа позволило реконструировать сложный механизм порождения текста, основанный на смене культурно доминирующих языков: Франциск Скорина отказывался от греческого языка, транслированного в церковнославянский, и ориентировался на чешский литературный язык [Запольская 1993, 1999].

Диагностической зоной элиминации греческого языка являлась синтаксическая зона. Так, например, для выражения целевых значений Скорина использовал наряду с конструкцией «*єже + инфинитив*» глагольно-личные некнижные конструкции «*а + конъюнктив*»:

«И все множество целымъ сердемъ молишеся гдѣ богу,
абы посетилъ людей своихъ Израилянъ» (Иуд. 4),

«Сыновѣ... молишеся, абы гдѣ бог показал милосердіе
своє надлюдми своими» (Иуд. 7),

«Службу на нихъ наложилъ абы делали панты и ставили
грады» (Иуд. 5).

В диагностическую морфологическую зону трансляции чешского языка входила грамматическая категория лица.

Так, в глагольном ряду, включавшем формы прошедшего времени, центральное положение занимали аналитические формы «перфекта», имевшие непосредственную формально-семантическую «поддержку» в чешском литературном языке [Gebauer 1958–1963; Селищев 1941]:

чешский язык		«ру́сский язы́к» Библии Скорины	
ед.	мн.	ед.	мн.
1. -1 + jsem	-1 + jsme	-л + есмъ, есми	-л + есмо
2. -1 + jsi	-1 + jste	-л + еси, есь	-л + есте
3. -1 ± jest	-1 ± jsu	-л ± естъ	-л ± сясть

1 ед.: «Ср/д/це вѣзвици потешивалъ ёсмъ» (potešoval jsem) Иов. 29; «Вышла ёсми (vyšla jsem) юселе полна» Руф. 1.

2 ед.: «Иже предалъ ёси (dals) насть врѹце враговъ нашихъ нелютостныыхъ и҆законо преступниковъ» Дан. 12.

3 ед.: «И поставилъ (postavil) ю наполи дураль костране бавилониен. И такъ послалъ ёсть (poslal jest) Навходносоръ Царь созвати. Кназен велможъ Суден ...» Дан. 3.

1 мн.: «И несть 8 насть часовъ сиихъ ... дабы ёсмо могли (mohli jsme) знайти милость твою» Дан. 12.

3 мн.: «Иходили суть (hodili jsu) посрѣди пламени хвалище бога» Дан. 12; «Тын пакъ понали (pojali) сопе жены Мбавланнкн». Руф. 1.

Наряду с ведущими аналитическими формами в роли допустимых вариантов употреблялись синтетические формы аориста и имперфекта, в основном в грамматических позициях 1 и 3 ед./мн.:

1 ед.: «Ст 8чинихъ тобѣ пословѣси твоему, Йдалъ ёсми тобѣ серцѣ мудро и҆разумно.» 3 Цар. 3; / «Но и҆тыѣ речи и҆хъ же ёси непроснать дахъ тобѣ.» 3 Цар. 3; «И поставилъ ёсмъ Храмъ именни гда бога Йзраилевка». 3 Цар. 8; / «многымъ более Храмъ сен ёго же поставилъ именни твоему» 3 Цар. 8.

3 ед.: «Сија внегда услышалъ ёсть Царь Вааса, престалъ ставити Рамы.» 3 Цар. 15; «Сија внегда услышалъ пророкъ тон старыи ... и рече.» 3 Цар 13; / «И внегда услыша Царь Єровоамъ слова мужа божия глаголющаго натреиникъ тон ... рече». 3 Цар. 13; «И Царствовалъ ёст йоофатъ сынъ ёго по-нъи. И Царствовалъ самъ вместо ёго. / И Царствова дъе

лесте.» 3 Цар. 15; «И стоялъ ёсть ѿсель подле телеси мертваго И Левъ стояше посполу сним». 3 Цар. 13; «[Венгаверь] ... владелъ всею страною Аргоговскою / Авинадавъ сынъ Адрианъ владаше Въманайме» 3 Цар. 4.

3 мн. «Имиже согрешили суть» 3 Цар. 16; / «Они же стыгались предъ тобою.» 3 Цар. 8; «Иrekли суть кнemu» 3 Цар. 20; / «Швециашаже вси людне ирекоша» 3 Цар. 18; «И послали Кобзакели глаголюще..» 3 Цар. 21; / «Послаша понего ипозваша и» 3 Цар. 12; «и два Львовъ стояли үкаждое руки» 3 Цар. 10; / «Они же стояху предъ Царемъ» 3 Цар. 4.

Использование форм аориста и имперфекта могло иметь стереоскопическую мотивацию, поскольку могло быть и данью церковнославянской традиции, и в то же время могло иметь непосредственную или опосредованную «поддержку» чешского литературного языка.

Зависимость от церковнославянской языковой традиции имела прежде всего текстуальный характер, поскольку обнаруживала себя в параллельных чтениях, «заданных» в языковом сознании текстом Псалтыри, «словенскии» статус которой Скорина сознательно не менял.

Ср.: «Съгрешиҳомъ соѡщи нашими, везаконоваҳомъ ииेоправдиҳомъ.» Пс., 188 ⇒ ⇒ «Согрешиҳомъ ивезаконоваҳомъ ииेоправдиҳомъ» 3 Цар. 8; «Согрешиҳомъео ивез "закон"и чиниҳомъ». Дан. 3.

Разрешение на употребление аориста и имперфекта, идущее от церковнославянской Псалтыри, могло подтверждаться состоянием чешского литературного языка, который потенциально допускал свободную вариацию аналитических и синтетических форм. Существенно лишь то, что степень использования синтетических форм была различна, о чем свидетельствуют разные редакции чешских Библей:

Оломоуцкая Библия 1417 г. ⇒ Библия 1506 г.

[Dvě ženě] tiem činem sě sváriešta (krykowaly) před králem...

A když přinesechu (przinesli) meč před krále, i vecě (rzekl) král:
«Rozdělte dietě živé ve dvě cesti, dajtež polovici jedné a polovici

druhé. Tehdy vecě (odpowiediela) ta žena, jejíž syn bieše (byl) živ, k královi, neb sú sě zarmútila třěva jejie nad jejím synem: "Proši toho, pane, dajte jie dietě živé a nerod'te jeho zabíjěti". Proti tomu druhá vecě (odpowiediela): "Ani tobě ani mně bud', ale nechat' je rozdělé". K tomu otrapovědě (wydal saud a rzekl) a řka: "Dajte této dietě živé a nezabíjěte jeho, nebot' ona jest máťe jeho". 151b [Staročeska Bible 1988, Biblij Cžeska 1506].

Помимо указанных регулярных вариантных форм в контексте прямой речи встречались формы типа «пришлахъ», традиционно интерпретируемые как формы с нарушением грамматической семантики, т. е. как гиперкорректные образования:

«Негда рано в "стала ыхотелахъ накор"ьтн сына моего видехъ ёго мер"тва. Нанегоже внегда пил"не поглѣдела ёсми вдень ысныи по-зналахъ" ыже неестъ мой ёгоже родихъ» 3 Цар. 3.

Однако именно эти формы являются наиболее показательными для подтверждения идеи о регулирующем участии западнославянской языковой стихии в языке Библии Франциска Скорины, поскольку эти формы калькируют диалектные формы типа «tobiilach», которые могли окказионально употребляться в литературном языке.

Формально-семантическая «производность» «русского языка» Библии Франциска Скорины от чешского литературного языка дает возможность представить механизм порождения «ново выложеныхъ на рѹсскии языкъ» библейских книг как механизм «грамматического подобия», предполагавший репрезентативность форм, демонстрировавших сходство с формами избранного языка-образца: если чешский язык «поддерживал» исходную некнижную форму, то она становилась единственным нормативным элементом, если же чешский язык «поддерживал» исходную книжную форму, то ей отдавалось оправданное предпочтение, что приводило к вынужденному синтезу некнижных и книжных форм.

Однако установленные структурные особенности «русского языка» Библии Франциска Скорины требуют функционального объяснения, т. е. необходим переход от понимания того, как Скорина использовал язык, к пониманию того, чем была мотивирована его языковая деятельность, т. е. какова была его лингвистическая рефлексия.

Формально-семантическая ориентация на чешский литературный язык, имевший несомненный некнижный субстрат, позволяет предположить, что Скорина мыслил свой «*рѹскнꙗзыкъ*» как равнофункциональный чешскому литературному языку, т. е. как «простой» литературный язык. Доказательством этого служит лингвистическая рефлексия самого Франциска Скорины, выразившаяся в предисловиях и послесловиях к «*ново выложенымъ*» библейским книгам, которые содержат обоснования мотивов и условий использования «*рѹского языка*» в Священном Писании. Так, основной причиной, побудившей Скорину перевести Библию на «*рѹскнꙗзыкъ*», являлась достигаемая этим *понятность* библейских текстов, позволявшая сделать доступным как религиозное знание, так и знание вообще, знание как принцип, обеспечивавший духовное и интеллектуальное общение: «Понеже нетолико Докторове алюди вченые винѣ разумеоуть. Но вслакніи человекъ простынъ ипосполитынъ ч “тучн ихъ или слухаючи можетъ поразумети чо єсть потребно ѣдущимъ спасению єго ... Ты Навченіе сед “ми навѣкъ вызволенныхъ достаточ “ноє» (Быт., 3–5). При этом, утверждая, что «*Библия рѹска выложена вогв’ кочти и людемъ посполитынъ ѣдоброму навченію*» (Быт., 1). Скорина непосредственно следовал за чешскими реформаторами, переводившими библейские тексты на чешский язык «к похвале божией и к благу верных чехов и мораван» [Мыльников 1990, 258]. Равным образом, гуманистический тезис о том, что «истина и добро тем похвальнее, чем шире они распространены», делает понятным и представления Скорины о своей переводческой деятельности как о личной просветительской миссии. Настойчиво подчеркивая, что «*мы братнїа неможемъ ли вовеликии послужити посполитому люду рѹскаго языка сиє малые книжки праци нашее приносимо ѹмъ*» (Лев., 4–5), Франциск Скорина словно продолжал просветительский диалог с миром, начатый еще Л.-Б. Альберти, заявившим: «и не похвалит ли меня, скорее, человек благоразумный за то, что, пользуясь языком понятным, я больше стараюсь помочь многим, чем нравиться немногим» [Альберти 1937, 172]. Считая принципиально возможным перевод Библии на «*рѹскнꙗзыкъ*», Скорина руководствовался идеей «преемственности» литературных языков, позволявшей включить и «*рѹскнꙗзыкъ*» в духовную генеалогию литературных языков: «*Ѳеодосий же ѹчитель великии Греческаго Ізыка*

Выложиъ съхалъдеинскаго писма на греческое. Й светынъ Еронимъ налатинъ ское зуполъ не ... Азъ же недостойныи последовникъ и нароженый в рускомъ языку спомощнио вожнею ... выложиъ ... на рускнъ языку зуполнъ е» (Дан. 8). Точное следование главенствующей идеи «преемственности» всех «простых» литературных языков по отношению к «классическим» и в то же время понимание «уподобления» как органического усвоения реального текста-источника и реального языка-источника объясняют отсутствие вербально выраженного указания на чешскую Библию и чешский литературный язык. Аналогичное отношение к «простым» и «классическим» языкам наблюдалось и впольской традиции, например, Библия 1561 г., фактически переведенная с чешской Библии 1506 г., декларировалась как перевод с латыни: «Biblia na Polski ięzyk według Laćinskiey Bibliey nowowyożona» [Карский 1896, 34].

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что Скорина, получивший образование в Кракове и в Падуе и создававший библейский свод в Праге, безусловно воспринимал свой «рѹскнъ языкъ» в координатах латинского мира, т. е. как один из «простых» славянских литературных языков, функционально равный чешскому литературному языку, образцовому литературному языку Slavia Latina, обретшему свое «достоинство» в функциональной оппозиции к латыни. Однако, обращая свой литературно-языковой труд «людемъ посполитымъ рѹскаго языка», Скорина естественно сохранял «общую» славянскую языковую память, воспринимая «словенскнъ языкъ» как «общее» языковое прошлое славян, реально явленное в текстах, хорошо известных именно «людямъ в рѹскомъ языке нароженыхъ». Рассматривая «словенскнъ языкъ» и «рѹскнъ языкъ» более в хронологической оппозиции, чем в функциональной, Скорина проводил историческую аналогию между отношениями «словенского языка» и «рѹского языка» и отношениями «халденского языка» и «евреинского языка»: Псалтырь в Библии Скорины была «тиснута» рускими словами «словенскнъ языкомъ» (Пс. 6), равно как Книга пророка Даниила была написана «въуден Халденикнмъ языкомъ» Аевреинскими словами» (Дан. 7), «евреинскнъ языкъ онъ же подовенъ есть Кохалденикому понеже Евреи вышли суть ѿ халдени» (Есф. 3). Именно осознание «словенского

языка» как в большей степени «своего» прошлого и позволило Скорине объединить в Библии «нерушающи ни вчемъже» церковнославянскую Псалтырь, явившуюся результатом действия традиционного механизма репродукции, и «ново выложены на рускии языкъ» остальные библейские книги, порожденные посредством нового механизма грамматического подобия.

Сознательная языковая дифференциация в Библии Скорины позволяет выделить два основных источника — церковнославянскую Псалтырь и чешскую Библию, однако не традиционно называемую печатную Библию 1506 г., которая отнюдь не всегда дает текстуальные совпадения с Библией Скорины и которая лишена маркированных форм, а вероятно другую чешскую Библию, чей поиск следует вести, привлекая рукописное наследие.

Итак, принадлежа одновременно культурно-языковому пространству *Slavia Latina* и культурно-языковому «пограничью», Скорина обладал несомненным панорамным мышлением, позволившим ему соединить славянские традиции и новации.

Восприятие «русского языка» Библии Скорины и отношение к нему читателей Библии зависело от того, к какому культурно-языковому ареалу они относились и какие языковые принципы они разделяли.

В латинском культурно-языковом пространстве «русский языкъ» Библии Скорины воспринимался и признавался как один из «простых» литературных языков, достигший «достоинства», воплотившись в библейских текстах. Так, профессор Падуанского университета Тезей А. Альбонези издал в 1539 г. «Введение в язык халдейский, сирийский, армянский и десятки языков других», где в качестве примера «русского» языка поместил цитату из 2 Книги Царств Библии Скорины. Опосредованное участие Библии Скорины в языковой полемике в координатах культурно-языкового пространства *Slavia Latina* могло наблюдаться также в 30–40 гг. XVI века, когда обострились споры о возможности перевода Священного Писания с латыни на польский язык. В этот период появились библейские тексты на «простом» польском языке, в предисловиях к которым содержались языковые установки, вербально совпадавшие с языковыми установками Скорины: так, в 1539 г.

была издана Псалтырь (*Żołtarz Dawidów Walentego Wróbla*), в предисловии к которой указывалось, что польский перевод служил *«pospolitemu człowiekowi naszego języka»* [Klemensiewicz 1981, 229].

Поскольку Библия Франциска Скорины была первой печатной (хотя и неполной) «русской» Библией, широкое распространение она получила в культурно-языковом «пограничье», где была представлена как в монастырских библиотеках, так и в частных книжных собраниях, владельцы которых принадлежали к разным конфессиям. Актуализация в духовном «пограничье» функциональной оппозиции церковнославянского и «простого» «русского» литературного языка, калькирующей оппозицию латыни и польского языка, мотивировала принципиально разное восприятие Библии Скорины.

Так, православные приверженцы церковнославянской традиции, оценивавшие свою языковую ситуацию в координатах *Slavia Orthodoxa*, принимали отдельные книги Библии Скорины, но не принимали языка: считая «*рѹсскии*» и «*словенскии*» синонимами, они полагали, что «*рѹсскии газыкъ*» Библии Скорины несколько испорчен некнижным языком. К числу таких языковых традиционалистов принадлежал, например, некто Василий Жугаев из Ярославля Галицкого, составивший в 1568 г. рукописный библейский сборник, в который включил некоторые книги из Библии Скорины с предисловиями и послесловиями к ним, заменив при этом имя Скорины своим: «*протожъ а василни жжгає синъ зъ ярославла въ лѣкарскыи наоукаи докторъ ... каза*» есми списати книгоу стїго іѡва ржескыи газыкою «*богу къ чти и людем посполитым къ наоученню*». Однако в языковом плане рукописный сборник оказался противопоставлен изданиям Скорины, так как Василий Жугаев провел определенную «окнижняющую справу», пытаясь вернуть Библию Скорины к исключенной церковнославянской традиции: «*помнїца есми → помнноухъ, видели есте → видѣсте, поживалъ → пожива*» [Анічэнка 1966].

Книжники, принадлежавшие к разным конфессиям, но оценивавшие свою языковую ситуацию сквозь призму *Slavia Latina*, воспринимали «*рѹсскии газыкъ*» Библии Франциска Скорины как «простой» литературный язык и противопоставляли его в своем культурно-языковом контексте церковнославянскому языку. Лега-

лизация «простого» литературного языка привела к появлению библейских текстов, функционально тождественных Библии Скорины и обнаруживавших явную зависимость в выражении языковой установки: так, православное Пересопницкое евангелие 1556–1561 гг. было переведено «На мову рóускою... дл̄ лéпшо» вы́ро-зýмленъ людou ҳр̄тiáнскoго посполитого», арианский Катехизис Симона Будного 1562 г. был издан «для простыxъ людéн языка рóуского», а социнианская евангелие Василия Тяпинского 1570 г. было издано параллельно на церковнославянском языке и на «простой мове» «для лéпшого разуму» [Martel 1938]. Следуя одним языковым установкам, авторы текстов на «простом» языке могли реализовать тот же механизм подобия, но только применяли его к польскому языку как к языку-образцу, чем и объясняется различие манифестаций «простого» языка.

Устойчивое бытование церковнославянского языка как символа православной веры препятствовало распространению в культурно-языковом пространстве Slavia Orthodoxa общеевропейской концепции «простых» литературных языков. Только культурно-языковое влияние Юго-Западной Руси на Московскую Русь во второй половине XVII века задало возможность рефлексии над *понятностью* литературного языка и как следствие возможность появления текстов на «простом» языке, противопоставленном традиционному церковнославянскому языку по признаку *понятности*, что делало такие тексты маргинальными функциональными репрезентантами «латино-славянского» мира.

Пожалуй лишь один конфессиональный текст на языке, отличном от традиционного церковнославянского, был создан в XVII веке в самой Москве: в 1683 г. появилась Псалтырь [Псалтырь 1989, далее ПсФ], в предисловии к которой утверждалось, что «преведена сiя святая бг҃дохновенная книга фалтiръ, на нашъ простон, шбыклон словенскон языкъ» «тг҃ды же и синсканiем Аврамiя Панкратiева сна Фирсов» (ПсФ, 23). Отсутствие достоверных биографических сведений об Авраамии Фирсове и, следовательно, о его языковой компетенции существенно осложняет решение вопроса о структурно-функциональном статусе языка переведенной им Псалтыри.

Исследователи Псалтыри Фирсова значительно расходятся в интерпретации функциональных параметров языка, характеризуя его либо как «народный русский язык», не дистанцированный от разговорного языка, либо как «упрощенный» вариант традиционного церковнославянского языка, перешедший из сферы светских текстов в сферу конфессиональных текстов, либо как «простой» язык, противопоставленный «классическому» церковнославянскому [Целунова 1985; Успенский 2002, 491]. Некоторое единство мнений наблюдается лишь при характеристике структурных показателей языка Псалтыри Фирсова, поскольку проведенные исследования продемонстрировали ориентацию «простого словенского языка» на польский литературный язык [Целунова 1985]. Выявленное польское влияние позволило отказаться от первоначальной идеи перевода Псалтыри Фирсова с немецкого языка и мотивировало формирование гипотетического корпуса польских источников, в который включаются четыре Библии: Брестская (Радзивиловская) Библия 1563 г., Библия Симона Будного 1572 г., Краковская Библия Якуба Вуйка 1599 г., Гданьская Библия 1632 г.

Соединение структурно-функционального анализа языка Псалтыри с реконструкцией лингвистической рефлексии Авраамия Фирсова позволило внести некоторые коррективы в существующие представления о языке и источниках данного текста.

Обращение к синтаксическому уровню «простого словенского языка» позволило выявить последовательную элиминацию конструкций, ориентированных на греческие модели.

Стремясь к тому, чтобы «*Щ читанія слова єжія с разъмом множинась в члвцѣх вѣра*» (ПсФ, 25), Фирсов заменял конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкции с относительными местоимениями с полным согласованием – на конструкции с относительными местоимениями с неполным согласованием, причастные и инфинитивные конструкции – на глагольно-личные конструкции (для сравнения приводится текст Острожской Библии 1580 г., повторенный Библией 1663 г.):

Библия 1580 г. = Библия 1663 г.	Псалтырь Фирсова 1683 г.
пс. 8:7 «всѧ покорилъ єси по ^и ношѣ єго» пáнта ѿпéтахас ѿпокато тѡв подѡн аўтоў	«Все покорил єси под ношъ егѡ».
пс. 77:11 «забыша блгодѣлнїи єго и чюдесъ єго, и хъже ѹви Ѯмъ» каі єпеладоント тѡв єуергесіон аўтоў каі тѡв ѹаумасіон аўтоў, ѿ єдеізен аўтоіс	«Забыли блгодѣяніе егѡ, и див- ныя чудеса егѡ которыя имъ показал».
пс. 2:4 «Жиwyи наибсехъ посмѣ- єтса имъ» о кatoикѡn єн оўраноїс екуgeláсетаi аўтоўс	«Но тои иже живетъ в ибсн, по- смѣется имъ».
пс. 33:17 «лице же гнѣ на творюща злаа, еже потребити и землю память ихъ» прóшапон дѣ куріоу єпі поюнтах кака тоў ъзолефреуслай єк үгїс то мунимошунон аўтѡв	«Но лице гднѣ на творящая злая, давы искоренил со земли память ихъ».

Наиболее показательным примером отталкивания от греческого синтаксиса и ориентации на польский синтаксис являлось инвариантное употребление глагольно-личных конструкций «да + конъюнктив» для выражения целевых значений:

«Из Устъ младенецъ, и єще ссѹщих дѣток, совершил еси истинную хвалу твою пред враги твоими, да бы еси сокрушил врага и мстителя» (8:3),

«Да бы тебе творил славу гласомъ великим, и повѣдал вся чудеса твоя» (25:7),

«Таковыи языкъ своим стрежеть от злаго, и устнѣ твои да бы не глаголали лести» (33:14),

«Очи гсии отворени сѹть, на праведныя, и Уши єго в млатвѣ ихъ. Но лице гсдне на творящыя злая, да бы искоренилъ со земли память ихъ» (33:17),

«Ожидали гсда, и сохранил пѹти єго, а онъ тя возвысить, да бы еси наслѣдил землю, а зориши єгда потреблятися вѹдѹть грешинцы» (36:34),

«Реклъ самъ в себѣ, вѹдѹ сохраняти пѹти мои, да бы не согрѣшилъ языкомъ монмъ» (38:2).

Обращение к морфологическому уровню «простого словенского языка» дало возможность не просто выявить некоторую формальную ориентацию языка Псалтыри Фирсова на польский язык, а установить наличие императивного польского языкового участия [Запольская 1999а].

Проведенный ранее традиционный статистический анализ глагольного ряда, включавшего формы прошедшего времени, продемонстрировал лишь количественный состав форм без учета их отношений: указывалось, что «71,5 процентов всех форм прошедшего времени представлены образованиями на -Л (нормативный характер которых следует объяснять характером ориентации переводчика на польский язык), перфект со связкой составляет 15,1 процента форм, аорист — 13,1 процента, а имперфект — 0,3 процента общего количества форм прошедшего времени» [Целунова 1985, 15].

Структурный анализ позволил увидеть не вариативность форм прошедшего времени, а определенную формально-семантическую дистрибуцию.

Так, следует признать, что центральное положение в глагольном ряду занимали не только синтетические, но и аналитические формы

перфекта, распределение которых давало возможность адекватно транслировать грамматические категории рода+лица, релевантные для форм прошедшего времени в польском языке:

польский язык		«простой словенский язык»	
ед.	мн.	ед.	мн.
-ł-...m	-ł-...śmy	-ł-	-ł- ЕСМЫ
-ł-...s	-ł-...ście	-ł ЕСН	-ł- ЕСТЕ
-ł	-ł...	-ł	-ł-

1 ед.: «Расс8ди же мене г8ди, понеже аз ходилъ (chodzil) в невинности моен» (25:1),

2 ед.: «Ты штавил еси (tyś odpuścił) г8ди вину грѣховъ монхъ» (31: 5),

3 ед.: «Которон сотворил (stworzył) небо и землю, море и вся яже в них есть» (145:6),

1 мн.: «На рѣках вавулички тамо сѣдѣли (siedzieliśmy) есмы и плакали, (plakaliśmy) воспоминаяще сішнъ» (136:1),

3 мн.: «Егда молчал состарѣлся (zastarzały się) кости мое с воздыханіем монмъ на всяки днъ» (31:4).

Находившиеся на функциональной периферии формы аориста и имперфекта могли служить дополнительным регулятором грамматической категории лица, так как употреблялись в 1 лице и в 3 лице преимущественно ед. ч. и снимали омонимию л-форм:

1 ед.: «Обаче чрез четыредесят лѣтъ имѣл спор, с тѣмъ народомъ и рекль» (94:10) // «рѣхъ, исповѣмъ тѣбѣ беззаконіе мое г8ди» (31:5),

3 ед.: «И рекль, нѣтъ позналъ иже та есть штмѣна десницы вышнагѡ» (76:11) // «Рече беззаконіе в срѣдцѣ свою, иже нѣсть бга» (52:2).

Предполагаемая дополнительная формально-семантическая мотивация употребления аористных и имперфектных форм могла входить в более общую предельно формальную мотивацию.

Так, функционирование книжных форм в конфессиоナルных текстах на «простом» языке могло объясняться устойчивостью церковнославянской традиции, продолжавшей реализоваться в строго фиксируемых текстуальных условиях (см. далее о жанровой дифференциации псалмов) или в строго замкнутой книжной лексике (например: единственными возможными являлись формы аориста «смѧтесѧ» и «смѧтошасѧ»).

Разрешение на употребление книжных форм могло быть продиктовано и самой польской языковой традицией, допускавшей в конфессиоナルных текстах периферийное употребление как собственно архаичных глагольных форм, так и «новых» ch-форм типа *robilech*, *robilychmy*.

Подтверждением объемной мотивации служит аналогичное употребление форм аориста и имперфекта на фоне доминирующих форм «аналитического перфекта» в западнорусских псалтырях XVI–XVII вв., переведенных на «просту мову» с польского языка:

«**Не ѿтворял есми** 8 // «**ѡтвօрях**» 41, «**есми надѣѧл-ся**» 33 // «**наделхса**» 31 [Карский 1896].

Зависимость языка Псалтыри Фирсова от польского литературного языка позволяет реконструировать механизм порождения текста как механизм «грамматического подобия», при этом в роли культурно доминирующего языка выступил польский язык: если польский язык поддерживал некнижную форму, то она становилась нормативным элементом нового литературного языка, если же польский язык поддерживал книжную форму, она продолжала оставаться достоянием и нового литературного языка.

Установленные структурные особенности, в свою очередь, дают возможность уточнить функциональный статус языка Псалтыри Авраамия Фирсова. Сознательный выбор в качестве языка-образца или языка-посредника польского литературного языка, имевшего некнижный субстрат, однозначно определяет приверженность Фирсова к некнижным формам и позволяет предполо-

жить, что Фирсов мыслил свой «простой словенский язык» как язык, функционально противопоставленный традиционному «словенскому языку». Подтверждением того, что «простой словенский язык» следует рассматривать в рамках оппозиции «классические» языки // «простые» языки, является лингвистическая рефлексия самого Фирсова, выраженная в «Предисловии к читателю» и в «Объяснении переводчика».

Так, защищая свой перевод на новый литературный язык, Фирсов определял дистанцию между «словенским» языком и «простым словенским языком» в категориях «недоступности» — «доступности» и «непонятности» — «понятности». Основной причиной, приведшей Фирсова к отказу от традиционного «словенского» языка являлась его непонятность для людей «простых», «неученых», обусловленная зависимостью «словенского» языка от других конфессиональных языков: «... на всякий день читают ёя (псалтыры) во црквѣ бѣжіи, но разумма читаемагш в нен нам вѣдати невозможнш... тогѡ ради, иже в нашен фалтіри многш речениі разных языков, нам их невозможнш разумѣти, но тіи токмш вѣдауть иже мншгим языкам искѹсни сѹть» (ПсФ, 27, 28). В свою очередь, «достоинство» «простого словенского языка» заключалось в том, что он был очищен от влияния традиционных библейских языков «ради истиниѧ вѣдомости и ѹвѣренія неразумныих и простых людей» (ПсФ, 23): «в сен книгѣ фаломнои истолкованы фалии на наш простон словенскон языкт... без всякагш ѹкрашенія, ѹдобнѣншагш ради разумма... зде нѣсть речениі греческихъ, латинскихъ, сербскихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая шыклая рѣчь, ѹдоворазумителная предложена без ѹкрашенія» (ПсФ, 28).

Разрешающим условием перевода псалтыри на «простой» язык Аврамий Фирсов считал потенциальное функциональное равенство языков, проявляющееся в сосуществовании разнозычных переводов псалтыри: «со многихъ книгъ, разныхъ переводниковъ, со еврейскаго языка, якш сѹть с полскаго, латинскаго, немецкаго, и греческаго и иныхъ языковъ переводниковъ сиխъ: седмидесяти и двѣнадцати и старого црковнаго учителя Геронима, Якова Вуйка, Николая Радзивила и иныхъ переводниковъ» (ПсФ, 28). Упоминание в предисловии имен Якова Вуйка и Николая Радзивила навело исследователей на

мысль, что Фирсов использовал Библию Вуйка и Радзивиловскую Библию в качестве основных источников. Однако в соответствии с общепринятой схемой «защиты» «простых» языков в предисловии отнюдь не предполагалось указание на конкретный текст, послуживший источником перевода, необходима была лишь демонстрация определенной языковой компетентности, доказывающей совершенство самого перевода. Вероятно, источник следует искать среди отдельных изданий псалтыри, начиная с Псалтыри W. Wróbla, обращенной к «*pospolitemu człowieku naszego języka*». Жанр предполагаемого источника мотивирован и тем, что из всех библейских книг Авраамий Фирсов перевел именно Псалтырь, ибо «*сія святая книга фалтир во црквѣ бжїн на всякин день, во весь год читаема бывает... велии полѣзна и потребна сѹть. В нен ѹш истинная вѣдомость в величествѣ прѣстола бжїя*» (ПсФ, 26).

Призыва «возлюбленного читателя» читать всю Псалтырь «*с разумом и неспѣшиш, давы разумѣти глаголемая*», Авраамий Фирсов все же акцентировал внимание на «молитвенных» псалмах, имеющих непосредственное отношение к духовной жизни каждого верующего и, следовательно, в первую очередь требующих «простого» языка: «*Ты же в любезныи читателю, еслы восхощеш по сен фаломнои книгѣ бг҃у молитнися, и ты сыскав в нен фалмы молитвенные, и читан их неспѣшиш, с разумом, ни в чем не сомнянся. Аще и двѣдовы тїн фалмы молитвенные, но ты их разъмѣн в себѣ речennaя, понеже ты глѣши их в себѣ*» (ПсФ, 29). Принятая жанровая дифференциация псалтырного текста могла быть причиной языковой дифференциации, объясняющей то, что в Псалтыри Авраамия Фирсова встречаются псалмы, оставленные без каких-либо изменений в церковнославянском языке, и псалмы, в которых церковнославянский язык совсем не ощущается.

Свою переводческую деятельность, направленную на то, чтобы «*В читанія слова бжїя с разумом множилась в чавцѣх вѣра*» (ПсФ, 25) Фирсов рассматривал как просветительское служение «*на славѣ, и честь стомъ имени бжїю и всѣмъ людемъ во швѣю ползѣ*» (ПсФ, 28).

Московские книжники, современники Авраамия Фирсова, восприняли «простой словенский язык» Псалтыри как язык, противопо-

ставленный традиционному «словенскому» языку, и не приняли этот безпрецедентный для Московской Руси лингвистический эксперимент, о чем свидетельствует проведенная редакторская работа. В процессе редактирования из предисловия были устраниены замечания о функциональном равенстве литературных языков, сняты аргументы, не свойственные текстам православной традиции, и, главное, была проведена «окнижняющая справа», возвращающая Псалтырь к «словенской» языковой традиции:

«Аз же ходилъ ⇒ ходиХъ во истинности моен» (23:11),

«Понеже оцъ мон и мати моя оставили ⇒ остависта мя» (25:10),

«Умножилъ ⇒ умножишася немощи тѣХъ, которыя идуть за чюжимъ Богом» (15:4).

Несмотря на проведенную языковую правку, Псалтырь Фирсова не была признана и напечатана: патриарх Иоаким, непримиримый противник латино-польского влияния, «указалъ тон книге быть в ризной казнѣ а безъ указу смотритъ давать не велено никому» (ПсФ, 5).

Легализация «простого» языка в XVIII веке, отмеченном переходом к секулярной культуре и к понятному литературному языку, мотивировала определенное распространение Псалтыри Авраамия Фирсова, о чем свидетельствуют списки, в которых специально указывается на «простоту» языка Псалтыри: «Книга глаголемая фалтире на простымъ языке словянскииъ» (ПсФ, 10), «фалтире простымъ наречиемъ переведенная и с разныxъ языковъ исправленная» (ПсФ, 7). Однако несмотря на некоторое распространение Псалтырь Фирсова так и осталась на периферии языкового сознания своей эпохи, поскольку не сложились исторические условия для появления конфессиональных текстов, порождающий механизм которых может быть определен как механизм «подобия». Возникновение в Петровскую эпоху «простого» литературного языка было уже результатом действия механизма «элиминации» книжных форм, что давало принципиально другие манифестации *понятного* языка, реализованного в светских текстах.

* * *

Проведенное исследование позволило заключить, что доминирующая в «греко-славянском» мире рефлексия над церковнославянским языком как «общим» литургическим и литературным языком православных славян носила формальный, конвергентный, корректирующий характер и реализовалась в «зоне средств выражения»: *правильность* «славянского» языка достигалась посредством дифференциации грамматических синонимов и устраниния грамматических омонимов. Взгляд на греческий язык как на источник правильности мотивировал формально-семантическую трансляцию греческого языка в «славянский». Периферийная рефлексия над «своим» «простым» литературным (но не литургическим) языком носила семантический, дивергентный, креативный характер и реализовалась в «зоне грамматических категорий и средств выражения»: *понятность* достигалась посредством формально-семантической трансляции авторитетного «простого» языка, что приводило к уменьшению формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком. Противопоставление «своего» «простого» языка «общему» «словянскому» языку выражалось также в отказе от греческого влияния.

ГЛАВА 3

«Общий» славянский литературный язык в конфессиональной культуре (*Slavia Latina*): проблема правильности и понятности языка

§1. «Граматично изказане об рѣском језику» Юрия Крижанича 1666 г.: кодекс норм правильного и понятного литературного языка, сравнительная характеристика славянских языков

Мотивированная концепцией христианского универсализма, «латино-славянская» рефлексия над церковнославянским языком как «общим» славянским лингвическим и литературным языком получила выражение в лингвистических сочинениях и книжной справе Юрия Крижанича.

Характеризуя Юрия Крижанича как «вдохновенного проповедника славянского объединения XVII века», исследователи отмечают его «лингвистическую загадочность», не позволившую до сих пор решить вопрос о структурно-функциональном статусе декларированного им литературного языка, который определяется как искусственно созданный «общий» славянский литературный язык, представлявший собой либо «равномерную смесь» церковнославянского, русского и хорватского языков, либо модификацию хорватского языка, либо модификацию русского языка [см. подробно: Экман 1963]. Одной из веских причин столь разных суждений служит недостаточное понимание экстраграмматической и лингвистической мотивации замысла Юрия Крижанича и, как следствие, неадекватное понимание структуры и функции предлагаемого им варианта литературного языка. В этой связи представляется необходимым, основываясь на знании культурно-языковых доминант XVII века, реконструировать лингвистическую рефлексию Крижанича, выявляя ее концептуальную направленность. Источниками для такого рода восстановительной работы являются не только лингвистические опыты Крижанича, но и его историко-философские и

политические сочинения [Heaney 1971; Dell'agatta 1993, 1999]: трактат «Политика» (1663 г.) и официальные послания, обращенные к конфессионально полярным адресатам — членам Конгрегации пропаганды святой веры и русским царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу [Крижанич 1997, Белокуров 1901]. Выявленные в этих текстах «теоретические лингвистические проговорки», сведенные в определенную теоретическую программу, позволяют приблизиться к пониманию лингвистической рефлексии Крижанича.

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной рефлексии Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслил как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедывать веру (каковое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать их заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» [Записка к главам коллегии св. Афанасия, 1641: Белокуров 1901, 57]. Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Крижанич, ссылаясь на авторитет Блаженного Иеронима, предполагал начать именно с «грамматики», желая «полезно діло сотворити» «ко изправљенју језника»: «Граматично радије ... бит по-трбно ... како блаженни Јероним велит: Несподобитсе возгордјат малих вешћи, без коњих велики обстојат немогут» [Крижанич 1859].

Возможность осуществления лингвистической просветительской программы была определена, по свидетельству самого Крижанича, его достаточной языковой компетенцией, поскольку он знал «четыре языки свершено: словенски, латынски, неметцки, итальянски, и другиे четыре языки несвершено: гречески писменныи, гречески простыи, полскии и венгерскии» [Письмо-представление царю Алексею Михайловичу, 1659: Белокуров 1901, 91]. Характер и объем языковой компетенции Кри-

жническая определял характер и объем его метаязыковой компетенции. Овладение в процессе формального обучения языками как «грамматикой», т. е. системой алгоритмических правил, позволяло Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы, прежде всего Италии, мотивировала не только знание лингвистических концепций (*Questione della lingua*), но и возможность распространения концептуализирующей лингвистической мысли на языковую ситуацию Московской Руси. Так, факт использования в коллегии в Болонье, где учился Крижанич, в качестве учебного пособия трактата П. Бембо «*Prose della volgar lingua...*», свидетельствует о знакомстве Крижанича со спорами «тосканистов» и «итальянистов» и объясняет его сравнение «московского языка» («русского языка»), как основы «общего» для всех славян литературного языка, с «тосканским языком», как основой «общего» итальянского языка [Обижаева 1999, 54].

Желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашли в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII века являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной справы: «А вельено мнѣ книги писать, Алфавит истинны^й славянскаго јазинка составити и грамматикъ исправитъ» [Челобитная царю Федору Алексеевичу с изложением всех служб государству, 1676: Белокуров, 177].

Необходимое и возможное «включение» лингвистической рефлексии Юрия Крижанича в «грамматическое дело» Московской Руси реализовалось в создании орфографического трактата – «Објасненије виводно о писмѣ Словѣнском» 1660–1661 гг. [Крижанич 1891, далее – Об.], и грамматического трактата – «Граматично изказанје об рѣском језику» 1666 г. [Крижанич 1859, далее – ГИ].

Предметом размышлений Крижанича являлся церковнославянский язык (русского извода), понимаемый им как «общий» ли-
тургический и литературный славянский язык: «наш књижни
језик» (Об. III), «језик наш сеь, коим ми књиги пишем и божјие
слѹжби отправљајем» (ГИ, I). Исходя из идеи идентификации славянских локальных языков как вариантов одного славянского языка, Крижанич считал необходимым называть «общий» славян-

ский литературный язык «рѹским», а не «словинским» (сло/авенским): «сѧ језикъ коиимъ књыгы пишемъ... Рѹскии Књиžнии... Рѹско племе и јме јест осталнимъ всиимъ вершина и кореника... Ж потомъ, когда хощемъ общимъ јменомъ објатъ... всиихъ језинчихъ отмінъ: несподобитсѧ ихъ зватъ новичнимъ Словинскимъ, него паче предавнимъ Рѹскимъ јменомъ» (ГИ, II).

Генетическое главенство «русского» языка, т. е. рассмотрение его в качестве источника славянских языков, не требовало, по мнению Крижанича, доказательств, поскольку являлось фактом классического исторического знания, которое было поддержано новой исторической наукой: «нанстарнje, и осталнимъ всиимъ зачално јест лъвдство и јме Рѹско: и се једино давнинъм Греческимъ и Римскимъ писательемъ јест био познано и чтетьсѧ въ старихъ књыгахъ написано» (ГИ, I), «Мартин Кромер (*Cromer M. De origine et rebus gestis polonogum*, 1555) обо всего словинского народа початку пишетъ... вси ти народи пронзыдоша из Рѹси» [Гольдберг 1960, 117–130].

Генетическая значимость «русского» языка поддерживалась его функциональной значимостью, поскольку автохтонная авторитетная государственная власть в Московской Руси определяла ситуацию, при которой все государственные дела оформлялись на «своемъ» языке: «домашнимъ језикомъ бивајут отправљана» (ГИ, IV). Именно «самовладство», обеспечившее государственную защиту «русского» языка, создало условия для того, чтобы окончательно «стереть плесень древней дикости» и «научиться наукамъ», на что указывали, по свидетельству Крижанича, все западные политики и историки XVI–XVII веков, являвшиеся приверженцами «римской веры, а не «лютеровой ереси»: «Герберштейн, Пернштейн, Поссевино и Джовио были людьми римской веры» (*Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549; *Pernisteri Relatio de Magno Moscoviae Principe*, 1579; *Possevino A. Moscovia*, 1586; *Giovio P. Libellus de Legatione Basillii magni... ad Clementem*, VII, 152) [Крижанич 1997, 137, 184–185].

Исторически мотивированное генетическое и функциональное превосходство «русского» языка поддерживалось, по мнению Крижанича, собственно лингвистическими характеристиками, указывающими на близость именно «русского» разговорного языка к «общему» славянскому литературному языку: «сѧ књиžнии језикъ

вного подобниъ јест днешње Руское общинье, неже којевни језик Словинског отміне» (ГИ, II).

Осмысление исходных функционально-генетических и собственно лингвистических параметров «русского» языка позволило Крижаничу построить иерархическую схему славянских языков:

«Руский» язык:

«Руско племе и јме јест осталним всим вершинам и кореникам... Ј сице не Руска отмина Словинскије отмины плод: него Словинска, и Чешска, и Лешска отмина, јесујт Руского језика отродки» (ГИ, II),

«славно Руско господарство ... а гдје јест краљество дило, и народно законоставје, во својем језику устројено: тамо језик обиљни, и от дне творите се стројни» (ГИ, III),

Хорватский язык и сербский язык:

«Сербљани и Хервјати су изгубили своје јединске венчаде ... или пак то не вездји во језаде Дубовца и Озља и Рибника острогов, сохранило се јест Хервјатско и Сербско брђарство, ј кулко јест још досели остало старого зачалног и чистога изриканја...».

Чешский язык:

«В Чехов језик немао закалјен»,

Польский язык:

«В Лехов половина рече јест от иных разнитих језиков примишена».

Болгарский язык:

«В Болгар нијест чесо искат: тако во тамо језик јест изгубљен, да м' једва сlijд остајет» (ГИ, III).

Предустановленное и явленное в иерархии функционально-генетическое «достоинство» «русского» языка предполагало приобретение формально-семантического «достоинства» посредством прорвания филологической «обработки»: «*Ниједен јазик не баше изко-ни вѣка, и тут же на своем почтѣ совершен. Ј николиже непостанет јазик сеь сличен, строен, и къ разумному коему писану и говорену пригоден, доколи гд не истяжитсѧ*» (Об., 1). Соответственно, свою задачу Крижанич видел лишь в том, чтобы способствовать «изправљенju, изтежанju, и совершеноj језику», ибо только «изправљенje језику» ведет «ко ӯразъмљенju всаких благоговѣнных отеческих дѣл, и дѣши спасајущ совѣтов» (ГИ, V). Необходимое «граматично радиње» мыслилось Юрием Крижаничем как постепенный системно реализуемый процесс нормализации и кодификации «русского» языкового материала: критика — «обличенje», анализ — «објасниенje» («потребно баше о всакоем прѣвратѣ изводно доказат от кого, како и зашто ће үчиниен сеь прѣврат»), кодификация — «кратка правила» (Об., V–VI). «Филологическая работа» над «русским» языком как «общим» славянским литературным языком требовала межъязыкового сопоставительного контекста: данные «русского» языка представлялись в сопоставлении с данными других славянских языков, прежде всего, хорватского и польского, которые, по мнению Крижанича, являли полюсные пути развития, поскольку хорватский язык сохранял «староје зачалноје и чистоје изріканje», а в польском языке, наоборот, «половинна ричеј јест от иниx разнитиx језиков примишена» (ГИ, III).

Дело «исправления» «русского» языка Крижанич воспринимал в рамках общеевропейского метаязыкового процесса XVI–XVII веков, сутью которого являлась грамматическая «обработка» языков [Гуковская 1940]: Крижанич полагал, что его лингвистические опыты являются собой одновременно и традицию («*преже нас обличиша јни Крѣтици љи Граматически разсѹдици*» Об., 71) и определенную новацию («*подају дѣло разумним... лъдем на суд*» Об., IV).

Лингвистическая рефлексия Крижанича, направленная на достижение *правильности* и *понятности* книжного «русского» языка, актуализировала проблему греческого и инославянского *влияния* на «русский» («*властита правила*») язык, а также проблему *формально-*

семантической и формальной избыточности (правила «по избытку») и недостаточности (правила «неизразимы») самого «русского» языка.

Детальная разработка данных проблем осуществлялась Крижаничем на материале всех изменяемых частей речи, однако особое внимание было уделено имени и глаголу, задававшим, с точки зрения метаязыковой традиции, «основное членение речи» [Античные теории 1996, 125].

Имя определялось Юрием Крижаничем в соответствии с греко-латинской грамматической традицией как часть речи, обозначающая «вещь» («једен, раздил бесиди, јлити рич, којеју се зовет всака већ, видна и невидна») и обладающая грамматическими категориями («примети бесидних раздилов»):

рода (мужской род // женский род // средний род:

«Плème јест троје. Мужско. Ов брат мов драг. Женско.
Ова сестра моја драга. Нијединско. Ово дите моје драго»,

числа (единственное число // двойственное число?? / множественное число:

«Число јест троје. Једнично. Чловик. Вножинно. Лъуди.
Двојично. Мн два чловика»,

падежа (семь падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, предложный, дательный, творительный:

«Прегибов јест седем.

Јменник, којим се чојменујет. Брат.

Зовник, којим чој признавајем. О брате.

Крозник јдет за предложком кроз. Кроз брата.

Јзкерник јдет за предложком јзкер. Јзкер брата.

Придниник за предложком при. При брату..

Противник за предложком против. Против брату.

Орудник за предложком со. Со братом» (ГИ, 2, 3).

Помимо канонических грамматических категорий Крижанич отметил в «русском» языке противопоставленность имен существительных и согласованных с ними имен прилагательных мужского рода по признаку одушевленность // неодушевленность («*Јмена знаменующије душатије и недушатије*»).

Кроме того, имена прилагательные были охарактеризованы Крижаничем по присущим только им грамматическим признакам: по признаку формы (краткая форма // полная форма=«*просто јме* // *јзредно јме*») и компарации (форма положительной степени // форма сравнительной степени // форма превосходной степени= «*поденно јме//верстално јме//преверстално јме*» ГИ, 37, 54).

Склонение имен, понимаемое как изменение по падежам и числам, было представлено в грамматике Крижанича 8 формальными классами, в основу дифференциации которых были положены три иерархически заданных критерия:

- лексико-грамматическая семантика (имена существительные: 1–6 типы склонения // имена прилагательные: 7–8 типы склонения),
- качество конечного элемента основы и характер флексий (т: 1, 5, 7 типы склонения // т': 2, 6, 8 типы склонения // т, т'-а 3 тип склонения // т'- нулевая флексия: 4 тип склонения; при этом определяющей являлась фонетика хорватского языка),
- родовая принадлежность для имен существительных (существительные мужского рода: 1, 2 типы склонения // существительные женского и мужского рода: 3, 4 типы склонения // существительные среднего рода: 5, 6 типы склонения):
  - (1 склонение) «*Пјервнъ 8зор јмен мъжскнх, јдъщнх на негласници тонкн. Брат.*
  - (2 склонение): *Вторнъ мъжскнх, јдъщнх на швмнци. Кралъ.*
  - (3 склонение): *Третнъ жёнскнх и мъжскнх, јдъщнх на А. Риба. Владика.*
  - (4 склонение) *Четвёртнъ жёнскнх, јдъщнх на негласници. Риц.*
  - (5 склонение) *Пятнъ ниједннскнх, јдъщнх на О. Лито.*
  - (6 склонение) *Шестнъ ниједннскнх, јдъщнх на Е. Линце.*
  - (7 склонение) *Седмнъ Приднвнх јдъщнх на тончици Велник.*
  - (8 склонение) *Осмнъ Приднвнх јдъщнх на швмнци, Нинци.*

Формально-семантическая норма книжного «русского» языка оценивалась Крижаничем с позиции носителя хорватского языка: *правильность и понятность* «русского» языка подтверждалась Крижаничем при условии совпадения объема реализации и состава членов грамматических категорий в «русском» и хорватском языках.

Грамматическая категория числа реализовала в книжном «русском» языке оппозицию «единственное число // двойственное число / множественное число», представлявшую градуированную множественность, а в некнижном языке – оппозицию «единственное число // множественное число». С точки зрения Крижанича, в родном языке которого была представлена оппозиция «единственное число // множественное число», книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую избыточность*, обусловленную влиянием книжного греческого языка. Явленная в книжном «русском» языке формально-семантическая избыточность должна была, по мнению Крижанича, сниматься либо полным устранением форм двойственного числа, либо их ограниченным, возможно стилистически маркированным, употреблением:

«Двојично число никаковијеже користи, нит липоти језик непривављајет: него лише чинит сметење и вного неудобеје. Гречки писатељи мало го уживајући, оприч нужи (напаче ве писенинх складаньих) и волејт реџ. Руками и ногами, него Рукама и ногама. Ј Херватски племенити лъуди то двојично говореје почитајући за Кметској и за прирости. Ј даља тиј причини (оприч никоњих мист, где по ну же морајет стојат двојично число) липле јест везди говорит внојиним числом» (ГИ, 123).

Кроме того, по мнению Крижанича, грамматическая категория числа демонстрировала в книжном «русском» языке *формально-семантическую дефектность*, мотивированную греческим языком, что отразилось в неверном употреблении ряда книжных слов, являвшихся либо словами *singularia tantum*, либо словами *pluralia tantum*, при этом отрицание греческой числовой модели проходило через признание латинской числовой модели:

«Јмена јмајућа лихо внојинно чиње... кладујт въ Јединичном... книга ...Књиги, за Латинско Liber... јмајујт лише внојинно чиње. А Књига, за грамоту Epistola... јмајујт вса чиња.

А која нимајујт внојинного чиња, и она они кладујт во внојине... Плоти, мјаса, жита, жрејја...» (ГИ, 31, 155).

Подобным образом *формально-семантическую дефектность*, вызванную влиянием греческого языка, представляла, по мнению Крижанича, и грамматическая категория рода, что проявилось в употреблении ряда книжных слов как слов «общего» рода:

«Ј бѹдущ јеже въ оних језику јесујт ника јмена двојего племена /мужского и женского/, потому ... и въ нашем језику ника јмена ... двојплеменна. Се јест, Војвода, Судија, Војин ... Али въ том јест изјавен поблудок, або Војвода, Судија, Војин николиж нијесујт сличена въ женском племену...» (ГИ, 22).

Грамматическая категория падежа представляла разный объем реализации в книжном и некнижном «русском» языке: в книжном языке грамматическая категория падежа охватывала все именные формы, тогда как в некнижном языке вне реализации данной категории оказывались краткие формы прилагательных. С позиции носителя хорватского языка, в языке которого изменение кратких прилагательных по падежам было ограничено пределами единственного числа, книжный «русский» язык демонстрировал некоторую *формально-семантическую избыточность*, тогда как развитие некнижного «русского» языка вызывало радикальную *формально-семантическую недостаточность*. Коррекция языкового материала, проведенная Крижаничем с учетом хорватского языка, определила «формально-семантический компромисс», заключавшийся в разрешении употребления изменяемых кратких прилагательных единственного числа, прежде всего в грамматических позициях Р. и Д. ед. м. и. с.:

«Прегнви идући на кончињу ГО и на МУ могутсе скратити: по извержену складов, АГ, ОГ, ЕГ, ОМ, ЕМ. конја добра, добръ мужъ» (ГИ, 39).

Юрий Крижанич особо отметил синтаксическую дифференциацию полных и кратких прилагательных в грамматических позициях **И. ед.** и **И. мн.**: употребление полных прилагательных ограничивалось атрибутивной функцией, тогда как употребление кратких прилагательных сводилось к предикативной функции:

«А осовито, гди јме придивно послидовјет за ричиноју **ЈЕСУТ** или за **БЛАГОМ** или за **БУДЕМ**, тамо јест потрбно изрећи Јменник на И, а не на ИЈЕ инт на ЕЈЕ. Три Марнијесути свети или влажу свети. Всије сотвореније дашни вудувт садженни» (ГИ, 43).

Для грамматической категории одушевленности // неодушевленности в книжном «русском» языке Крижанич отметил регулярное выражение у имен существительных и прилагательных мужского рода в грамматической позиции **В. ед.** и нерегулярное выражение у субстантивированных прилагательных мужского рода в **В. мн.**. В некнижном «русском» языке одушевленность // неодушевленность реализовалась у имен мужского рода в грамматических позициях **В. ед.** и **В. мн.**, а также у имен женского и среднего рода в грамматической позиции **В. мн.**. С точки зрения Крижанича, в родном языке которого формальное выражение данной грамматической категории было представлено у имен существительных и прилагательных мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**, а также у субстантивированных прилагательных мужского рода в грамматической позиции **В. мн.**, книжный «русский» язык являл *формально-семантическую норму*, а некнижный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую избыточность*. Оценивая как нормативную книжную реализацию грамматической категории одушевленности // неодушевленности, Крижанич особое внимание уделил *формально-семантической дефектности*, заключавшейся в отнесенности к сфере одушевленных имен – существительных, обозначавших лиц потустороннего мира, и в отнесенности к сфере неодушевленных имен – существительных, обладавших значением собирательности:

«От јмѣн знаменујућињ Душатије илти живућије већи, крозник идеть на А. Хвалигте господа. Тож бивајет и об мертвну особај. Погребоше мртвеца, или мртва човника. А от знаменујућињ Недушатије већи, крозник се творић једнак јменнику. кроз град. Снцеже јдугт и која незнаменујући душатињ особ по једину, но по ви ногу. народ, собор, скот, пљак» (ГИ, 7).

Расширение объема реализации грамматической категории одушевленности // неодушевленности у имен мужского рода в некнижном «русском» языке за счет грамматической позиции **В. мн.** интерпретировалось Крижаничем как тенденция к снятию у одушевленных существительных недопустимой омонимии прямого и косвенного падежа (**И. мн.** = **В. мн.**) за счет разрешения более приемлемой омонимии косвенных падежей (**Р. мн.** = **В. мн.**): «Јменник словет, прегни кореничниь, а остални прегни словут производни» (ГИ, 8). При этом в хорватском языковом видении Крижанича омонимия **И. мн.** = **В. мн.** имела место не только в некнижном, но и в книжном «русском» языке (**И. мн.** - **И** = **В. мн.** - **И** [и]). По мысли Крижанича, формальная недостаточность книжного и некнижного вариантов «русского» языка и формально-семантическая избыточность некнижного языка, приводившие к невозможности достижения в грамматической позиции **В. мн.** полной «прозрачности» грамматической семантики, могли устраниться за счет трансляции в «русский» язык флексии **-Е** из хорватского языка, которая бесспорно снимала омонимию **И. мн.** = **В. мн.**:

«А Рѹсјани и Лéхи творећ крозник внојинињ на Ћ и не могућ разлагић крозника от јменника: и ви ного крат ьим постајет небдољно разгмиње: и по ноге никогда моражућ 8жи ват јзкерињка въмисто крозника, и говорећ сиџе:

Побиљи сът Перси Тѹрков: въмисто недољнога изречења сиџева:

Побиљи сът Перси Тѹрки.

А по Херватск, без недољнја сиџе се изрикајет:

Побиљи сът Перси Тѹрке» (ГИ, 11).

При невозможности принятия формантов хорватского языка, «вынужденная» формально-семантическая избыточность, заключавшаяся в реализации одушевленности // неодушевленности в грамматической позиции **В. мн.**, допускалась Крижаничем в книжный «русский» язык, но только для имен существительных мужского рода по аналогии с субстантивированными прилагательными в «русском» книжном языке и в хорватском языке, и была исключена для имен женского и среднего рода:

«Хервати во всиј јмениках: и въ придинвних јменех, мъжкого племена, уживавајући јзкерника въ мисто Крознника: кт, Добрі добрих лъвбет. А невимо зач въ овестојних јменех тогож нечинет... А вим въ ободвих мистех једнака јест прicha: и право се велит ободвоје: Добрі дрвги добре дрвге лъвбет: и Добрі дрвги добрих дрвгов лъвбет» (ГИ, 13);

«Али обличав: јеже јзкерник может стојат въ мисто крозника, лиш въ јединичном и во множинном числу, а не во двоичном, въ јменех веџељ душатих, а не въ бездушних: и то лише въ мъжком племену, а не въ јном. Тож и въ јмениках, и въ придинвних јменех... Мн лъвним вас својих добрих пријатељев... А въ женском и въ нијединском племену неможет јзкерник стојат въ крозника мисто... Сицеж добро: Призови мојих пријатељев. Призови моје пријатеље. Призови моје пријатељи. А въ женском не добро: Призови мојих сестрёв. Него лиши. Призови моје сестри или сестрё» (ГИ, 11, 13).

Формальная норма книжного «русского» языка предполагала генетическую «чистоту» и структурную «прозрачность», оправданную употреблением, которое оценивалось Крижаничем с позиции носителя хорватского языка: *правильность* языка достигалась Крижаничем посредством устранения «чужих» и «своих» неупотребительных или употребительных формантов, порождавших грамматическую синонимию или омонимию.

Формальная избыточность книжного «русского» языка определялась, по мнению Крижанича, флексиями, оппозиция которых была обусловлена исходом основы, а также нестандартными флексиями.

Так, оппозиция флексий, обусловленная качеством конечного элемента основы, была отмечена Крижаничем для грамматических позиций **Д.=П.** ед. у существительных женского рода, **П.** ед. у существительных мужского рода и **П.** ед. и мн. у существительных среднего рода.

Оппозиция флексий **-ѣ / '-И**, представленная у имен женского рода в грамматических позициях **Д.=П.** ед., по мнению Крижанича, бесспорно требовала устронения, так как имела аналог в польском языке:

Д.=П. ед. ж.: **-ѣ / '-И → -ѣ**

«Придѣвник Јединичниь

Протѣвник Јединичниь

...на овом мѣстѣ Лѣхн, Билорѹсјани... чинѣт непотрѣбен разбор меж знаковнїцами: и при тонкнх изглашајут ІЄ, или є: кт, при Рибје, Главѣ, Рѹце: а при швмних изглашајут Ї: при стражн, при ладын, при земљи.

Али пак нам ниست пригодно таково разбиранје: но паче вса јмена сего претвора могутсе овдн кончит на є: При Рибѣ...земљѣ...

Протѣвник Јединичниь јест придѣвникъ во всемъ једнакъ.
(ГИ, 20).

Оппозиция флексий у имен среднего рода должна была получать, по мысли Крижанича, разное разрешение в парадигмах единственного и множественного числа: в грамматической позиции **П. мн.** противопоставленность флексий **-ѢХЪ / '-ИХЪ** устронялась, тогда как в грамматической позиции **П. ед.** оппозиция флексий **-ѣ / '-И** сохранялась в целях снятия омонимии по падежу (**П. ед.-ѣ = И. ед. -Є → П. ед. -И // И. ед. -Є**):

П. ед. ср.: -ѣ / '-и

П. мн. ср.: -ѣХъ / '-ихъ → -ѣХъ

«Придѣвник јединични

Придѣвник вложини

От јмен петога 8зора Придѣвник јединични се твори на ё: а вложини на єх: на селѣ, на селѣх...

А от јмен шестога претвора Придѣвники идат згодно на й, и на ѹх: Мори, Мориҳ...

...вь петом 8зорѣ липо изрикајем придѣвник на є... Али вь шестом 8зорѣ не творим на є, но лише на й. Да будет разност от јменника и от крозника, ки се изрикајет на є» (ГИ, 25–26).

Имена существительные мужского рода в грамматической позиции П. ед. являли двухуровневую формальную избыточность, поскольку помимо стандартных флексий, дифференцированных в зависимости от качества конечного элемента основы, реализовали нестандартную флексию -8: (-ѣ / '-и) + -8. При этом нестандартная флексия -8 порождала омонимию П. ед.=Д. ед., характерную также для хорватского языка. Пытаясь разобраться в сложном формальном поле грамматической позиции П. ед., Крижанич зафиксировал все возможные форманты, отдав предпочтение флексии -ѣ, снимавшей омонимию и устанавливавшей тождество средств выражения у существительных всех родов в грамматической позиции П. ед.:

П. ед. м.: -ѣ / '-и + -8 → -ѣ

«Придѣвник јединични

Ризво говореш, општица се двојгласница ё: и от тонких кончић придѣвник се изрекајет на й, или є: при Брати, и при Брате. А от шамни, на ѹ: при Краљи.... А на є, не съ толадно, при Краље...

Русјани често, а Хервати всегда, творят придѣвник једнак противникъ: то јест, на 8 и велет, при Братъ, при Краљъ.

Потомъ адда, что смо рѣкли, ѿв прегиб в ноголично се
может изреч: При братѣ, брати, брате: при братъ, При
кralьѣ, кralьи, кralье: при кralьъ» (ГИ, 9).

(выбор в образце склонения: При Братѣ, При Кralьѣ)
(ГИ, 4).

Формальная избыточность, основанная на существовании стандартных и нестандартных языковых элементов, была представлена в книжном «русском» языке как на уровне отдельных грамматических позиций, так и на уровне парадигм.

Нестандартные флексии, употребление которых явилось результатом иноязычного влияния, были зафиксированы Крижаничем у имен существительных мужского рода в грамматических позициях З. ед., Р. ед., Т. мн. и П. мн.:

«правила јних језиков → своја правила».

Так, избыточность, вызванная непосредственным влиянием греческого языка на книжный «русский» язык, была выявлена Крижаничем у существительных мужского рода в грамматической позиции З. ед.: обусловленная качеством конечного элемента основы оппозиция флексий -€ // (') -ъ, представленная в книжном «русском» языке и поддержанная оппозицией -€ // (' и r) -ъ в хорватском языке, осложнялась введением независимой от фонетических характеристик основы флексией -€ в собственных именах, заимствованных из греческого языка. С точки зрения Крижаница, нормативной являлась оппозиция флексий, заданная хорватским языком, которой должны были подчиняться как «русские» формы, так и заимствования из греческого языка:

З. ед. м.: -€/ ' -ъ, + -€ → -€ / (' и r) -ъ

«Зовнник Јединични

Кончина Р пристоит ко пѣрвому 8збрю: лише зовнник творит на 8... ѿ Владимира...» (ГИ, 6),

«Јмена Гречска, која 8 Греков јдугт на ОС, а 8 на се на АЬ, БЬ, ЙЬ, ОЬ, и на Р, блудно се творет 8 на се на Б: кт,

Николај, Архелај, Алексеј. Јуреј, Дњ, Антониј, Василј, Григориј, Синко: зло ћ Николај, ћ Алексеј, ћ Георгиј, ћ Александре, ћ Прохоре. Право пиши: ћ Николајъ, ћ Архелајъ, ћ Алексејъ, ћ Јурејъ, ћ Дњъ, ћ Антонијъ, ћ Василјъ, ћ Григоријъ, ћ Синкојъ, ћ Александријъ, ћ Прохоръ: опримч јединога Петра, ћ Петре» (ГИ, 7).

Формальную избыточность, воспринятую Крижаничем как результат влияния польского языка на «русский» язык, демонстрировали имена существительные мужского рода в грамматической позиции Р. ед. и имена существительные всех трех родов в грамматических позициях Т. мн. и П. мн. В грамматической позиции Р. ед. в качестве полонизма рассматривалась нестандартная флексия -Ч, а в грамматических позициях Т. мн. и П. мн. как полонизмы отмечались флексии -АМИ, -АХЪ, которые являлись нестандартными для книжного языка и стандартными для некнижного. Негативно оценивая польское языковое влияние, Крижанич устранил «лешиније сказа»:

Р. ед. м. -А, -Ч → -А

«Јзкеријник Јединичнињ

Се творенје на Ч, јест лешинна. Лехом во јест обичен сеј изрок: Того часЧ, того року, зь боку, зь глодЧ. Речи: Того часа, того рока, из бока, от глада» (ГИ, 7),

«Лехом и Билорбјаном обичен, а въ словинској речи сказен и негоден јест Јзкеријник на Ч» (ГИ, 151).

Т. мн. м., ж., с.: -АМИ → -МИ

П. мн. м., ж., с.: -АХ → -ЕХ

«Ординик вложининь

Придиник вложининь

Нимци и Жидови јесчт Ч лехов наш језик мерзко сказали, а Билорбјани јесчт того скаженоја вного завзели: и на

сем міст⁸ чинѣт нестѣрпен прѣврат, јеже ѡв прѣгнѣв творѣт на АМИ, а придѣвник на АХ: Братами, кральами... При братах, крѣлах...

Тож чинѣт и въ јних претвѣрех: Речами, Летами, Польами... При Речах... польах...

За (Братми, крѣльми) Ричми, Литми, Польми» (ГИ, 16).

«Свои» нестандартные флексии мотивировали, по мнению Крижанича, особую формальную нагруженность имен существительных мужского рода в грамматических позициях Р. ед., Д. ед. и И. мн.: «своја правила: по извѣткѣ».

Так, в Р. ед. наряду со стандартной флексией -А употреблялась нестандартная флексия -Е, в Д. ед. стандартная флексия -Ы конкурировала с нестандартной флексией -ОВИ/ '-ЕВИ, а в И. мн. помимо стандартной флексии -И реализовались нестандартные флексии ОВЕ/ '-ЕВЕ, -Е, -ИЕ. С позиции Крижанича, как носителя хорватского языка, все отмеченные нестандартные флексии были неупотребительны или рассматривались как просторечные, следовательно, безусловно требовали устранения:

Р. ед. м.: -А, -Е → -А

«Јзкѣрник Јединични

Јзкѣрник сеј изходит на А, а не јнако. Затож обличав:
Паче камене честна ... Право рецн: Паче драга камена...» (ГИ, 7).

Д. ед. м.: -Ы, -ОВИ/ '-ЕВИ→ -Ы

«Протѣвник Јединични

Ов прѣгнѣв јмајет дви кончини, једну на Ы, а другу на ОВИ по пѣрвом или на ЕВИ по вѣрном 8збрѣ: кѣ Рабы, рабови... синѣ, синови... мѣжѣ, мѣжеви...

Али Хервати николиже не вживајут тоје кончини на ВИ: и за кметскѹ јѣ почитајут» (ГИ, 9, 10).

И. мн. м.: -И, -ОВЕ/ -ЕВЕ, -ИБ, -Е →-И

«Јменник множинни

А по извѣткѣ, и по припрѣстом изрѣкѣ, двојескладни јменнички преминъју тсѧ на ОВЕ и на ЕВЕ (илити стерпнijе, на ОВИ, ЕВИ): кт... Рѣкове... Синове... Мѣжеви... (ГИ, 10);

А јније кончини, на ЈБ и на Е, јесѹт згола сказни и мѣрзки: кт Царје... Кнѣзје, Пастирје, Татје, Мѣжје, Господје.... А Јошще горе, Свидитеље... Степене, Камене. Право се велит: Цари... Кнези, Пастирин, Тати, Мѣжи, Господи... Свидитељи... Степенни, Камени» (ГИ, 10–11).

Имена существительные среднего рода с подвижной словообразовательной структурой (тип «слова/словеса») обладали в книжном «русском» языке синонимичными парадигмами, представлявшими, соответственно, стандартные и нестандартные флексии. Установка Крижанича на снятие грамматической синонимии проявилась в устраниении нестандартных формантов единственного числа и в ограничении употребления нестандартных формантов множественного числа, что было мотивировано характером функционирования этих форм в хорватском языке:

стандартные+нестандартные парадигмы (ед., дв., мн.) →
стандартные+ нестандартные парадигмы (мн.)

«Дља јмен јмајућих прѣрастки СА, НА, ТА .... осовито претварање сијце:

Ово Слово, Јма, Дѣтја

От Словесе, Јмене, Дѣтјате

При Словиси, Јмени, Дѣтјати

Ко Словеси, Јмени, Дѣтјати

Со Словесем, Јменем, Дѣтјатем

Два слса, Јмена, Дѣтга

Слса, Јмен, Дѣтг

Слсма, Јменема, Дѣтма

Слсама, Јменама, Дѣтгама

Словеса, Јмена, Дѣтат

Словес, Јмен, Дѣтат

При Словесех, Јменех, Дѣтатех

Ко Словесем, Јменем, Дѣтатем

Со Словеси, Јменни, Дѣтати

А по Херватскѹ прѣрасток нѣст обичен въ јединничном...
а во вложнином изрѣкајѹт двојако сь прѣрастком, и безъ него.
А претварајѹтсе вса та јмена правилно, по пѣтом ѹзорѣ, сице.

Око Слово, Јме, Днте

От Слова, Јмена, Дѣтета

При Словѣ, Јменѣ, Дѣтетѣ

Ко Словѣ, Јменѣ, Днте

Со словом, Јменом, Днте

Слова и Словеса, Јмена, Днте

Слов, и Словес, Јмен, Днте

Словѣх, и Словесех, Јменех, Днте

Словом, и Словесом, Јменом, Днте

Словми, и Словесми, Јменми, Днте

Лишь для нескольких имен существительных, названных «неправильными», Крижанич допустил в качестве нормы нестандартные парадигмы, что было мотивировано характером их бытования в хорватском языке:

«Неправилна јесѹт: Ден, Мати, Дићи, Братја, Господја,
Днте, Дрѹзја, Кнезја, Мужја, Сватја, Око, ѹхо...» (ГИ, 27).

Среди имен существительных мужского рода особый набор формантов допускался для слова «день», но исключался для слова «путь», имевшего особые форманты в «русском» книжном языке:

«Тому пѹти нит... Право реци: Тому пѹта нит (ГИ, 7).

Не право адда се велиг... Всакомъ пъти... Поправи, и реци: Всакомъ пътъ» (ГИ, 10).

Ден: Херватски Дан (ГИ, 27)

Ов Ден , дан	Ови Днî	Двâ Днî
Ов Ден : дан.	О Днî	
О Ден , дневе	Кроз Днî	
Кроз Ден , дан	От Ден , дан	
От Днî , днева	При Днêх , днîх	
При Днî , дневи	Ко Днêм , днêвом	
Къ Днî , дневъ	Со Днêвни , днî	
Со Днêм , днêвом.		ДвијУ Днêвъ
		Двијма Днêвма , днêма

Среди имен существительных женского рода особые реализации допускались только для слов «мати, дци» и исключались для слов типа «любовь, церковь», имевших одинаковые форманты в «русском» книжном языке:

«Билорѹсјани чинеѓ тајмена (любовь, церковь) неправилна... претварат, јако Мати... идѓт правилно по 4 8зоръ: От Лъзеви, При Лъзеви, Ко Лъзеви и по 3 8зоръ От Церкви, При Церквѣ, Ко Церквѣ» (ГИ, 29).

«Мати» (ГИ, 27)

Ова Мати	Овије Матерє , ри	Дви Матери
О Мати	О Матерє , ри	
Кроз Матер	Кроз Матерє , ри	
От Матерє	От Матер , рєъ	
При Матери	При Матерєах	
Ко Матери	Ко Матерем	
Со Матерју	Со Матерми	ДвијУ Матерјъ
		Двијма Матерма

Среди имен существительных среднего рода в изолированные парадигмы Крижанич выделили слова «око, очо», полагая, что они имеют две парадигмы во множественном числе – парадигму среднего рода и женского рода:

«Око, и очо, во вно^{жн}ином числѣ јес^{чт} Нијед^нинскога, и Женскога плѣмѣна: прѣтварај^втсѧ по Пѣтом, и по Четвѣртом вазорѣ.

Ова оча, очеса	Овије очи
От оч, очес	От очев
При очех, очесех	При очех
Ко очом, очесом	Ко очем
Со очми, очесми	Со очми

Особенности строения парадигмы Крижанич отметил у собирательных имен, указывая на объединение формантов единственного и множественного числа среднего и женского рода:

«Братја... во дви^х пѣрвих прѣгнѣвех јес^{чт} вно^{жн}иного числѧ, и нијед^нинскога плѣмѣна. А въ пѣтих послѣдњих прѣгнѣвех, јединичнаго числѧ, и женскога плѣмѣна.

Ова Братја, о Братја, кроз Братју, от Братъи, при Братъи, ко Братъи, со Братјеју» (ГИ, 28).

Формальную недостаточность книжного «русского» языка определяли у существительных мужского рода омонимичные ряды И. ед. (В. для неодуш.) = Р. мн., (т', шипящий и ц-) Р. ед. (В. для одуш.) = В. мн., (т) (И. мн.) В. мн. = Т. мн., у существительных женского рода – (т', шипящий и ц-) И. ед. = Р. ед., И.-В. мн.: «своја правила: неразумно правило → разумно правило».

Формальная недостаточность книжного «русского» языка, по мнению Крижанича, подлежала устраниению только грамматическим способом, поскольку орфографический способ, основанный на дифференциации дублетных букв, воспринимался как результат

влияния греческого языка: «...установила правило, да въ јединичных падежах пишется е да о, а во множинных є да ѿ... и то бѣаше излишна печать. Абовѣм у Греков очевиста јест потреба и причина... различно во јест провлеченje гласа, оно кратко, ово долго» (Об., 12). Исходя из фонетической системы хорватского языка, Крижанич считал актуальным снимать омографию, используя различные надстрочные знаки.

Так, в грамматической позиции Р. мн. стандартной флексией являлась нулевая флексия, что приводило к омонимии И. (В. для неодуш. сущ.) ед. = Р. мн., а нестандартной флексией являлась флексия -ОВ/-ЄВ, позволявшая снимать омонимию. С позиции Крижанича, носителя хорватского языка, представлявшего флексию -ОВ/-ЄВ как стандартную, а нулевую флексию как нестандартную, при употреблении которой менялся характер ударения, именно флексия -ОВ/-ЄВ должна была рассматриваться в качестве нормативной.

Р. мн.: нулевая флексия, -ОВ /'-ЄВ- → -ОВ/-ЄВ

«Јзкерник Вножининъ

Вса јмена пѣрвого и втѣрого прѣгвѣра, липо и прѣвилно се творѣт на ОВ, и на ЄВ кѣ, Рабов... Змијев...

По Хервѣтскѣ ... все идѣт прѣвилно на ОВ, и ЄВ...

А въ јних в ногих јменех, оприч прѣвилнога творенja на ОВ, ЄВ, (које јест обично лѣдем племенитим, и чистије бесиди бригѣщни) по дрѣгом обличују творитсе се прѣгнѣ сподовен јменникъ јединичномъ али тако, да вѣдет въ завлакех разница кѣ Пророк, от пророк...» (ГИ, 13, 14).

Равным образом, в грамматической позиции Т. мн. Крижанич зафиксировал флексию -И (мотивированное хорватским языком неразличение флексий -Ы, -И), порождавшую омонимию И., В. мн. = Т. мн., и флексии -АМИ, -АМИ, снимавшие омонимию. Флексия -АМИ воспринималась Крижаничем как результат влияния польского языка и не рассматривалась как нормативная (см. выше). Поскольку в хорватском языке стандартной являлась фlek-

сия **-МИ**, а нестандартной флексии **-И**, при которой омонимия преодолевалась посредством разницы ударения, для «русского» языка Крижанич также отдал предпочтение флексии **-МИ**.

Т. мн.: **-И, -МИ → МИ**

«**Орұндык ғынағының**

Ового прегінба кончінна ёст **МИ**: со Братми, со Кральми.
Али бім виноеократ спущајетсѧ **М**: ако из којего предложка,
или из юније ричи, будет мош разознат ѿ прегінб, от юменника:
ктъ Зъ двіми брати. За тими Кральи. А будет да въ којем
мистъ не будет разознанја: и тамо ёст триба изреещ **М**: ктъ.
Перстми стиснѣт.

Хервати везді ражи изрікајут **М**: оприч такових мист,
где для сошестја негласниц неможется произгласит **М...** раз-
лично се преминъајут завлаки... Ови пsn. Со пsn...» (ГИ, 15, 16).

Особую формальную сложность книжного «русского» языка представляли пересекавшиеся ряды именных форм, задававшие одновременно *формальную избыточность и формальную недостаточность*.

Так, имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В мн.** представляли формальную избыточность, заключавшуюся в дифференциации флексий в зависимости от конечного элемента основы **-И / -(+шипящий и ц) -А**, и формальную недостаточность, проявлявшуюся в двухуровневой омонимии по падежу и числу: омонимии в твердом варианте склонения **И. мн. -И = В. мн. -Ы**, возникающей для Крижанича как хорвата, и омонимии в мягком варианте склонения **Р. ед. -А (А) = В. мн. -А**. Крижанич предложил заменить книжную флексию **-А** некнижной флексией **-И** в грамматической позиции **В. мн.**, что снимало формальную избыточность и ограничивало формальную недостаточность (ликвидация омонимии **Р. ед. = В. мн.**), однако полное снятие формальной недостаточности (ликвидация омонимии **И. мн. = В. мн.**), удовлетворяющее хорватское языковое видение, было возможно, по мнению Крижанича, только посредством трансляции в данную грамматическую позицию

флексии **-Ы** из хорватского языка. Компромисное ограничение формальной недостаточности посредством введения омонимии **Р. мн.=В. мн.** для одушевленных существительных воспринималось Крижаничем как менее удачное решение, чем формальная трансляция хорватского языка (см. выше раздел о грамматической категории одушевленности // неодушевленности):

В. мн. м.: -Ы /' (+шипящий и ц) -А → -И (-Ы)

«Крознік внохіннинь

Сеъ прегтв по Хервा�тску изходит на Ъ: кроз Брате, кроз Кралье. Ј сице липо се разлвчает крознік от ѡменника. А Рѣђани и Лехи творят крознік внохіннинь на Й: и не могут разлвчит крозніка от ѡменника: и вного крат ьни постајет неудобно разъминје: и по нѣже никогда морајут ѹжнват ѡзкернника въмисто крозніка...

Въ мисто кончінн Ъ, мѣрзко и блѣдно се чтеет въ никонихъ мѣстахъ поставльено ЈА, или А ...» (ГИ, 11, 12).

Равным образом, имена существительные женского рода в грамматических позициях **Р. ед.** и **И.-В. мн.** представляли формальную избыточность, мотивированную фонетическими особенностями основы **-Ы /'** (+шипящий и ц) **-А**, и формальную недостаточность, проявлявшуюся в омонимии по падежу и числу в мягком варианте склонения: омонимии **И. ед. -А = Р. ед., И.-В. мн. -А**. Имена существительные мужского рода, относившиеся к этому же типу склонения, представляли аналогичную формальную сложность в грамматической позиции **В. мн.**: дифференциацию флексий **-Ы /'** (+шипящий) **-А** и порождающую при этом омонимию по падежу и числу **И. ед. -А = В. мн. -А**. Определенное ограничение омонимии происходило у существительных мужского рода с исходом на шипящий за счет флексии **-Ы**, отмеченной Крижаничем как вариант флексии **-А**. Стремясь к однозначности соответствий значения и средства выражения, Крижанич заменил и флексию **-А**, и флексию **-Ы** в обоих вариантах склонения флексией **-И**, позволявшей одновременно снять и формальную избыточность, и формальную недостаточность:

Р. ед., И.-В. мн. ж. -Ы /' (+шипящий и ц) -А → -И

В. мн. м. -Ы /'-А, (+шипящий) -А, -Ы → -И

«Јзкери^ник Јединични^и, Јменник^и, Крозник^и вно^жини^и
Крозник^и вно^жини^и

.... јмена јмајвца Тонкије знаковници.... Јзкери^ник на И...
А јмена јдвајца на Швмије знаковници: се јест, на Жа, Лъа,
Нъа, Ча, ША, Ща, Я, творет Јзкери^ник јединични^и (н Јменник,
да Зовник, вно^жини^и) мъжска на І: а јенска на А. А крозник
вно^жини^и мъжска на Ы, или А: а јенска једино на А...

М^и пак такова пра^{ви}ла нехвалим, зато јеж бесиду
чинит^и двојбен^и, и непразмин^и, и слишит^и мерзк^и. Або гди
јест трима различно чинит^и прегибом окончани^и: тамо иист
разници: речши меж Јменником јединичним, и меж произ-
водними прегибами: који по том правил^и вси једнако изход-
дат на А: кт^и Једна Двша, кроз в ногије Двша.

А сверх тога такова неразличного творења на А, илти
на А, ингдже иист въ общем лъдском говорени^и: разви
лише 8 Лехов јест ничто тому сподобено. Речјани во всије
тије производније прегиби једнако и липо творет на І: ћош
съ тонкими, ћош со швминими негласнициами: и изрикај^ит
добро сице, От Двши....

То завершанје јзкери^ника на А, либо на А, тако јест
мерзко, негодно: да висмо је моралн нарочно въ писм^и замин-
тат, хотја би оно и въ общем говорени^и било уживано.
А сада пак са кълнко паче сподобитс^и заверщ то превратно
изриканје: и чинит^и разлоченје производних прегибов,
от Јменника поколи и въ общем језик^и везди се чинит^и то
разлоченје. Никтож во въ общем бесиде не говорит^и сице,
от светија Богородица: Спаси Господи душа наша. Но сице:
от светија Богородици: и Спаси Господи душа наши...»
(ГИ, 18–19).

Предложенная Юрием Крижаничем нормативная система флексий имен существительных может быть представлена в итоговой таблице:

Падеж	1,2 склонения	5,6 склонения	3 склонение	4 склонение
	типы брать/король	типы ли́то/лице	тип ри́ба	тип ри́ч
Ед. ч.				
И.	Ø	Ø/€	А	Ø
З.	€/У	Ø/€	Ø	Ø
В.	А, Ø	Ø/€	У	Ø
Р.	А	А	И	И
Д.	У	У	ѣ	И
П.	ѣ	ѣ/И	ѣ	И
Т.	Ø(€)И	Ø(€)И	Ø(€)У	У
Мн. ч.				
И.	И	А	И	И
В.	И, €?	А	И	И
Р.	Ø(€)В	Ø	Ø	ЕЬ
Д.	Ø(€)М	Ø(€)М	АМ	ЕМ
П.	ѣХ	ѣХ	АХ	ЕХ
Т.	МИ	МИ	АМИ	МИ

Правила, сформулированные Крижаничем для имен существительных, дополнялись правилами для имен прилагательных.

Формально-семантическая избыточность, мотивированная греческим языком, была представлена, по мнению Крижанича, краткими прилагательными в грамматической позиции 3. ед. м.. Краткие прилагательные, как и имена существительные, реализовали в этой позиции флексию -€, посредством которой звательный падеж противопоставлялся именительному. Крижанич считал нормой па-

дежную нейтрализацию, представленную полными прилагательными в «русском» языке и поддержанную хорватским языком:

3. ед. м. // И. ед. м. → 3. ед. м.= И. ед. м.: -Е → -ИЙ (ИИ)

«Зовник јед. јмен м., н.

Во всијх Прндивнијх јменех зовник јест једнак со јменником. Бадно адда никои из Гречка мъжско плѣме ј нијединиско плѣме творѣт на Е. Чловѣче равнодѣшие. Реци право, Чловѣче равнодѣшинь» (ГИ, 38).

Формы сравнительной и превосходной степени прилагательных в книжном «русском» языке, с точки зрения Крижанича как носителя хорватского языка, демонстрировали некоторую *формальную избыточность*, явившуюся результатом влияния польского языка. Так, форму И. ед. ж. с суффиксом -ЧИШ- и флексией -И Крижанич воспринимал как форму мужского рода, исходя из родовой оппозиции хорватского языка -I // -A, и считал заимствованием из польского языка, противопоставленным исконной «русской» форме с суффиксом -ЧИ- и флексией -И, совпадавшей с формой хорватского языка:

И. ед.: ЧЛШИ → ЄИИ

«Верстални јмена

Лѣхом обична јест Версталнијх јмен кончина на ЙИШИ или на ЧЛШИ. Какот, Најаснѣши, Најмилѣши, Најсвла-тѣши. Али Рѹсјаном, Сѣрбом и Херватом обична, и липља јест кончина ЙИИ или ЄИИ. Какот, Јаснињи, Најаснињи» (ГИ, 152).

Формальная избыточность, обусловленная разным составом флексий в книжном и некнижном вариантах «русского» языка, была представлена в грамматических позициях Р. ед. м. (-АГО, -ОГО/-ЕГО), П. ед. м., с. (-ЧИ, -ОМ), а также Д.-П. ед. ж. (-ЧИ, -ОИ), Р. ед., И.-В. мн. ж., В. мн. м. (-ЧИА, [-ОИ, -ОЙ] -ИЕ). Снятие формальной избыточности осуществлялось Крижаничем посредством устранения книжных формантов, что было продиктовано хорватским языком:

Р. ед. м., с.: -АГО, -ОГО/-ЕГО → -ОГО/-ЕГО

«Јзкерник јед. јмен м., и.

(Јзкерник въ мъжкото и въ ниједнинското племене) твореше по Руското на ОГО во всички имена, а в Лехов всегда на ЕГО, а в преводникове вездни на АГО, а в Херватов при звукните тонки на ОГА, а при шумки на ЕГА. Али ми паче хвалим ОГО. Зато же склад ОГ есть обичен Русянам, Херватам, Сербам, Чехам, а склад АГ никогда въ лъвдех не слизаше и невимо, въ које стране и когда въ предавници викат бил Ужинан..» (ГИ, 38–39).

П. ед. м., с.: -ЕМ, -ОМ → -ОМ

Д.-П. ед. ж.: -ЕИ, -ОИ → -ОЬ (ОИ)

«Придѣвник јед. јмен м.,

Придѣвник, Протидѣвник јед. јмен ж.

Въ Руското, въ Херватското и по просторъ во всем Словиньското језику неизходит сен прегни јако, неж на ОМ. ОЬ, либо на ЕМ, ЕЬ... Јното ова кончина на ЕМ, ЕЬ, є всако есть блудна, мерзка и негодна» (ГИ, 40–41).

Р. ед., И.-В. мн. ж.: -ЫА, -ЫЕ, (-ОЕ, -ОЙ) → ИЕ

«Јзкерник јед. јмен ж., Јменник, Крозник ви. јмен ж.

Женско племе имаєт дѣвнѣ необстојалност въ оконченїје и вного различно се изрикаєт. По Руското на ИЕ, ОЕ, ОЬ... изриканја на А нист тѣт никогда въ лъвдском говореније... Али липше и разумије се видит ЕЈЕ да ИЈЕ» (ГИ, 39–40).

Особую характеристику получила форма И. мн. м. на -ИИ, которая была воспринята Крижаничем как ошибка, требующая коррекции с точки зрения хорватского языка:

И. мн. м.: ИИ → И**«Јменник вн. м.**

Не можемс пак доста начојдит, за чо преводници въ мъжкому сего мѣста окончанъ пишут двоје И, сице Белинки... гдѣ вѣдн въ каковојже Словѣнскаго језника отміне мнеможем узрѣт сѫда нит подобја томъ удвоеномъ словъ И. Въ Рускѹ отміне слышитс сице во удвоенїе да лихъ не вимо, не от преводников ли јест взето се говоренїе, паче не же от народного обичаја» (ГИ, 43).

Система форм имен прилагательных, получивших в результате «селекции» статус нормативных форм, может быть также представлена в итоговой таблице:

Падеж	7, 8 склонения		
	мужской род	средний род	женский род
Ед. ч.			
И.	ИЬ	ОЈЕ/ЕЈЕ	АЈА
З.	ИЬ	ОЈЕ/ЕЈЕ	АЈА
В.	ИЬ	ОЈЕ/ЕЈЕ	УЈУ
Р.	ОГО/ЕГО	ОГО/ЕГО	ИЈЕ
Д.	ОМУ/ЕМУ	ОМУ/ЕМУ	ОЬ/ЕЬ
П.	ОМ	ОМ	ОЬ/ЕЬ
Т.	ИМ	ИМ	ОЛУ/ЕЛУ
Мн. ч.			
И.	И	АЈА	ИЈЕ
В.	ИЈЕ	АЈА	ИЈЕ
Р.	ИХ	ИХ	ИХ
Д.	ИМ	ИМ	ИМ
П.	ИХ	ИХ	ИХ
Т.	ИМИ	ИМИ	ИМИ

Местоимение было определено Крижаничем как часть речи, замещающая имя: «Јменника јест рѣч, која се кладѣт въ место Јмена. какот, ја, ти, он» (ГИ, 63).

Формальная избыточность, обусловленная разным набором флексий в книжном и некнижном «русском» языке, проявлялась в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. ж., В. мн. м. (-О(Е)А, -О(Е)ѣ). Снятие формальной избыточности осуществлялось посредством устранения книжных форм, которые воспринимались Крижаничем как неупотребительные:

Р. ед. ж., И., В. мн. ж., В. мн. м.: -О(Е)А → -О(Е)ѣ
«Јзкѣрник јед. јмен ж., Јменник, Крозник вн. јмен ж.
Крозник вн. јмен м.
Јменники право ндѣт на ЕЈС» (ГИ, 40).

Причастие было представлено Крижаничем как часть речи, грамматически уподобленная имени и глаголу: «Медольенje јест рѣч јмену сподобна, разви что знаменует време садашње, какот, јмајући, ведѹщ, водећи, или промињено, какот, јмал, вел, водил, јман, веден, коджен» (ГИ, 2).

Имя-образующие грамматические категории рода, числа и падежа представляли разный объем реализации в причастных формах книжного и некнижного «русского» языка: в книжном языке данные грамматические категории охватывали всю систему причастных форм, тогда как в некнижном языке вне реализации грамматических категорий рода, числа и падежа оказывались краткие действительные причастия (деепричастия), а вне реализации грамматической категории падежа — краткие страдательные причастия. С точки зрения хорватского языка, в котором функционировали неизменяемые деепричастия, книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую избыточность*, требующую устранения посредством кодификации неизменяемых или несклоняемых кратких действительных причастий и несклоняемых страдательных причастий:

«Медольенja простирајући се, какоти и јмена по всији числех и прегибех. А медольенje неокончано непретварајући се, него въ једној кончиње складајући се зъ јменами, во всији

числех али не во всиx претгивех, но въ једином именнику. Садашње. Јмаја или јмајвши или јмајвши. Проминиено. Јмав, и јмавши. Про. терпилно. Бив или бивши јман. Пришестно. Јмаја јмат» (ГИ, 80).

Глаголо-образующая грамматическая категория времени реализовалась во всей системе полных причастий «русского» языка, тогда как в хорватском языке не употреблялись формы страдательного причастия настоящего времени. С позиции хорватского языка «русский» язык представлял избыточность, источник которой Крижанич видел во влиянии греческого языка, указывая на тождественность образования причастных форм страдательного залога настоящего времени от основ настоящего времени (от форм 1 л. мн.):

«У Греков Терпилно медольенje, Садашњего вримена творите от первије особи вложиннога числа... А бодвич јеже У Греков јест прелншно вноѓо Ужнваније медольенја: зато с'ут преводники издумали У нас таковоје терпилно. Садашњего вримена медольенје: и от тојеж первије вложиније особи. Мн лъУбим, творет нову и никдик въ лъУдех неслышану рич, лъУбим, лъУбима, лъУбимо» (ГИ, 102).

Формальная избыточность в книжном «русском» языке была представлена у полных действительных причастий в грамматической позиции И. ед. м.: нестандартная флексия -АИ также была мотивирована, по мнению Крижанича, влиянием греческого языка:

«Сказно и мерзко Греки, наши преводники, кончину щ претварјајути на ЈАЈ и на ИЬ» (ГИ, 101).

Глагол определялся Крижаничем как часть речи, обладающая грамматическими категориями:

наклонения (изъявительное наклонение // повелительное наклонение // сослагательное наклонение // неопределенное наклонение: «Начини ричин јес'т четирин. Повидалинь,

којим што повидам... Заповидални, којим заповидам и просим... Придивалинъ се придивајет ко спојенју... Неокончанинъ, који нимајет окончаније особи, нит числа...»),

времени (настоящее время // прошедшее время: аорист / имперфект / перфект / плюсквамперфект // будущее время: будущее первое / будущее второе: «Вримен ричининъ јест шест. Садашње, Проминьено Кратко, Проминьено Долго, Проминьено Совершено, Пром. Пресоверше. Пришестно»),

лица: (первое лицо // второе лицо // третье лицо: «Особи јесут три. Перва, Втора, Трећа»):

Ричина јест рић, која се претварајет по трих особах и по разних врименех, какот, јмају, јмајеш, јмајет, јмајем, јмајете, јмајујт, јмат ћошу» (ГИ, 2–3).

С точки зрения Крижанича, как носителя хорватского языка, категории времени и лица в книжном «русском» языке не требовали исправления, «несовершенство» являл только некнижный язык.

Грамматическая категория времени задавала дистанцию между книжным и некнижным языком по составу членов грамматической оппозиции: системе форм прошедшего времени книжного языка была противопоставлена л-форма некнижного языка. С позиции хорватского языка, в котором была представлена развернутая система временных форм, книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую норму*, а некнижный «русский» язык *формально-семантическую недостаточность*.

Грамматическая категория лица демонстрировала в книжном и некнижном «русском» языке разный объем реализации: в книжном языке грамматическая категория лица была представлена во всей системе форм, тогда как в некнижном языке вне действия этой грамматической категории оказывались формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного наклонения. С точки зрения хорватского языка, реализовавшего грамматическую категорию лица во всей системе глагольных форм, «русский» книжный язык являл *формально-семантическую норму*, тогда как некнижный язык демонстрировал *формально-семантическую недостаточность*:

— изъявительное наклонение, прошедшее время:

«Тож опъшищанје речини ЈЕСЕМ, и въ ѡвщем Рѣском језику негожъ чинит венидъ, або въ мисто ньеје везді непотривно изрикајути именники, ја, ти, он» (ГИ, 161),

— сослагательное наклонение:

«Рѣсјани везді велет БИ, кт, Ја ви јмал, Ти ви јмал, Он ви јмал, Мн ви јмали, Вн ви јмали, Онн ви јмали.

А Хервати въ пѣрвих особах непреминно велет БИХ и БИСМО, а въ осталних изрикајути двојако, Вн висте јмали, или Вн ви јмали, Онн ви њу јмали или Онн ви јмали» (ГИ, 78).

Представляя формально-семантическую норму, книжный «русский» язык не выдерживал, по мнению Крижанича, формальной нормы: *формальное «несовершенство» проявлялось в наличии неупотребительных форм, имевших заимствованный или исконный характер.*

Влияние польского языка на книжный «русский» язык Крижанич отметил в системе форм сослагательного наклонения:

сослагательное наклонение: БЫЛ (БИМ)... → БЫХ (БИХ)

«Придивални начин.

Лѣщница же, БИМ, БИ ЕСИ, за БИХ, БИ» (ГИ, 151).

Исторически не мотивированным влиянием немецкого языка Крижанич объяснял аналитические формы будущего времени изъявительного наклонения, представленные в «русском» языке, и предлагал формы, поддержанные хорватским языком:

Изъявительное наклонение: буду + инфинитив → буду + л-форма

«Повидални начин. Пришестно дрѹго.

Будем јмат и остално ово бо јест сказа, взета из Нимѣчкаго језинка. Но речи, ја буду јмал» (ГИ, 77).

В книжном «русском» языке Крижанич отметил в качестве неупотребительных глагольные формы на -ДА-, формы аориста 3 л. ед. на -Т, формы настоящего времени 2 лица на -ШИ:

— «...немао сказних речи, које нису гдје нигдје вељадећи слишани били. А никоњих и вељачких преводећи нит увидити. А никоје јесу т сказно утворени по образу на лешким отмени. Кајко чуш јесу т ови речи,

Творјаах, Творјаати, Творјаал, Творјааъ, Творјаавни,
Творјаан.

Сицево творење и гласници а удвојење нигдје нит слишано, ни члено» (ГИ, 103),

— «Повидалинъ начин. Проминьено кратко

Сего времена третја особа вездје јест једнака со второј. Благодно адда никоњи пишут, јат, вјат, отјат, пријат.

А без образа на Лехов, Билоручјани по својем умислу благодно завершају на Т третју осову проминьенога краткого времена» (ГИ, 153),

— «Повидалинъ начин. Садашње време

Вторих особ окончанје на ШИ, Јмајеши, Ведеши, Водиши, нит Руско, ни Хрватско, ни Србско: но вељави предавници викеје јест било ве никој стране во Уживању. А сада јест необично и мерзко слишит. Ј моражем је почитати ве старје, необичније и заврженје речи» (ГИ, 149).

Отметив формальное «несовершенство» книжного «русского» языка и формально-семантическое «несовершенство» некнижного «русского» языка, Крижанич посчитал возможным продемонстрировать систему глагольных форм хорватского языка, отличавшуюся, по его мнению, генетической «чистотой» и структурной «прозрачностью»:

— изъявительное наклонение: настоящее время — прошедшее время (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект) — будущее время:

«Повидалинъ начин. Садашње време: Јмам, Јмаш, Јма, Јмамо, Јмате, Јмају. Проминьено Кратко време: Јмах, Јма,

Јмá, Јмáсмо, Јмáстé, Јмáшe. Промíньено Дóлго Врíме: Јмáхи, Јмáшe, Јмáшe, Јмáхом, Јмáхомо, Јмáхоте, Јмáхъ. Промíньено Совершено Врíме: Јмáл сem, Јмáл си, Јмáл јe, Јмáл смо, Јмáл стe, Јмáл сv. Промíньено пресовершено Врíме: Једнократним ричинам властито: Бјáхи, Бјáше, Бјáше Дáл, Бјáхом, Бјáхоте, Бјáхъ Дáли. Пришестно Перво: Јмáт хóщъ, Јмáт хóщеш, Јмáт хóщем, Јмáт хóщете, Јмáт хóтет. Пришестно Дръг: Бвáдъ, бвáдеш, бвáдет Јмáл, Бвáдем, Бвáдети ѡмáли»,

— повелительное наклонение:

«Заповидáлии начин. Јмáй тh, Јмáй он, Јмáјмо, Јмáјте ви, Јмáјте они»,

— сослагательное наклонение: настоящее время, прошедшее время, будущее время

«Придивалии начин. Садашниe Врíме: Јмáл виx, Јмáл ви, Јмáл ви, Јмáли висмо, висте, виxъ.

Промíньено Врíме: Бил виx ѡмáл, Бил ви ѡмáл, Бил висмо, висте, виxъ ѡмáли.

Пришестно Врíме: Когда бвáдъ ѡмáл, Когда бвáдем ѡмáли», — «неопределенное» наклонение: настоящее время, прошедшее время, будущее время

«Неокончаний начин. Садашниe Врíме: Јмáти.

Промíньено Врíме: Јмáвши бйт.

Пришестно Врíме: Јмáт ѡмáт» (ГИ, 75–79).

Однако Крижанич не рассматривал хорватские формы как нормативный элемент книжного «русского» языка, утверждая, что «негодитse писателjу сандит Херватскогo окончанja (бвáдъц оно далеко отмнно от Руского доброго) но ӯживаt јест Руского обичногo окончанja: ако не бвáдет сказно» (ГИ, 147).

Крижанич лишь последовательно проводил критику «русского» языка в контексте межъязыковых сопоставлений, контрастно демон-

стрируя «порчу» «русского» языка реальным влиянием польского языка и «разумность» возможного влияния хорватского языка.

Синтаксические изыскания Крижанича отражали традиционное атомистическое понимание предложения как «сочинения» «восьми частей речи». Смысловые отношения, выраженные предложением, были заключены в отдельных формах слов, а единственной проблемой синтаксиса являлась проблема «согласованности» частей речи, т. е. сочетаемости их соответственно их значению. Классификация частей речи, объединявшая лексические и морфологические признаки, была основой синтаксиса, поскольку слово не имело иной функции, кроме выражения своей «семантической энергии», распределенной между корнями и аффиксами.

Поскольку книжный «русский» язык возник как «преводнический», т. е. в результате перевода греческих богослужебных книг, основную причину его «непригодности» к «разумному» использованию Крижанич видел в грецизации синтаксиса: «Греки... все состав и обличје нашега језика по обзору на свој језик изо дна нзвратили и претворили» (ГИ, IV). Устраняя «обездвижество по обзору на греческий језик», Крижанич в первую очередь проводил замены синтаксических грецизмов:

— конструкции с родительным приименным

По мнению Крижанича, особенностью греческого и латинского «сочинения» имен существительных являлось расширенное, по сравнению со славянскими языками, употребление родительного приименного. В славянских языках родительный приименный соотносился с притяжательным или относительным прилагательным, а также с дательным приименным, допускался же только при наличии нескольких определений к одному определяемому или при наличии зависимых слов при определяемом. Калькирование греческих и латинских конструкций, с одной стороны, изменяло характер и принципы дифференциации средств выражения притяжательного значения в книжном «русском» языке, а с другой стороны, влияло на норму глагольного управления:

«**8 Греков, и 8 Латинцев, когда коли дви јмена обстојна (разнитије веши знаменја) въ вешиде стојет без Спојења, једно из ныих стојит во Јзкерникъ. А 8 нас въ мисто Јзкерника стојит јме придивно Владално или Пристојално.**

Страх Господа → Страх Господень.

А коли пак при другом обстојном вјдет које Придивно, илнти друго обстојно по извјеже морајет стојат во Јзкерникъ.

Зло пак: Тво јест син Божји, спасајућаго род човеческии. Реци, Он јест син Бога спасајућего род чага.

А нико изглашајем во Противникъ.

Господи Владико животъ мојемъ» (ГИ, 174).

— конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.

В греческом и латинском языках «сочинение» имен прилагательных, местоимений и причастий совпадало при их субстантивации. В славянских языках, по мнению Крижанича, субстантивированным прилагательным, местоимениям и причастиям функционально соответствовали имена существительные со значением носителя признака и словосочетания имен существительных и прилагательных. Для выражения обобщенно-субстантивированного значения в греческом и латинском языках использовалась форма **И.-В. ср. мн.** субстантивированных прилагательных, местоимений и причастий. Явленные в книжном «русском» языке кальки данной конструкции, должны были, по мнению Крижанича, заменяться конструкциями с субстантивированными прилагательными, местоимениями и причастиями в форме **И.-В. ср. ед.**, либо конструкциями с именами существительными со значением абстрактного признака, либо конструкциями со словосочетаниями, компонентами которых являлись имена существительные и прилагательные:

«**8 Греков, и 8 Латинцев, всако јме придивно, может стојат въ мисто обстојнога... А ључи инишћ праведен, неже богат ложив.**

Али је нас негодитсе тако говорит, но ми придивна жнвашци особјема претварјаме въ обстојна на ЕЦ или на НИК... Аучи јест Ништец праведен, неже богатец ложив.

А въ никаких мистех, гдје Греков стойит придивно једино, ми липле придиивајем къ ньемъ обстојно... Аучи јест чловик никакъ, и праведен, неже богат а ложив.

А во вложинном числу Греки и Латинци кладут придивна Нијединска (держеша обстојни обличје) и приразуми-вајут Прагмата, Брга, Вещи, Дела или Ствари.

Бог возмагајет всаческа. Речи, Бог возмагајет все или всачинъ или всакије вещи» (ГИ, 156—157),

«А во вложинном числу је Греков вного крат стойит, а је нас ни отньудже нестанет придивно јме въ Обстојното место.

Что адда Греки велет и Латинци не реци ти, вся чловическа сът съјетна, нити всяческа сът съјетна. Него реци, все чловичско битје јест съјетно, всакије чловическије веши јесът съјетни» (ГИ, 173).

— конструкции с притяжательными и возвратными местоимениями

В соответствии с синтаксисом греческого языка книжный «русский» язык демонстрировал дифференциацию притяжательных местоимений по лицу, ограничивая употребление местоимения «свой» грамматической позицией 3 лица. Устранение синтаксического грецизма проявилось в снятии функционального ограничения:

«Въ место Себъ, кладут Мъ, Твъ...

пс. 6: постель је моја омочја. Речи, постель је своја обмочја» (ГИ, 161).

Влиянием греческого синтаксиса объяснялось контактное положение местоимения **СА**, которое, по мнению Крижанича, должно было замениться на дистантное:

«Ричица СЕ преносет из ньје места. Јзповѣмса ти. Речи, Јзповѣм ти се» (ГИ, 162).

— конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже

Особенностью греческого синтаксиса, отразившейся и в книжном «русском» языке, являлось употребление придаточных конструкций с относительными местоимениями, согласованными по роду, числу и падежу с тем словом главного предложения, к которому они относились. По утверждению Крижанича, синтаксическая норма славянских языков, совпадающая с нормой латинского языка, требовала падежа местоимений, определенного моделью управления глагола-сказуемого придаточного предложения:

«А γέρειον и въ прегнебех заносно јме всегда се згаджаетъ съ прошестнім. А γέρειоν и въ латынцев токмо въ числѣ, и въ плѣменѣ, съ прошестнім јменом, а въ прегнебъ съ посланіемъ је ричинојъ моражетъ битъ сгодно.

Повелѣніемъ, имже заповѣда → Повелѣніемъ, јеже заповѣда» (ГИ, 173).

— конструкции с причастиями в полупредикативной и предикативной функциях

Синтаксис причастий в книжном «русском» языке подвергся особенно сильному греческому влиянию, что обусловило маркированную роль причастий как грамматического показателя книжности.

По мнению Крижанича, конструкции с причастиями в полупредикативной и предикативной функциях следовало заменить глагольно-личными конструкциями. Особое внимание Крижанич уделил конструкции «дательный самостоятельный», калькировавшей «родительный самостоятельный» греческого языка. Выстраивая аналогию с синтаксисом латинского языка, Крижанич считал необходимым заменить в «русском» языке конструкцию «дательный самостоятельный» на придаточные глагольно-личные конструкции с обстоятельственным значением:

«Греки на избит госто уживају Медолене и мало да не всака четврта реч у њих јест Медолене. Потомож и наши предки во влогих, хоћи непристојних мистех кладују Медолене.

Перво, въ место јменини јже или Кнь.

Нист въ смрти, помнијају тебе. → Нист того въ смрти, иже би те поминал.

Второ, кладују Медолене въ место Ричини.

Всяк иже просјај пријемлет, и иже ищај обрјашет. → Всаки, иже просит, пријемљет, и иже ишашет обртадјет» (ГИ, 163–164),

«Что Греки велет, то наши переводники переводят на Противинъ прегиб. Јдущъ јемъ. Зато јеже Гречки Јзкерник, и наш Противник, ободва једнако изходит на у. Алипак сице переводит, нист переводит, но приврашат језик. Такова во говорења никдига нист въ обичају въ нашем језику...

Латинци такова места переводят различно. Нигда на прост Ординик никдга на ричицъ Когда.

Потомож адда и ми моражем такова места различно переводит, како се гдји гожије бит покажет. Се јест на Ординик прост, на Когда, на За, на При, и на Бодуц и, Бинши, или на јно Медолене» (ГИ, 179).

— инфинитивные конструкции

Наиболее последовательно, по мнению Крижанича, синтаксическая зависимость книжного «русского» языка от греческого языка проявилась в использовании инфинитивных конструкций. Так, частотной инфинитивной конструкцией являлся «винительный с инфинитивом»: действие, являвшееся предметом речи или восприятия, выражалось инфинитивом, а его субъект был выражен именем в винительном падеже:

«Неокончала ричина (у Греков и у Латинцев) имает пред собоју Крозник. Али сицеово говорење нист нам обично, него ми ладније велим.

Радујсе, тебе бит здрава. → Радујсе, јеже ти јеси здрав» (ГИ, 175–176).

Средством выражения целевых значений в греческом языке являлась инфинитивная конструкция, в которой к инфинитиву прибавлялся артикль в среднем роде. В книжном «русском» языке эта конструкция передавалась оборотом «**еже+инфинитив**», где союз «**еже**» выступал в соответствии с греческим артиклем. В латинском языке средством выражения целевых значений выступали герундий и супин. По мнению Крижанича, конструкция «**еже+инфинитив**» должна была заменяться на независимый инфинитив, имена существительные со значением абстрактного действия или на глагольно-личные конструкции «**ДА+конъюнктив**» или «**ДА+индикатив**», при этом последняя конструкция поддерживалась хорватским языком:

«...когда се знаменјает причина, даљаради које се что чинит, Греки кладјут Неокончалник прост, съ привержком тв' (того). Нам пак въ сицевих мистех право стояйт или Неокончалник прост, без привержка јли спојенje да.

Придоша, еже слышати слово Божје. → Придоше слышат слово Божје. Придоše, да виχ слышали Божје слово» (ГИ, 159),

«Греки уживајућт Неокончалника со всакими предложки, по всиχ преѓибех, будто јмена Ричинного. А Латинци въ та-кових мистех уживајућт своих Гервнди и Супин, нам и Греком незнаних.

А ми уживајем ричининих јмен, јдуших на ИЈЕ или ТЈЕ. А переводники наши переводят рич на рич, недадно и нестерпно, и кладјут Неокончалник съ Предложки и съ Привержком Јеже.

Бже лгати неест моє. → Логати или Логанје ниест мόь нарав.

От еже спати. Рецн, От спанја» (ГИ, 183).

— конструкции с одинарным отрицанием

Синтаксическим грецизмом Крижанич считал мононегативную конструкцию и полагал необходимым заменить ее на полинегативную:

«Отрицаје ИБ опуштајућт и из места преносет.

Ничтоже ме лишишт. → Ничтоже ме нелишишт» (ГИ, 160).

§2. Книжная справа Юрия Крижанича: библейские тексты на правильном и понятном литературном языке

Осуществленное Юрием Крижаничем «граматично радије» было направлено на его активную реализацию в библейских текстах, книжный язык которых был далек от совершенства:

«До сих во времён во свётом божјем писмъ и всяких преводех наших въ никоных мистех вного јест ричеъ, а мало разумма» (ГИ, V).

Культурно-языковое разрешение на исправление библейских книг для достижения их адекватного понимания Крижанич, как и подобало иезуитскому миссионеру, подтверждал ссылкой на языковтворческую деятельность Блаженного Иеронима, осуществлявшего перевод Библии на латынь:

«Граматично радије... бйт потривно... како блаженни Јероним велит: Несподобните возгордјат малих вещеъ, без коњих велики обстојат немогућт» (ГИ, V).

С именем Блаженного Иеронима была связана и установка на понятность как основу адекватного библейского перевода: «Я могу перевести только то, что я прежде понял».

Стремление непосредственно скординировать систему кодифицированных форм и императивные конфессиональные тексты обусловило своеобразную «справу» псалмов, инкорпорированных в правила-комментарии, представленные в грамматике Крижанича.

В результате проведенной Крижаничем книжной справы, как и в результате собственно «грамматической работы», элиминации подверглись языковые элементы, рассматриваемые Крижаничем как «чужие», т. е. как грецизмы или полонизмы, и как «свои», но нарушавшие «общую» грамматическую семантику, а также порождавшие синонимию или омонимию.

Формально-семантическая избыточность в библейских текстах определялась, по мнению Крижанича, прежде всего формами двойственного числа, маркировавшими книжную реализацию грамматической категории числа. Демонстрируя необходимость снятия данной избыточности, Крижанич осуществил правку на материале имен су-

ществительных со значением парности, составляющих мотивационную базу двойственного числа:

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
ГК числа: формы дв. числа	ГК числа: формы мн. числа
пс. 7:4 «Въ рѣкѣ моїхъ»	«Въ рѣкахъ моихъ»
пс. 23:4 «Не повиненъ рѣкамъ»	«Не повиненъ рѣками»
пс. 21:10 «Отъ сосѣдъ матеря моемъ»	«Отъ сосѣвъ матеря моемъ» (ГИ, 123)

Подтверждение правильности замены форм двойственного числа формами множественного числа Крижанич нашел в самих библейских текстах на «русском» языке:

«Въ рѣкахъ вражынъ. пс. 30. Подвижатися ногамъ моимъ.
пс. 37. Воздихомъ рѣки. пс. 43. Дѣла рѣкъ твоихъ. пс. 137» (ГИ, 123).

Кроме того, Крижанич отметил и исправил случаи *формально-семантической дефектности* в реализации грамматической категории числа, которая проявилась в неверном употреблении ряда книжных слов, явившихся либо словами *singularia tantum*, либо словами *pluralia tantum*:

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
ГК числа: формы мн. числа	ГК числа: формы ед. числа (<i>singularia tantum</i>)
Пс. 118:120 «Прігвозді плоти мої»	«Прігвозді пôлт мої»
Пс. 49:13 «Еда јамъ мъса јвнча»	«Једали хощу ѿисти говеджје месо»
Пс. 64:1 «Умножи житा єја»	«Умножи жито јеје»
Пс. 21:19 «Меташа жрењја»	«Меташа жрењје» (ГИ, 155)

Формально-семантические нарушения в библейских текстах давала и грамматическая категория одушевленности // неодушевленности: Крижанич исправил формы, демонстрировавшие отсутствие реализации данной категории:

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 77:51 «поразí всíак первенец»	«поразíл јест всáкого первенца»
пс. 105:19 «сotворíша телéц»	«сotворíша телца»
пс. 28:5 «јзтнít ia тако телéц»	«јзтнít је тако телца» (ГИ, 7)

Формальная избыточность, представленная в библейских текстах у имен существительных, была обусловлена употреблением наряду со стандартными нестандартных языковых элементов. Наибольшую формальную избыточность демонстрировали имена существительные мужского рода в грамматических позициях Р. ед. и И. мн. Так, в грамматической позиции Р. ед. имена существительные обладали стандартной флекссией -А, нестандартной флекссией -Е, имевшей словообразовательную мотивацию (имена с суффиксом -ЕН-), лексически прикрепленной нестандартной флекссией -И (слово «путь»), а также нестандартной флекссией -У, которую Крижанич рассматривал как полонизм. В грамматической позиции И. мн. помимо стандартной флексии -И имена существительные реализовали нестандартные флексии, имевшие словообразовательную или лексическую мотивацию: -Е (имена с суффиксами -ТЕЛ-, -АНН-), -ОВЕ/-ЕВЕ (имена с односложной основой), -ИЕ (имена с собирательным значением). Руководствуясь установкой на снятие формальной избыточности, Крижанич исправил все нестандартные флексии на стандартные:

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
Р. ед. м.:	
-ѧ // -ѧ, -и, -ꙗ	-ѧ
пс. 18:11 «Паче камене честна»	«Паче драга камена»
пс. 113:1 «домъ Иаковлѧ»	«дома Яковлья» (ГИ, 7)
И. мн. м.:	
-и // -и, -и, -иже/ -иже	-и
пс. 103:11 «звѣрѣ»	«звѣри»
пс. 26:12 «свидѣле»	«свидѣтель»
пс. 4:4 «Синовѣ»	«Сини»
пс. 148:7 «змѣјевѣ»	«змѣйин»
пс. 87:11 «Врачевѣ»	«Врачн» (ГИ, 10)

Формальную избыточность, мотивированную разным набором флексий в книжном и некнижном вариантах «русского» языка, демонстрировали в библейских текстах имена прилагательные. Снятие данной формальной избыточности осуществлялось Крижаничем посредством замены неупотребительных книжных форм употребительными некнижными формами:

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
П. ед. м., ж.:	
-ѧм	-ѹм
-ѧи	-ѹи
пс. 32:2 «Во псалтире десятострѣніем»	«Во псалтире десятострѹнном»
пс. 62:1 «Въ пустыни Іудеистѣй»	«Въ пустынѣ Іудеїсковъ»

Особое внимание Юрий Крижанич уделял снятию *формальной недостаточности*, затмевавшей смысл библейского текста. Зону максимальной формальной недостаточности образовывали имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** и имена существительные женского рода в грамматических позициях **Р. ед., И.-В. мн.**

Имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** представляли формальную недостаточность, проявлявшуюся в двухуровневой омонимии по числу и падежу: омонимии в твердом варианте склонения **И. мн. -И = В. мн. -Ы**, возникающей для Крижанича как хорвата, и омонимии в мягком варианте склонения **Р. (В. для одуш.) ед. -А, -Л = В. мн. -А**. Устранение флексии **-А** в грамматической позиции **В. мн.** лишь ограничивало формальную недостаточность (ликвидация омонимии **Р. ед. = В. мн.**), однако полное снятие формальной недостаточности (ликвидация омонимии **И. мн. = В. мн.**), удовлетворяющее хорватское языковое видение, было возможно, по мнению Крижанича, только посредством трансляции в данную грамматическую позицию флексии **-Е** из хорватского языка.

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
В. мн. м: ' (+шипящий и ц)	
-А	-И
пс. 50:21 «возложат на олтарь твоя телца»	«возложет на олтарь твой телци [телце]»
пс. 67:15 «егда разнствит небесинъ царя»	«когда разлъчает небесинъ царя [царе]»
пс. 149:8 «Связати царя виах погти»	«Свѣзат царя виах [царе виах] погти»
пс. 117:9 «Уповати на кнѧзя»	«надијатсе на кнези [на кнезе]»
пс. 18:8 «Умудрять младенца»	«Јже умудрајет младињци [младињце]» (ГИ, 12)

Свообразное разрешение на употребление флексии -**Е** давали приведенные Крижаничем единичные примеры, взятые из библейских текстов на «русском» языке, демонстрировавшие нестандартную флексию -**Е**, маркировавшую в книжном языке существительные определенной словообразовательной структуры (имена с суффиксом -анн-):

«*Ј въ царских књигах 4, въ главе 18, чте сице: Ј изведе цар Аспирјески Самарјане въ аспирје. Ј сице липо се разлъчјает крозник от јменник*» (ГИ, 111).

Равным образом, имена существительные женского рода в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. представляли формальную недостаточность, проявлявшуюся в омонимии по числу и падежу в мягком варианте склонения: омонимия И. ед. -**А** = Р. ед., И.-В. мн. -**А**: Крижанич заменил книжную флексию -**А** некнижной флексией -**И**, бесспорно снимавшей омонимию:

Исходный билейский текст	Книжная справа Крижанича
Р. ед., И.-В. мн. ж.:	
- А	- И
пс. 19:7 « <i>Спасенне десница ёго</i> »	« <i>Спасенје десница јего</i> »
пс. 10:6 « <i>Част чаша их</i> »	« <i>Част чашн ьих</i> »
пс. 59:11 « <i>До Јдымеја</i> »	« <i>До Јдымења</i> »
пс. 129:5 « <i>От стражака ѹтренња</i> »	« <i>От стражни јутренње</i> »
пс. 106:16 « <i>Верја железнија сломи</i> »	« <i>Верји желизнија сломи</i> »
пс. 18:8 « <i>Обращаја душа</i> »	« <i>Обращајущ души</i> »
пс. 17:15 « <i>Молнија ѹмножи</i> »	« <i>Молнији ѹмножи</i> » (ГИ, 20)

Возможность замены неупотребительных форм, порождающих омонимию, употребительными формами, снимающими омонимию, подтверждалась примерами из библейских текстов на «русском» языке:

«А въ јних мѣстѣх правије стоянѣ, Поразившемъ цары вѣлија пс. 135, Јзбѣ цары крипки пс. 134, Сохраних пѣтн жестоки пс. 16, Ј разбивајет младенци твоја, ћв камен пс. 136... Сице во таможисто на јних мѣстѣх стоянѣ доброписано: Ј чаша моја, пс. 15. От плода пшеници, пс. 4, До душа моја пс. 68» (ГИ, 19).

Книжная справа, «встроенная» Крижаничем в грамматику, позволила достичь большего формального порядка на синтаксическом уровне, являвшемся традиционно периферией грамматик. Объектом исправлений выступали маркированные синтаксические конструкции, поддержанные в книжном «русском» языке греческим языком:

- конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. → конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкции с существительными

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 8:7 «Всѧ покорил еси под нозѣ єго»	«Все јеси упокорил под јего ноги»
пс. 4:7 «Кто јавит нам блага»	«Кто нам јавит благо [добро]» (ГИ, 157, 173)

- конструкции с дифференцированными притяжательными местоимениями → конструкции с недифференцированными притяжательными местоимениями

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 31:15 «Јзповѣм на мя беззаконје моє»	«Јсповѣмъ на се беззаконје своје»
пс. 6:7 «постель ј моја омочја»	«постель ј своја омочја» (ГИ, 161)

— конструкции с контактным положением местоимения **СА** → конструкции с дистантным положением местоимения **СА**

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 29:13 « Јзповѣмсѧ ти »	« Јзповѣм ти се »
пс. 39:6 « кто Уподобитсѧ ти »	« кто ти се Уподобит »
пс. 2:12 « да нѣкогда прогнѣваетса »	« да се не прогнѣвајет »
пс. 6, 34, 39, 82, 128 « да пости- датса »	« да се постидѣт » (ГИ, 162)

— конструкции с относительными местоимениями с полным согласованием → конструкции с относительными местоимениями с неполным согласованием

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 7:7 « Повелѣњем : иже заповѣда »	« Повелѣњем : јеже заповѣда »
пс. 77:11 « Забѣша чудес его : иже јави им »	« Чудес : јаже ьим јест јавил »
пс. 88:50 « Гдѣ сѹт мѣлости твоја дрѣвнија, јаже клѣсл дад во јстинѣ твоєй »	« Гдѣ сѹт мѣлости твоје дрѣвније ьим же клѣсле јеси дад во јстинѣ своје »
пс. 88:51 « Помані поношеноје раб твоих : єже поносиш врази »	« Спомені на споношеноје рабов своих : ьим же споносиш врази твои » (ГИ, 173)

§2. Книжная справа Юрия Крижанича...

— причастные конструкции → глагольно-личные конструкции

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 6:6 «Нѣст въ смерти, помниѧль тѣбѣ»	«Нѣст того въ смерти, иже бы те помнинал»
пс. 7:11 «От Бога спасающаго правиля сердцем»	«От Бога, иже спасаєт правилю сердцем»
пс. 2:4 «Живѣ на небесах постыдѣт сѧ им»	«Же живѣт на небесах, постыдѣтъ им сѧ»
пс. 2:10 «накажитеся вси судящини земли»	«наждите сѧ вси, иже сѹдите землю»
пс. 5:12 «Ј похвалат сѧ вси лъгавщиши јма твоје»	«Ј похвалет сѧ вси, иже лъгавятъ јме твоје»
пс. 14:2 «ходя без порока, и делаја прауды»	«Же ходитъ без порока, и делаетъ правды»
пс. 14:5 «творѧ сїја неподвижитса»	«Же сїја творитъ, неподвижитсѧ»
пс. 54:20 «Услышит Бог, синь прежде ви-вѣк»	«Услышит Бог, иже јестъ прежде ви-вѣк» (ГИ, 163–164).

— конструкция «еже+инффинитив», конструкция «внегда + инфинитив»
→ глагольно-личные конструкции

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 33:17 «Лицे господнѣ на творишила злата: еже потребиши от земли памятъихъ»	«Лицѣ пак господнѣ на творишила злѣ, да потребиши от земли памятъихъ»
пс. 25:7 «Онѣдѣ олтаръ твой господи, услышати ми глас хвали твой»	«Да услышъ глас»
пс. 30:3 «Буди ми въ Бога защищитель спасти мя»	«Да ме спасеш»
пс. 66:3 «Боже помилъ мн, познати на земли путь твой»	«Да познаdem на земли путь твой»
пс. 61:10 «Лживи синове человечестви въ тѣрнѣх, онеправдити себѣ от суети въ купѣ»	«Ложъиви сини человѣчски во всѣхъ, да прелестѣт от суети все въ днѣ»
пс. 9:4 «внегда возвратити сѧ врагъ моемъ взплат»	«когда се возвратит врагъ мой воз-пѣт» (ГИ, 182–184)

- конструкции с одинарным отрицанием → конструкции с двойным отрицанием

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 22:1 «ннчтоже мє лишнїт»	«нічтоже мє нелїшнїт»
пс. 33:21 «ннедіна от нынїх сокрѹшнїтса»	«ннїедіна от нынїх несокрѹшнїтсе»
пс. 88:23 «Нічесо же Успієт»	«Нічесо же неУспієт»
пс. 90:12 «да нїкогда преткнєши о камен ногн твоёа»	«да нїкогдаже непотакнешій об камен ногн своїе» (ГИ, 160)

* * *

Проведенное исследование позволило заключить, что предметом рефлексии Крижанича был церковнославянский язык (русского извода) — «Рѹсны Књижнъ језик», который он исправлял с целью поддержания *правильности и понятности*. Лингвистическая рефлексия Крижанича, маркирующая лингвистическую рефлексию «латинославянского» мира, носила *формально-семантический, конвергентный, корректирующий* характер и реализовалась в «*зоне грамматических категорий и средств выражения*»: *правильность и понятность* книжного «русского» языка достигались посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков. Идея формально-семантической самодостаточности книжного «русского» языка мотивировала снятие формально-семантической гречизаций. Полученные результаты позволяют отказаться от традиционного мнения, согласно которому Крижанич «создал искусственный общеславянский язык», а его грамматика была «грамматикой придуманного языка» [Мечковская 1984, 48].

ГЛАВА 4

«Общий» славянский литературный язык в секулярной культуре: проблема понятности языка

§1. «Узајемні правопіс славјанскі то је: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» Матии Маяра 1865 г.: модель нового «общего» понятного славянского литературного языка, сравнительная характеристика славянских языков

Мотивированная концепцией этнического универсализма лингвистическая рефлексия, направленная на функциональное переосмысление одного из славянских языков и/или на искусственное создание нового «общего» славянского литературного языка, реализовалась в императивных текстах и в экспериментальных грамматических сочинениях.

Этнически мотивированная лингвистическая рефлексия, актуализировавшая идею искусственного создания нового «общего» славянского литературного языка, понятного всем славянам, получила наиболее последовательное выражение в грамматическом труде словенского священника и ученого Матии Маяра «Узајемні правопіс славјанскі то је: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» (далее – УП), в котором была предложена модель «взаимнославянского» языка.

В напряженной культурно-политической ситуации XIX века концепция «всеславянства» являлась одной из форм борьбы за национальные права славян, за эмансиацию славянских народов, в первую очередь, в границах империи Габсбургов. В данном политическом контексте Матия Маяр утверждал, что «сам Бог установил так, что все наши племена составляют по крови и родству единый славянский народ», и формулировал основные принципы «всеславянства»: 1) каждое славянское «племя» должно сохранить свои отличительные черты и особенности, свое имя, свою историю, свою литературу и свои права, однако перед остальным миром славяне должны выступать как единый народ, 2) «славянская взаимность»

должна распространяться «при помощи книг и статей, пером и перочинным ножичком, бумагой и чернилами, а не войной, не острой саблей, не пушками и не ружьями», 3) согласие и «взаимность» должны охватить все славянские племена без исключения, 4) «славянская взаимность» должна быть действенной, активной, для нее нужно трудиться практически [Чуркина 2001, 116–118].

Практической реализацией «всеславянской программы» и явилась работа по созданию «общего» славянского литературного языка, призванного продемонстрировать всему миру, что «славяне единый народ». Первым шагом на пути языкового объединения славян, зафиксированным в книге Маяра «Правила образования иллирского наречия и общеславянского языка» (1847 г.), стала попытка создать иллирский литературный язык, объединяя «поднаречья сербско-хорватское и словенское в единый литературный язык», который затем должен был соединиться с другими главными «наречиями» – русским, чешским и польским – в единый славянский литературный язык.

Опыт непосредственного конструирования «общего» славянского литературного языка, основанный на научных трудах выдающихся славистов Ф. Миклошича («Сравнительная грамматика славянских языков», 1852), П. Шафарика и М. Гатталы, был представлен Маяром во «Взаимной славянской грамматике» (1865 г.), которую он считал своим «самым важным литературным трудом». Процесс создания «взаимославянского» языка Маяр разделял на два направления: постепенное сближение славянских литературных языков, которое должны продемонстрировать в литературной практике славянские писатели, и выработка «взаимославянских» грамматических правил на основе правил отдельных славянских литературных языков.

Утверждая необходимость постоянного практического «всеславянского» общения, Маяр призывал славянских писателей «писать взаимно»: «*Pisati uzajemno je prepolezno, prekoristno i neobhodno rotrěbno*» (УП, 7). Отвечая на вопрос «что значит писать взаимно», Маяр объяснял, что писать «взаимно» значит писать на славянских литературных языках так, чтобы они постепенно «сближались» и «уподоблялись» друг другу для облегчения славянской коммуникации: «*Pisati*

uzajemno se pravi: pisati v dosadajnih književnih jezikih pa tako, da se oni po malu bližaju i med seboj podobniji prihadjaju na toliko, da književen Slavjan za potrebu razumi vsaku uzajemno spisanu slavjansku knjigu» (УП, 5).

Возможность формально-семантического «сближения» и «уподобления» славянских литературных языков была, по мнению Маяра, мотивирована историей славян, имевших в истоке единый церковнославянский (старославянский) язык, а также поддерживалась современным функциональным состоянием сложившихся национальных славянских литературных языков, среди которых первенствующее положение занимали русский, сербохорватский, чешский и польский языки: «Slavjanski jezik se deli na jezik staroslavjanski i na sadajnu slavjanščinu. V sadajnoj slavjanščině razlikujemo slavjansko prostorecje i slavjanščinu književnu. Glavni književni jeziki su: jezik ruski, jezik horvatskoserbski, jezik česki, jezik poljski» (УП, 1). Свою собственную лингвистическую задачу Маяр видел лишь в том, чтобы создать *механизм*, облегчивший *формально-семантическое* и *формальное «сближение»* и *«уподобление»* языков. В этой связи основной проблемой для Маяра стала проблема *снятия формально-семантической* и *формальной дистанции* между славянскими литературными языками. Поскольку исторически мотивированным «общим» славянским литературным языком был церковнославянский (старославянский), Маяр избрал его в качестве формально-семантического и формального образца, по которому «сверялись» показатели национальных литературных языков – русского, сербохорватского, чешского и польского.

Теоретические установки, сформулированные Маяром, получили детальную разработку на материале «главных» частей речи – имени и глагола.

Имя существительное как лексико-грамматический класс слов «взаимнославянского» языка обладало грамматическими категориями рода, одушевленности // неодушевленности, числа и падежа. Склонение имен существительных было представлено 4 формальными классами, в основу дифференциации которых были положены два признака: 1) родовая принадлежность имени существительного: мужской род – 1 тип склонения, средний род – 2 тип склонения, женский род – 3, 4 типы склонения, 2) характер флексий

у имен женского рода: -A (3 тип склонения) // -нулевая флексия (4 тип склонения).

Именную *формально-семантическую дистанцию* между избранными Маяром славянскими языками задавали грамматические категории числа и одушевленности // неодушевленности, представлявшие разный состав членов и разный объем реализации. Создавая именную формально-семантическую основу «взаимнославянского» языка, Маяр ориентировался на объем реализации и состав членов данных грамматических категорий в церковнославянском (старославянском) языке.

Так, грамматическая категория числа получала реализацию в трехчленной оппозиции «единственное число // двойственное число / множественное число» по образцу церковнославянского языка, несмотря на то, что в избранных Маяром славянских языках, в отличие от его родного словенского языка, сохранились лишь отдельные формы двойственного числа:

«Čislo je trojno: jednotnik, množnik, dvojnik. Staroslavjanščina ima ves dvojnik... Ruščina ... ima dvojnik naj rědčajše, samo pri statnih i samo po čislih dva, oba... Serbščina ima dvojnik samo pri statnih... dvojnikove koncovke prečesto město množnikovih. Češčina sadajna ima vse pade dvojnikove samo pri nekterih statnih: ruka, noha, oko, ucho, koleno, ostala statna, pridavna i zaimena imaju navadno samo dva pada dvojnikova 3 i 7. Poljščina sadajna upotrebuje dvojnik i to ješće dosta često...» (УП, 86–87).

При невозможности скоординировать грамматическую семантику церковнославянского (старославянского) языка и национальных славянских литературных языков Маяр выявлял формально-семантическую общность самих национальных языков. Полагая, что в церковнославянском (старославянском) языке не было оппозиции по признаку одушевленности // неодушевленности, Маяр выбрал минимальный объем реализации данной категории, нейтрализовавший различия славянских языков. Так, в чешском языке грамматическая категория одушевленности // неодушевленности имела максимальный объем реализации, получая формальное выражение у имен мужского рода в грамматических позициях **В. ед., Р. ед., Д.-П. ед., И. мн.**. В русском языке одушевленность // не-

одушевленность была представлена у имен мужского рода в грамматических позициях **В. ед.** и **В. мн.**, а у имен других родов в грамматической позиции **В. мн.**. Для польского и сербохорватского языков единственной грамматической позицией реализации одушевленности // неодушевленности являлась позиция **В. ед.** у имен мужского рода, однако в польском языке дополнительно реализовалась грамматическая категория лица. Во «взаимнославянском» языке Маяр признавал нормативной реализацию грамматической категории одушевленности // неодушевленности только у имен мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**, поскольку избранные славянские языки получали в данной позиции общее формальное выражение. Расширение сферы реализации за счет грамматических позиций **Р. ед.**, **Д.-П. ед.**, **И. мн.**, **В. мн.** у имен мужского рода, за счет грамматической позиции **В. мн.** у имен женского и среднего рода, а также реализация грамматической категории лица были недопустимы во «взаимнославянском» языке, так как являли *формально-семантическую избыточность*:

«Statna mužska životna dělaju v vsěh narečjih pad. 4 jednotni jednak drugomu, neživotna jednak pervomu» (УП, 110)

«pravilo uzajemno:

Pišuč uzajemno skladnjaja statna imena osobna ali neosobna, životna ali bezživotna, pravilno v jednotnom pade 2 na — A, v pade 3 na — Y, v pade 1 mn. na (Ь)I...

Ruskopoljsko stavljane pada 2 mesto 4 se sovsěm protivi značaju i duhu jezika slavjanskoga»
(УП, 110, 120–121)

чешский язык:

И. мн. м.: -I, -OVE/-Y → -(Ь)I

Р. ед. м.: -A/-U → -A

Д. ед. м.: -OVI/-U → -U

русский язык:

В. мн. м.: -OB/-Ы→ -I

польский язык:

В. мн. м.: -OW/-Y → -I

Принятая Маяром реализация грамматической категории одушевленности // неодушевленности отвечала и его словенскому языковому видению, поскольку в словенском языке данная категория была представлена только у имен мужского рода в **В. ед.**

Глагол как лексико-грамматический класс слов во «взаимнославянском» языке обладал грамматическими категориями вида, залога, наклонения, времени и лица. Глагольную *формально-семантическую дистанцию* между славянскими языками задавали грамматические категории времени и лица, представлявшие, соответственно, разный состав членов и разный объем реализации.

Ориентируясь на грамматическую систему церковнославянского (старославянского) языка, Маяр признал нормативной для «взаимнославянского» языка многочленную временную систему, маркером которой явились синтетические формы прошедшего времени, несмотря на то, что в большинстве избранных Маяром современных славянских литературных языков эти формы «*davno minuli*»:

«*Čas minuli dokončavnih glagoljev*»:

старославянский язык: -охъ, -е, -е, -охомъ, -осте, -оша, -охова, -вѣ, -оста, -остѣ / русский язык: - / сербский язык: -ох, -е, -е, -осмо, -осте, -оше / чешский язык: - / польский язык: - → «взаимнославянский» язык: -ох, -е, -е, -осмо, -осте, -оше,

«*Čas minuli nedokončavnih glagoljev*»:

старославянский язык: -ѣахъ, -ѣаше, -ѣаше, -ѣахомъ, -ѣасте, -ѣахъ, -ѣахова, -вѣ, -ѣаста, -стѣ / русский язык: - / сербский язык: -ијахъ, -ијаше, -ијаше, -ијасмо, -ијасте, -ијаху / чешский язык: - / польский язык: - → «взаимнославянский» язык: -ијахъ, -ијаше, -ијаше, -ијасмо, -ијасте, -ијаху (УП, 173).

Равным образом, по примеру церковнославянского языка грамматическая категория лица получила реализацию во всех формах, хотя в русском языке вне действия данной категории были формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного наклонения:

старославянский язык: *хвалилъ(и) выхъ, вы, выхомъ, высте, выша* / русский язык: *хвалилъ(и) бы / сербский язык: хвалил (и) бих, би, би, бисмо, бисте, би / чешский язык: chvalil(i) bych, bys, by, bychom, byste, by / польский язык: chwalil(i) bym, bys, by, bysmu, byscie, by → «взаимнославянский» язык: хваліл(i) біх, бі, бісмо, бісте, бі» (УП, 203–204).*

Формальное поле «взаимнославянского» языка также составили флексии, заданные церковнославянским (старославянским) языком, т. е. общие стандартные флексии, поддержанные языковой традицией: «*one, koje su obične vsemu slavjanskemu narodu ali većej njegovoј straně*» (УП, 12). Соответственно, не получали доступа во «взаимнославянский» язык общие и локальные нестандартные форманты, порождающие *формальную избыточность*.

Так, проводя отбор форм имен существительных мужского рода, Маяр не допускал общие нестандартные флексии, восходившие к праславянскому склонению на *u, которые, однако, он разделял на два формальных класса:

«*Staroslavjanščina ima samo nekteri par statnih mužskih... keterih ţ 1 pada stoji mesto izvirnoga ØV... сынъ, -овъ, -овъ, -ъ, -овъ, -овъ, -омъ... Koliko zabogaš v jednotnik na oy, rđećeje, toliko pišeš pravilnje»* (УП, 94, 96),

«*Staroslavjanščina ima od prirastkove sklanja v jednotniku samo pad 3, množnik pa ves рабовн... рабове, рабовъ, рабовомъ, рабовы, рабовтъ, рабовы» ...Delaj pišuć uzajemno pad 2 množni v obče s prirastkom, vse ostale pade bez prirastka (pad 3 jeden. na O, pad 1 mn. na I» (УП, 96–97):*

Р. ед.: старославянский язык: *-A, -ØV /* русский язык: *-A, -У /* сербский язык: *-A /* чешский язык: *-A, -U /* польский язык: *-A, -U → «взаимнославянский» язык: -A,*

П. ед.: старославянский язык: *-ѣ, -ØV /* русский язык: *-ѣ, -У /* сербский язык: *-У /* чешский язык: *-E, -U, (-OVI) /* польский язык: *-IE, -U → «взаимнославянский» язык: -ѣ,*

Д. ед.: старославянский язык: *-ØV, -ØVI /* русский язык: *-У /* сербский язык: *-У /* чешский язык: *-U, -OVI /* польский язык: *-U, -OWI → «взаимнославянский» язык: -У,*

И. мн.: старославянский язык: -И, -ОВЕ / русский язык: -Ы, (А) / хорватский язык: -И / чешский язык: -I, -OVE, -Y / польский язык: -I, -OWIE, -Y → «взаимнославянский» язык: (Ы)I.

Равным образом в систему форм «взаимнославянского» языка не попадали локальные нестандартные элементы:

Pravila uzajemna	локальные нестандартные → общие стандартные
«Sklanjaja statna imena v vsēh padih i čislih doslēdno po toj istoj sklanji i po tom istom primērē, k kterioru statno pridnaleži glede na pad 1 jednotni — brez ostudnoga preskakivanja v srēdē sklanje v druhu, iz tverdoga primēra v mehek ali na opasko» (УП, 113–117)	(русский язык) И. мн. м.: -А → (Ы)I «je preskok v srēdnji spol» (УП, 90)

При отсутствии общего форманта Маяр рекомендовал употреблять на правах равных вариантов локальные стандартные форманты, что мотивировало определенную грамматическую синонимию: «spisovatelj si može svobodno izmed nju izbrati onu, koja se njegovomu narečju bolje prileže ali obe» (УП, 110).

У имен существительных формально нагруженными оказались грамматические позиции **В. мн. м., Т. мн. м. П. мн. м.** Так, у глаголов допускалась грамматическая синонимия в грамматической позиции 1 лица ед. числа настоящего времени:

1 ед.: старославянский язык: -Ж / русский язык: -У / сербский язык: -ЕМ / чешский язык: -U / польский язык: -E → «взаимнославянский» язык: -У, -ЕМ (УП, 168).

В. мн.: старославянский язык: -Ы, -ОВЫ / русский язык: -Ы, -ОВЬ / хорватский язык: -Е / чешский язык: -Y / польский язык: -Y, ӦW → «взаимнославянский» язык: I, -E,

Т. ми.: старославянский язык: -Ы, -ОВЫ / русский язык: -АМИ / хорватский язык: -И / чешский язык: -Y, -AMI / польский язык: -AMI → «взаимнославянский» язык: -I, -AMI,

П. ми.: старославянский язык: -ѢХЪ / русский язык: -AXЪ / хорватский язык -ИХ / чешский язык: -ECH / польский язык: -ACH → «взаимнославянский» язык: -IX, -AX (УП, 88–89).

Система полученных в результате проведенной Маяром своеобразной сравнительно-исторической «селекции» «взаимнославянских» именных форм может быть представлена в виде итоговой таблицы:

	1 склонение	2 склонение	3 склонение	4 склонение
Ед. ч.				
И.	Ø	O/E	A	Ø
Р.	A	A	I/E	I
Д.	Y	Y	Ѣ/I	I
В.	A, Ø	O/E	Y	
З.	E/Y		O/E	I
П.	Ѣ/I	Ѣ/I	Ѣ/I	I
Т.	OM/EM	OM/EM	Y	IY
Мн. ч.				
И.	I	A	I/E	I
Р.	OB/EB, EJ	Ø	Ø	JI
Д.	OM/EM, AM	OM/EM. AM	AM	EM, AM
В.	I/E	A	I/E	I
З.	I		I/E	I
П.	IX, AX	IX, AX	AX	EX, AX
Т.	I, AMI	I, AMI	AMI	MI, AMI

Таким образом, лингвистическая рефлексия, направленная на создание нового понятного «общего» славянского литературного языка носила семантический, конвергентный, креативный характер и реализовалась в «зоне грамматических категорий и средств выражения»: понятность «взаимнославянского» языка достигалась Маяром посредством выбора грамматической семантики и средств выражения, общих для языков, в рамках которых мыслился моделируемый язык.

Опыт «взаимной славянской» грамматики Маяра вызывал противоположные оценки современников: профессор Н. А. Попов утверждал, что «книга Маяра ... представляет новый материал для дальнейших исследований, необходимых для взаимного сближения между славянскими литературными языками», а профессор П. А. Кулаковский считал, что «основания, которыми руководствовался Маяр при установлении взаимного языка, и его метод не могут выдержать критики» [Чуркина, 2001, 114]. Сам Матия Маяр, помимо искусственного «общего» славянского языка, считал также возможным использовать русский литературный язык в функции «общеславянского», поскольку «русская литература и русский язык должны быть для нас, славян, примером».

§ 2. Книжная справа XVIII–XX вв.: тексты на «своем» понятном литературном языке

2.1. Книжная справа XVIII в. («Алкоран о Магомете» // «География генеральная» Б. Варения, «Библиотека» Аполлодора, «История императора Петра Великого» Феофана Прокоповича → «История Российской» В. Н. Татищева): дифференциация плохого и понятного «своего» языка в светских текстах → становление норм «своего» понятного языка

Осмысление XIX века русского литературного языка как потенциально «общего» славянского литературного языка мотивирует рассмотрение основных этапов его становления и развития.

Противопоставление церковнославянского языка новому «простому» литературному языку наметилось в России в Петровскую эпоху, содержанием которой явился переход от конфессиональной культуры к секулярной. Процесс возникновения нового русского литературного языка в этот период поддерживался сознательной государственной политикой: согласно инструкциям Петра I переводчики и авторы оригинальных сочинений, входивших в парадигму новой секулярной культуры, должны были стремиться писать не на «славенском» языке, а на некоем «простом языке» или «просторечии». При этом свои декларации, содержащие идею упрощения языка, Петр I обращал прежде всего к ученым книжникам, привыкшим, наоборот, увеличивать дистанцию между книжным и некнижным языком. Так, именно Федору Поликарпову, одному из лучших выпускников Славяно-греко-латинской Академии, участнику библейской справы, Петр I поручил перевод с латинского языка «Географии генеральной» Бернарда Варения, и тот, будучи ученым книжником, перевел эту книгу в 1716 г. на традиционный церковнославянский язык, объясняя такой перевод функциональным тождеством классических языков (латинский язык = церковнославянский язык): «Убо и мне (коснувшемуся превода книги сея) должность надлежала последовать яко же сенсу, тако и тексту авторов и не общенародным диалектом Российским преводити сия, но хранити по возможности регулы чина грамматического, дабы тако изъяснил высоту и красоту слова и слога ав-

торова». Однако Петр I остался недоволен этим переводом, указывая, что «за неискусством» переведена «гораздо плохо», и повелел Поликарпову исправить перевод «хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком». «Упрощающая» правка была осуществлена бывшим учителем Поликарпова в Славяно-греко-латинской академии Софронием Лихудом, который перенес модель перевода «книжный язык» → «простой» язык с греческого материала на славянский. В предисловии к печатному изданию новой редакции перевода «Географии генеральной» 1718 г. уже отмечалось, что книга переведена «не на самый славенский высокий диалект против авторова сочинения, и хранения правил грамматических: но множае гражданского посредственнаго... наречия» [Живов 1996, 92]. В 1725 г. была напечатана «Библиотека» Аполлодора, переведенная с греческого языка также учеником Лихудом Алексеем Барсовым, специально указавшим в предисловии, что Петр I повелел перевести книгу «на общий Российский язык» [Живов 1996, 97]. Опыт владения церковнославянским языком также не позволил Алексею Барсову существенно упростить язык перевода, что потребовало дополнительной «упрощающей» правки, осуществленной спрашивками Московской Синодальной типографии И. Кречетовским и И. Максимовичем.

Однако сложное пересечение в Петровскую эпоху языковых традиций и новаций не дает возможности однозначного определения структурно-функционального статуса текстов этого времени, т. е. различия текстов на традиционном, но «плохом» «славенском» языке, и текстов на новом «простом» языке, без знания лингвистической рефлексии создавших их книжников: показательным примером служит история книги «Алкоран о Магомете».

Перевод книги «Alcoran de Mahomet, translate de l'arabe en françois par le Sieur du Ryer», опубликованный в 1716 г. без указания имени переводчика под заглавием «Алкоран о Магомете или закон турецкий» с определенными сомнениями приписывается одному из лучших выпускников Славяно-греко-латинской академии, видному дипломату, врачу и переводчику Петровской эпохи Петру Постникову [Пекарский 1862, 370; Шмурло 1894, 146; Белоброва 1998, 267]. По сообщению П. Пекарского, рукопись печатного пе-

ревода содержала помету «переводилъ сию книгу Пётръ Постниковъ...»: «что касается до перевода Постникова, то он сделан без пропусков, заметна только неловкость переводчика при передаче некоторых французских слов и оборотов, что уже видно из названия, «Alcoran de Mahomet» вышел в русском переводе «Алкоран о Магомете», следовательно частица de принята не в смысле члена для означения родительного падежа, но как предлог de...на основании этого можно предположить, что книгу переводил младший брат, а не старший» [Пекарский 1862, 370]. Однако младший Петр Постников, как и его брат, получил серьезное образование сначала в «немецкой школе» Швимера в России, а затем во Франции, что предполагало основательное знание иностранных языков, и прежде всего французского. Таким образом, обоих братьев трудно подозревать в плохом владении французским языком и неумелой переводческой работе. Для объяснения переводческой «неловкости» необходимо определить культурно-языковые интенции изданного в 1716 г. «Алкорана о Магомете» в общем контексте истории перевода Корана в России. Первый в России перевод Корана, оригиналом для которого послужил французский перевод Андре Дю Ри, появился в Петровскую эпоху, что было мотивировано политическими и просветительскими задачами. Перевод под заглавием «Алкоран о Магомете или закон турецкий. Переведенный с французского языка на российский» был напечатан в 1716 г. в Санкт-Петербургской типографии гражданским шрифтом, что определяло его принадлежность новой культурной парадигме, противопоставленной традиционной парадигме, маркером которой был церковный шрифт. Знаковый новаторский характер издания Корана подтверждается и личным интересом к нему Петра I, о чем свидетельствует переписка директора типографии Михаила Аврамова с личным секретарем Петра I Алексеем Макаровым: «... отправлен до Его Величества ... Алкоран...» [Круминг 1994, 234]. В свою очередь, традиционное мнение, указывающее на необычность и чуждость перевода Корана в рамках христианской культуры, представлено Саввой Владиславичем-Рагузинским в предисловии к переведенной им в 1720 г. книге «I Consigli della Sapienza ovvero la raccolta delle massime di Salomone» («Собрание определен-

ний Соломоновых...»): «**нє Есоповы фабулы или маҳометанские раз-
сказы .... обрашены, но самым святополитичные поступки, ко ис-
правлению совѣсти духа, или ұма, сердца и страстей, да и языка**» [Синьорини 1999, 330]. Таким образом, перевод Корана рассматривался в Петровскую эпоху и по содержательным, и по формальным признакам как текст, принадлежавший новой культуре.

Выявить языковые диагностические признаки «Алкорана» позволяют «подготовительные» материалы, а именно, сохранившиеся в собрании РГАДА корректурный экземпляр (ф. 1251, № 3) и на-
борная рукопись (ф. 381, № 1034) «Алкорана о Магомете», которые содержат языковую правку, выполненную справщиками типографии Михаилом Волковым и Иваном Кременецким, что дает возможность дифференцировать языковые навыки и установки неизвестного переводчика и справщиков. Так, анализ языка исходного текста позволил заключить, что неизвестный переводчик не столько плохо знал французский язык, сколько использовал при переводе знания латинского языка, что следует уже из перевода названия книги: «Alkoran de Mahomet» = «Алкоран о Магомете». Очевидно, что братьям Постниковым, в совершенстве владевшим французским языком, не могло быть свойственно такое книжно-языковое поведение. Кроме того, анализ языка исходного текста и системно проведенной языковой справы дает возможность установить, что неизвестный переводчик недостаточно владел и нормами церковнославянского языка. Именно недостаточное владение переводчиком нормами церковнославянского языка мотивировало «окнижняющую справу», целью которой было устранение грамматических ошибок и замена некнижных форм и конструкций книжными, т. е. восстановление формально-семантической и формальной дистанции между книжным и некнижным языком:

(Морфология)

1) снятие грамматических ошибок в книжных формах:

(глагол: снятие дефектности в реализации грамматических категорий лица и числа):

ты есть → еси первъ (л. 200 об.); ~~ш~~ которыя есте → суть правовѣрныя (л. 235 об.); Си~~е~~ таинство суть → есть таинство алкорана (л. 257); бжнє таинство суть → есть необходиимо (л. 293); Услышаны бысть → быша мѣтвы его (л. 216); бысть → быша дома іх разорены (л. 263); Они бысть → быша (л. 284);

Азъ послахомъ → послахъ к вамъ монхъ пророковъ і апостолов (л. 311 об.); Азъ повелѣхомъ → повелѣхъ мѣтсѧ единомѹ бгѹ (л. 326); они его вопрошаše → вопрошахѹ о толкованиі его (л. 141 об.); Они вознегодовали противѹ вѣры і рече → глахѹ (л. 229 об.);

(причастия: снятие дефектности в реализации грамматических категорий рода и числа):

не будте тако яко невѣрныя которые рекли глаголющи → глаголюще... (л. 41 об.);

2) замена некнижных форм книжными (восстановление формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком):

(глагол: восстановление грамматической категории лица):

а) замена форм на -л формами аориста и имперфекта (грамматические позиции 1, 3 л. ед. и мн.):

Азъ благо сотворилъ → сотвориҳъ (л. 6 об.); Мы тѣмъ послали → послахомъ ... (л. 311);

Пошли → пондоша вси кѹпио (л. 188); Отвѣщали → отвѣщаша вси (л. 249 об.); Они же рекли → рекоша (л. 262 об.); они рекли → глахѹ (л. 273);

б) замена форм на -л формами перфекта со связкой (грамматическая позиция 2 л. ед.):

Ты нїѣ повѣдалъ → повѣдалъ еси істиннѹ (л. 8 об.); не того ли ради пришел → пришелъ еси (л. 353);

(причастия: восстановление грамматических категорий рода и числа):

а) замена форм на -учи/-ачи формами на -а (грамматическая позиция И. ед. м.):

Бѣгъ васъ іскѹси єдиною вещию знаючи → вѣдал (л. 71 об.); кто сотворит добро... вѣрючи → вѣрѹл в бѣга, вин-дѣтъ в раї (л. 333);

б) замена форм на -учи/-ачи и на -а формами на -уще/-аще (грамматическая позиция И. мн. м.):

Оваче они обратились къ нхъ грѣхамъ глаголючи → глаголюще (л. 99 об.), когда вы предаете на жертву столичи → стояще (л. 222);

3) замена некнижных форм книжными (восстановление *формальной дистанции* между книжным и некнижным языком):

замена форм 2 л. ед. наст. вр. на -шь формами на -ши; замена форм инфинитива на -ть формами на -ти:

ты бонишься → бонишся (л. 267); аще ты речешь → рече-ши истинну (л. 307); могли защитить → защитити (л. 294);

(Синтаксис)

1) синтаксис причастий:

а) замена присубстантивных (определительных) придаточных причастными оборотами:

Он сотвори корабль который плаваетъ по морю его произ-
воленемъ → плавающіи по морю его произволенемъ (л. 157);
ии сотвори солнце і мѣць, которые движутся безпрестанно →
движущыяся безпрестанно (л. 157); Мы непослали прежде тѣ-
бе токмо члвекъ которые имѣютъ повелѣнне отъ насъ → имѣю-
щіи повелѣння отъ насъ (л. 210); Бѣдѣтъ вси наказаны ангели
которые суть въ престола бжна → предстоящие престолъ
бжню (л. 331); Да вѣдетъ хвала бѣгъ, что насъ привѣлъ здѣсь →
приведшемъ насть сѣмо (л. 91); ...вкусите богатство что вы
обрели → вами швртеннюе (л. 109 об.);

б) замена присубстантивных (определительных) придаточных субстантивированными причастиями:

Воистиннъ онъ слышалъ матвѣ тѣхъ, которые принимаютъ его слова → приемлющихъ его слова (л. 77 об.); ... не сообщающе мене въ числѣ сихъ которые молилисѧ идоломъ → молящихъ идоломъ (л. 98);

г) замена конструкций с основным сказуемым на конструкции со второстепенным сказуемым («дательный самостоятельный»):

...и призванъ бысть Йосифъ и рече фараонъ → призванъ же вывшъ Йосифъ, рече фараонъ (л. 12 об.);

3) синтаксис частиц:

замена конструкций с двойным отрицанием конструкциями с одинарным отрицанием:

ничтоже бысть ѹтаено отъ тебѣ → ничто не ѹтантца (л. 331).

Приведенный языковой материал, демонстрирующий наличие в исходном тексте ошибок в книжных формах, наглядно свидетельствует именно о несовершенном владении переводчиком нормами церковнославянского языка, а не о возможной попытке неизвестного переводчика упростить традиционный церковнославянский язык в соответствии с установками Петра I.

Примером действительно сознательного упрощения церковнославянского языка являются тексты с правкой, реализующей либо установки Петра I, либо установки самих книжников на создание текстов на «простом» языке: «География генеральная» в редакции Софрония Лихуда (далее – ГГ), «Библиотека» Аполлодора в переводе Алексея Барсова с правкой Кречетовского и Максимовича (далее – БА), «История императора Петра Великого» Феофана Прокоповича с авторской правкой (далее – ИиПВ). Стремясь к «простоте» и «понятности» языка, все учёные книжники снимали формально-семантическую и формальную дистанцию между книжным и некнижным языком, а также устраняли влияние греческого языка, но отнюдь не допускали ошибок:

1) замена книжных форм некнижными: (снятие *формально-семантической дистанции* между книжным и некнижным языком):

(глагол: формы аориста и имперфекта → л-формы, снятие грамматической категории лица):

ГГ: «*восприяша* → *восприяла*» л. 68 об., «*обыкоша* → *обыкли*» л. 78 об., «*имѣяху* → *имѣли*» л. 68, «*бяху* → *были*» л. 68,

БА: «*быша* → *были*» л. 12 об.,

ИиПВ: «*принде* → *принель*» л. 3 об., «*опредѣли* → *опредѣлилъ*» л. 6 об., «*ожидаху* → *ожидали*» л. 3 об.,

(причастия → деепричастия: снятие грамматических категорий рода и числа):

ГГ: «*разсмотряюще* → *разсмотря*» л. 70, «*видяще* → *видя*» л. 497, «*поработивше* → *поработивъ*» л. 68, «*оставивше* → *оставя*» л. 382, 391,

ИиПВ: «*хотяще* → *желая*» л. 6, «*утѣсняюще* → *утѣня*», «*оставляюще* → *оставляя*» л. 6, «*привѣдшее* → *привѣдъ*» л. 9.

2) замена книжных форм некнижными (снятие *формальной дистанции* между книжным и некнижным языком):

замена форм 2 л. ед. на -ши формами на -шь; замена форм инфинитива на -ти формами на -ть:

ГГ: «*быти* → *быть*» л. 65, «*сыскати* → *сыскать*» л. 72, «*взяти* → *взять*» л. 595,

«*хощеши* → *хощешь*» л. 102, «*повѣсиши* → *повѣсишь*» л. 355 об.,

3) замена причастных конструкций на глагольно-личные (снятие «дательного самостоятельного»):

ИиПВ: «*о^тшедшимъ бо г^дремъ* → *когда отошли г^дри в село коломенское недалече о^тстоящее явилося въ дворцовыхъ воротъ писмо прилѣплено...*» л. 8.

Петр Постников, бывший соученик Федора Поликарпова и Алексея Барсова по Славяно-греко-латинской академии, мог потенциально перевести Коран и с латыни, и с французского языка на традиционный правильный церковнославянский язык или на некий упрощенный язык, но он не мог перевести на «плохой» церковнославянский язык, маркером которого служили грамматические ошибки. Таким образом, проведенный анализ позволил дифференцировать два принципиально разных типа языкового поведения в Петровскую эпоху: диагностическим признаком одного являлась «ошибка», тогда как диагностическим признаком другого – «установка».

Однако помимо обсуждаемого большинством ученых перевода Корана, изданного в 1716 г., в Петровское время был выполнен еще один перевод, оставшийся неопубликованным. Этот перевод известен по двум рукописям, написанным приблизительно в одно время одним неатрибутированным почерком: одна рукопись хранится в БАН (№ 3.7.6.), другая в РГАДА (ф. 181 МГАМИД, № 148–217). Рукопись РГАДА содержит записи, дающие информацию об имени переводчика и времени перевода:

запись на л. 780 «Переводиा сю кнгъ Петръ Постниковъ» (почерк не основного писца рукописи и не Петра Постникова старшего),

запись на л. 1 «1726 гѡ годъ ѿ хртова рождтва йца генварѧ въ 10 день переплѣтен въ кнгъ сен Алкоранъ».

Судя по тому, что рукопись РГАДА была отдана в переплет в январе 1726 г., она была написана в 1725 г., т. е. перевод некоего Петра Постникова был выполнен значительно позже, чем перевод, изданный в 1716 г.

Даже поверхностный языковой анализ рукописного перевода 1725 г. позволяет утверждать, что переводчик достаточно владел французским языком, что явлено уже в переводе названия: «Alcogram de Mahomet» = «Алкоран или закон магометанский». Кроме того, переводчик старался перевести на язык более *понятный*, отличный от традиционного церковнославянского языка. Появление нового, более точного и понятного, перевода Корана в 1725 г. действительно могло быть мотивировано актуализировавшимся интересом Петра I. Свидетельством этого может служить издание в 1722 г. историко-политического труда «Система или состояние

мухамеданская религии...», сочиненного на латинском языке Дмитрием Кантемиром и переведенного его секретарем Иваном Ильинским. В авторском предисловии к этому трактату специально подчеркивалось, что «созволилъ егъ црквное величество и мнѣ .... рабъ своемъ поручити, давыдъ о Мухамеданской религіи, и о политическомъ Мусліманскаго народа правленіи, иѣкое нижнимъ стилемъ и просторечіемъ изданіе» (РГАДА, ф. 381, № 1035, л. 13).

Таким образом, в Петровскую эпоху были выполнены два перевода Корана с французского языка: один из них, осуществленный неизвестным переводчиком, был напечатан в 1716 г., другой, принадлежавший скорее всего младшему Постникову, остался в рукописи [Запольская 1988, 1993а, 2002в] П. Пекарский, говоря о переводе «Алкорана», не сличил текст известной ему рукописи 1725 г., содержавшей информацию о переводе Петра Постникова, с печатным текстом 1716 г.: допущенная Пекарским ошибка была впоследствии повторена другими исследователями.

Начало последовательной систематической рефлексии над русским литературным языком нового типа относится только к 30-м годам XVIII века, к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство. Поскольку переход от «классического» языка средневековой книжности к кодифицированной системе «своего» «простого» языка — процесс типологически универсальный, языковые программы первых русских реформаторов были ориентированы в известной степени на западноевропейские образцы, в результате чего основным программным положением явилась установка русского литературного языка на «употребление», что делало его функционально равным новоевропейским языкам.

Западноевропейским источником русской лингвистической рефлексии явилась концепция К. Вожела, в основе которой было требование сближения литературного французского языка с разговорной речью культурной элиты [Успенский 1985, 131–146; Живов 1996, 173–178, 240–243]. В качестве источника нормы «чистого и точного» французского языка, противопоставленного латыни, рассматривалось «хорошее употребление», т. е. употребление «луч-

шей части двора, согласной с лучшей частью писателей», критерием которого являлся «вкус»

Однако в России этого времени новые языковые навыки находились ещё в процессе становления, т. е. «хорошее употребление» сначала должно было моделироваться в литературной практике, а затем переходить в естественное употребление, поэтому в русской языковой ситуации установка на «употребление» была органически связана с протестом против «глубокословных славенщины», с отказом от церковнославянской языковой традиции. Такое понимание нового русского литературного языка демонстрировал, например, В. Н. Татищев, реконструкция лингвистической рефлексии которого позволяет уточнить представления о структурно-функциональном статусе литературного языка нового типа [Запольская 1999б].

В. Н. Татищев, активный сподвижник Петра I и один из наиболее образованных людей своего времени, уделял большое внимание собственно лингвистическим проблемам: ему принадлежат первые по времени предложения о нормализации графики и орфографии; значительна его лексикографическая деятельность и этимологические изыскания («Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов», «Лексикон российский исторический, географический, политический»). Наряду с В. К. Тредиаковским В. Н. Татищев сформулировал принципиально важные теоретические положения, среди которых в первую очередь следует отметить постановку проблемы кодификации нового русского литературного языка на разных уровнях, теоретическую защиту «простого» русского языка и протест против церковнославянского языка. Лингвистическая рефлексия В. Н. Татищева, нашедшая выражение в его письмах к В. К. Тредиаковскому и И. Шумахеру, в «Инструкции о порядке преподавания в школах при казенных уральских заводах» и в предисловии к «Истории Российской», представляла определенную систему, включающую несколько установок:

1) необходимость последовательной кодификации нового русского литературного языка:

— «...я видя вашу в собрании академическом говоренную о исправлении языка славенорусского Речь сердечно порадовался, что так нужное и чрез много лет желаемое дело единое начало

свое восприемлет... видимые нам неисправности а из того происходящие вреды пресекутца... во исправление языка различные обстоятельства разумеются и суще такие, которые токмо в правописании и правоизглашении состоят, другие в правильном разумении силы их, третьи в порядочном и правильном, а паче в кратком, внятном и приятном сложении, четвертые помошь и правильному переводу, к которому нужно совершенное разумение Грамматик обоих языков и полные Лексиконы со фразисами иметь» [Письмо В. Н. Татищева В. К. Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г.: Обнорский и Бархударов 1948, 86].

— «... подать к тому способы, в которых главное есть тех языков, с которого на который переводить, грамматики и лексиконы сочинить, следственно, нужнейшее славенорусская грамматика и лексикон зделать, которых нет, затем прочих языков, без которых переводы не токмо трудны, но и весьма неисправны являются» [Письмо В. Н. Татищева И. Шумахеру от 22 февраля 1748 г.: Андреев 1951, 274].

2) отношение к церковнославянскому языку — протест против «глубокословных славенщины»:

— «Хотя до сего времени неискусством учтслей в обычай введено младенцев обучать азбуке, потом часовник, псалтирь, некоторые же Апостол и все оное наизусть.... и хотя оные книги наизусть читать могли, но силы слов не разумели, писать правильно и порядочно ничего не умели» [«Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах» от 1736 г.: Демидова, 1950, 170],

— «Но известно ведаю, что простой народ нигде всех слов славенских не разумеет, разве те, которые о том довольно прилежат и от чтания обыкнут. Но и те книги видим, что после онаго перевода неколико для лучшего выразумения в наречие настоящее переправливаны» [«Предисловие» В. Н. Татищева к «Истории Российской»: Татищев 1962, 341],

3) защита нового русского литературного языка посредством расширения сфер функционирования:

— «/псалтирь/ для трудного перевода неупотребительных нами многих славенских и весьма странных речений и сложений многия

и учителя сами что читают, не знают, и для того весьма бы нужно такие учебные псалтири со истолкованием всех странных слов или вновь простым наречием переведши иметь напечатать, дабы всяк точно ее разуметь мог» [Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при казенных уральских заводах» от 1736 г.: Демидова 1950, 170].

Выразительной творческой попыткой В. Н. Татищева реализовать на практике программные нормализаторские идеи явилась его «История Российской», которая создавалась на протяжении двадцати последних лет жизни В. Н. Татищева (30–50 гг.). «История Российской» состояла из 4 частей: в лингвистическом плане особый интерес представляет 2 часть – история «от начала российских государей до нашествия татар», поскольку она представлена в двух редакциях – на «древнем наречии» и на «новом наречии», 1, 3 и 4 части написаны «новым наречием».

В «Предъизвесчении» к «Истории Российской» В. Н. Татищев сам объяснил появление двух редакций 2 части:

— первая редакция — «древнее наречие»:

«...разсудя то, что у нас из древних манускриптов, каковых хотя есть повсюду немало и в них разность немалая, но доднесь не един не напечатан и во многих имян творцов не положено... они же в руках разных партикулярных людей, которые часто из рук в руки переходят и съскать после неудобно... и естыли бы наречие и порядок их переменить то опасно, чтоб и вероятности не пагубить. И для того разсудил за лучшее писать тем порядком и тем наречием, каковы находятся в древних, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни переменяя, ни убавляя ничего, кроме не надлежащего к светской летописи...

вторая причина употребления древнего наречия есть не бесполезная для того, если кому случится древния писмена обрести, то по сему удобнее может выразуметь» [Татищев 1962, 38–39].

— вторая редакция — «новое наречие»

«Но как оное в наречии древнем и слоге инде от краткости, инде от избыточного распространения повести не всякому вразумительно, а к переводу на другой язык (которое необходимо для

знания о том в Европе требуется) было бы многотрудно и неудобно, того ради я принужден всю её в настоящее наречие преложить» [Татищев 1962, 91].

Сопоставление двух редакций второй части «Истории Российской» позволяет выяснить, какие признаки противопоставляли в языковом сознании данной эпохи церковнославянский язык и «простой» русский язык. При негативной ориентации «простого» русского языка относительно церковнославянского языка создание новых императивных текстов осмыслилось как отказ от книжных элементов, релевантных для дихотомии церковнославянского языка и русского языков. Церковнославянские формы, не входившие в набор книжных признаков, т. е. не определявшие формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком, допускались в «простой» русский язык на правах нейтральных элементов, в силу чего имело место безразличное смешение форм. Кроме того, в новом литературном языке оставались церковнославянские элементы, не имевшие коррелятов в русском разговорном языке. Таким образом, переложение «Истории Российской» с «древнего наречия» на «новое наречие» может рассматриваться как результат действия механизма элиминации релевантных признаков книжности. В силу этого противоречие между языковыми программами и языковой практикой первых русских кодификаторов оказывается в значительной степени фиктивным, поскольку рождение текстов на «простом» русском языке осуществлялось не за счёт воспроизведения разговорной речи, а за счёт отказа от специфических книжных форм, которые осмыслились как таковые.

Диагностической зоной, релевантной для дихотомии церковнославянского и «нового наречия», являлась «*зона грамматических категорий и средств выражения*»: понятность «нового наречия» достигалась посредством устраниния форм, выражавших книжную грамматическую сематику, т. е. посредством снятия *формально-семантической дистанции* между книжным и некнижным языком.

Так, грамматическая категория лица охватывала в церковнославянском языке всю систему спрягаемых глагольных форм, а в «новом наречии», как и в разговорной речи, вне зоны ее влияния

оказывались формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного наклонения:

«Владимир же слышав се поиде → пошёл в Киев. И егда приближися → приблизился в неделю... усредоша → встретили его первее народ весь, потом бояре»(179/129);

«Древляне живяху → жили зверским образом... убиваху → убивали друг друга... умыкаху → крали себе невест от отцов и сродни» (111/30);

«И аще кто умираше → умер, творяху → отправляли над ним поминование, и возложат на груду мертвца и сожигаху → сожигали... влагаху → клали в сосуды и поставляху → поставляли на путех» (111/30);

«Половцы слышавше, яко умерл есть → умер Всеволод» (162/99).

Грамматическая категория числа, имевшая в церковнославянском языке трехчленную реализацию, получила в «новом наречии» двухчленную оппозицию:

«Святополк и Владимир посласта → послали к Ольгови черниговскому» (111/30);

Грамматические категории рода, числа и падежа, реализовавшиеся в кратких действительных причастиях церковнославянского языка, не реализовывались в деепричастиях русского языка, что мотивировало замену изменяемых причастных форм неизменяемыми в «новом наречии»:

«...из нея же исходит река ефиопская Чермная... прилежащи → гранича до Киринии» (107/25);

«Сим же, Хам и Афет, разделившe → разделя землю, урок положили» (108/29);

«Половцы же слышавше сеа → услыша, убоявшеся → убоявся ушли» (108/151).

Нерелевантными для дихотомии церковнославянского языка и «нового наречия» явились элементы, определявшие *формальную дистанцию* между книжным и некнижным языком. В силу этого в «новом наречии» продолжали употребляться наряду со стандартными нестандартные форманты, порождавшие грамматическую синонимию:

Р. мн. м.: нулевая флексия + -ОВЪ

«язык» (29), «от скиф» (30) = «от лесов» (30), «от отцов» (30),

Д. мн. м.: -ОМЪ + -АМЪ

«ко учеником своим» (30), «ко ученикам своим» (30),

Т. мн. м.: -Ы + -АМИ

«роды своими» (30), «пред отцы» (30), «родами» (29),

П. мн. м.: -Е(Ѣ)ХЪ + -АХЪ

«при путехъ» (30), «в лесахъ» (29).

Нейтральные признаки определили область вариаций, составившую исходный материал для дальнейшей кодификации нового русского литературного языка. Сама возможность использования в литературно-языковой практике церковнославянских по происхождению элементов явилась стимулом для последующего преобразования языковой теории и языковой практики.

На следующем этапе кодификации, в 40-60 годы XVIII века, русский литературный язык стал рассматриваться как язык письменный по преимуществу, не совпадавший с разговорной речью и ориентированный определённым образом на «славенский» язык. Если на первом этапе кодификации вырабатывался и теоретически осмыслился общий тип нового литературного языка и отбирались основные средства, которыми этот язык должен располагать, то на втором этапе наступила очередь для постановки и решения вопросов стилистического применения наличных средств литературного языка для нужд разных видов литературного творчества. Актуальность стилистической дифференциации языкового мате-

риала обуславливалась развитием русской литературы классицизма, характеризовавшейся иерархическим распределением жанров. Высокие жанры требовали известной модификации общеупотребительного литературного языка, т. е. требовали языка «украшенного». В контексте русской языковой ситуации само собой напрашивалось соотнесение стилистических оппозиций с дихотомией церковнославянского и русского языков. Основное значение приобретало противопоставление высокого и низкого стилей, которое так или иначе отражало противопоставление церковнославянского и русского языков.

Решая в «Российской грамматике» вопрос о том, что «нам должно из /славенского/ языка брать», М. В. Ломоносов кодифицировал как факт грамматической системы нового «российского» языка только те генетически церковнославянские элементы, которые не являлись релевантными признаками книжного языка. Кроме того, для дихотомии церковнославянского и русского литературного языка стала значима генетическая дифференциация вариативных форм, входивших ранее в набор нейтральных элементов: генетическая маркированность стала основой стилистической маркированности.

Кодификация элементов «российского» языка, осуществленная Ломоносовым, была построена на трех принципах:

а) выбор из грамматических синонимов форм, осмыслившихся как генетически русские формы: имена существительные мужского рода в Р. мн. с флексией -ОВ, в Д. мн. с флексией -АМ, в Т. мн. с флексией -АМИ, в П. мн. с флексией -АХ;

б) стилистическая дифференциация грамматических синонимов: в «стиле высоком, где Российской язык к Славенскому клонится», «очень пристойно употреблять» прилагательные И. ед. м. с флексией -ЫЙ, Р. ед. м. с флексией -АГО;

в) стилистическая маркированность церковнославянских форм, не имевших соответствий в русском языке: полные причастия на -ущ/-ащ, -вш/-ш, -м, -нн могли быть образованы только от «славенских» глаголов или от «тех российских... которые от славенских как в произношении, так и в знаменовании никакой разности не имеют» и употребляться должны «только в письме», прежде всего в высоком роде стихов» [Ломоносов, 1952].

Таким образом, складывание грамматических норм на втором определяющем этапе кодификации оказывалось закономерным продолжением нормализации литературного языка, проводившейся на первом этапе. Соответственно, В. Н. Татищев с полным правом может рассматриваться как непосредственный предшественник М. В. Ломоносова в области нормализации нового русского литературного языка. В этой связи уместно вспомнить, что В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов относились друг к другу с большим пийитетом, высоко оценивая достижения друг друга в области нормализации русского литературного языка:

— «Мы хотя можем похвалиться, что наш язык многих полняе и плодовитее и, мню, что в филозофии, математике и прочих науках не хуже французского и германскаго, но есче красче изъяснить можем, что некоторые члены русской Академии изданием преизрядных книг засвидетельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изданная Реторика...» [Татищев В. Н. История Российской: Татищев 1962, 341],

— «...имел я издавна желание изыскать случая, чтобы вашему превосходительству показать мою услужливость, для того что об охоте вашей к российскому языку слыхал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю» [Письмо М. В. Ломоносова В. Н. Татищеву в ответ на просьбу написать предисловие к «Истории Российской»: Ломоносов 1952, 461].

2.2. Книжная справа XIX – XX вв. (Псалтырь и Новый Завет В. А. Жуковского, богослужебные тексты Сергиевской комиссии): библейские и богослужебные тексты на «своем» понятном языке

Став полифункциональным литературным языком, русский язык в XIX веке распространил свое влияние и на конфессиональную сферу, что проявилось в переводах Библии на русский язык. Одним из значительных опытов стал перевод, выполненный В. А. Жуковским.

В своих духовных исканиях В. А. Жуковский прошел путь от романтико-эстетического отношения к религии, т.е. от «усвоения религиозного смысла искусству» к подлинной «живой» вере и ак-

тивному духовному жизнестроительству: «...должна действовать одна вера, покоряющая разум. ... покорный разум должен вводить веру в практическое употребление жизни, без этого введения в жизнь не будет живой веры» [Жуковский 1869, 805]. Духовное «самостроение» человека возможно было, по мысли В. А. Жуковского, только посредством глубинного понимания христианской истины, напрямую зависимого от глубинного понимания языка Священного Писания. Развивая идеи западноевропейских богословов, В. А. Жуковский видел трагедию непонимания христианской истины в исходном непонимании Христа Пилатом: «Когда Спаситель стоял перед судилищем Пилата, и Пилат спросил у него, употребив вероятно, как римлянин, язык Рима: что есть истина (*Quid est veritas?*) Господь не ответствовал. Но в ответе его, если бы он восхотел дать ответ, заключались бы все буквы вопроса с переменою только порядка их: истина есть муж, который предстоит (*Est vir qui adest*). Истина есть Бог, а наш ум есть этот вопрошающий Пилат, который и не подозревает, что ответ на вопрос его заключается в самом его вопросе...» [Жуковский 1878, 85].

Закономерным следствием такой позиции В. А. Жуковского явился перевод Библии на русский язык, осуществленный им для себя и своих детей в целях облегчения пути к познанию христианской истины. При этом В. А. Жуковский дважды приступал к переводу, так как известна краткая редакция, включавшая перевод 8 псалмов и 8 глав из Евангелия от Матфея, и полная редакция, включавшая перевод всего Нового Завета [Прозоров 1993, 128-133].

«Перелагая» библейские книги с церковнославянского языка на русский литературный язык, морфологические нормы которого уже были строго регламентированы, В. А. Жуковский обращал особое внимание на синтаксис: стараясь сохранить строй церковнославянской фразы, он устранил только синтаксические грецизмы, определявшие наибольшую дистанцию между церковнославянским и русским языком [Запольская 2001]. В число затмевавших понимание конструкций входили, по мысли Жуковского, конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., инфинитивные конструкции с обстоятельственным значением и конструкции с одинарным отрицанием:

<p>Елизаветинская Библия 1751 г.</p>	<p>Псалтырь и Новый Завет в переводе В. А. Жуковского (краткая редакция) 1844–1846 гг.</p>
<p>конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.</p>	<p>конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед.</p>
<p>пс. 8:7 «Всѧм покорилъ еси подъ нозѣ его» πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ</p>	<p>«Все под ноги его покорил Ты» (141)</p>
<p>инфinitивные конструкции</p>	<p>конструкция «да+индикатив»</p>
<p>пс. 8:3 «Изъ Устъ младенецъ и сосущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ твоихъ ради, еже разрѹшилъ врага и мѣстника» ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαζόντων κατηρτίσω αἶνον ἔνεκα τῶν ἐχθρῶν σου τοῦ καταλῦσαι ἐχθρόν καὶ ἐκδικητήν</p>	<p>«Из уст младенцев и грудь сосущих хвалу совершил Ты, врагов Твоих ради, да сокрушится противник и мститель» (140)</p>

инфinitивные конструкции	конструкции с именами со значением абстрактного действия
<p>Мф. 5:28 «Азъ же глагою вамъ яко всѧкъ, иже воззріти на женѹ, ко єже вожделѣти єхъ, оу же любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ.»</p> <p>ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ βλέπων γυναῖκα πρὸς τὸ ἐπιθυ- μῆσαι αὐτὴν ἥδη ἐμοίχευσεν αὐτὴν ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ</p>	<p>«Я же говорю вам, что всякий возревший на жену свою с вожделением уже любодействовал с нею в сердце своем» (148)</p>
конструкции с одинарным отрицанием	конструкции с двойным отрицанием
<p>Мф. 6:24 «Никто же можетъ двѣмъ господиномъ работати»</p> <p>οὐδεὶς δύναται δυσὶ κυρίοις δουλεύειν</p>	<p>«Никто не может двум господинам работать» (149)</p>

Однако В. А. Жуковский намеренно оставлял неизменной синтаксическую сферу причастных форм, которая являлась своеобразной зоной «концептуального примирения»: сторонники концепции субстанционального единства церковнославянского и русского языков воспринимали употребление причастий как синтаксический славянизм, а сторонники концепции субстанционального различия церковнославянского и русского языков воспринимали употребление

причастий как синтаксический галлицизм. Такая амбивалентность восприятия была задана еще в XVII веке В. К. Тредиаковским, свободно употреблявшим даже конструкцию «дательный самостоятельный» вне зависимости от смены концептуальных установок [Запольская 2000б]. В. А. Жуковский также намеренно употреблял конструкцию «дательный самостоятельный», возможно достигая тем самым дистанции между церковными и светскими текстами на русском литературном языке.

Елизаветинская Библия 1751 г.	Псалтырь и Новый Завет в переводе В. А. Жуковского (краткая редакция) 1844–1846 гг.
Мф. 8:1 «Сшéдшъ же ємъ съ горы, въ слѣдъ егѡ идлхъ народа мнози».	«Сшедшу ему с горы, вслед его пошло народа много» (154).
Мф. 8:23 «И влѣзшъ ємъ въ корабль, по немъ идоша ученицы егѡ».	«И вступившему ему на корабль, за ним последовали ученики его» (155).
Мф. 8:28 «И пришедшъ ємъ на ѿнь полъ, въ страну Гергесинскую, срѣтоста егѡ два бѣсна ѿ грѣхъ исходяща, люта ѧлѡ, іако не мощн никомъ минути путь тѣмъ».	«И пришедшему Ему на он пол в страну Гергесинскую, встретили его обеснованные, вышедшие из гроба, столь разъяренные, что никому тем путем приходить было не можно» (156).

К сожалению, полная редакция перевода В. А. Жуковского была издана только в 1895 г. в Берлине, а краткая редакция стала известна лишь в наши дни.

На рубеже XIX–XX веков в связи с усилением демократических настроений проблема понятности языка была перенесена с

бibleйских книг на богослужебные: при этом причиной непонятности языка богослужения считалась гречизация церковнославянского языка.

Проблема языка богослужебных книг стала предметом оживленной полемики, которую вели как деятели церкви, так и филологи, высказывая свои взгляды в различных церковных изданиях и в периодической печати. По мнению участников полемики, преодолеть сложившуюся ситуацию можно было либо посредством перевода богослужебных книг с церковнославянского языка на русский литературный язык, объединив новым языком библейские и богослужебные книги, либо посредством перевода с греческого на упрощенный церковнославянский, «новославянский» язык, «...с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской», либо посредством упрощения церковнославянского языка бытующих богослужебных книг, стремясь при этом «...греческую конструкцию, совершенно чуждую славянской речи, заменить русскою» [Кравецкий, Плетнева 2001, 42–73].

Разрешением споров явилась деятельность созданной в 1907 г. синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг, которую возглавил архиепископ Сергий (Страгородский), будущий патриарх. Опасаясь нового церковного раскола, Комиссия сочла возможным лишь исправить принятый в богослужебную практику церковнославянский (Никоновский) перевод, устранить его неточности и ошибки, а главным образом, сделать его возможно понятным». При этом непонятность богослужебных книг объяснялась членами Комиссии «излишней буквальностью перевода», что мотивировало необходимость выбирать в ходе справы «более понятный оборот или слово для замены иногда слишком эллинствующего принятого у нас перевода» [Кравецкий, Плетнева 2001, 74–125].

Результатом деятельности Сергиевской Комиссии явилась исправленная редакция Постной и Цветной Триоди, демонстрировавшая фрагментарную элиминацию синтаксических гречизмов: например, было осуществлено исправление порядка слов и устранение инфинитивных конструкций с обстоятельственным значением [Кравецкий, Плетнева 2001, 106–110]:

Постная Триодь 1656 г.	Постная Триодь 1912 г.
«днесь бо предлагаетъ трапезъ тайнюю мчнкъ феодоръ, ве- селющю празднолюбцевъ насть»	«днесь бо мчнкъ феодоръ предла- гаетъ трапезъ тайнственнюю, ве- селющю празднолюбцевъ насть» (пт., 1 нед. В. П., веч., муч.)
«бговидныхъ аггль силы, благувтливаго бга оумолите, спсти душу»	«бговидныхъ аггль силы, благ- увтливаго бга оумолите, да спасеть мою душу» (вт. 1 нед. В. П., утр., Т., п. 9)
Цветная Триодь 1660 г.	Цветная Триодь 1913 г.
«закономъ дреvле проповеданное и пророки, исполнися»	«закономъ и пророки дреvле пропо- веданное, исполнися» (нед. Пят., вс., утр., К., п. 1, тр. 2)
«азъ бо ...излию дха, возсіати же- лающымъ блгодать независтнюю»	«азъ бо ...излию дха, да возсілесть же- лающимъ блгодать изобиль- нюю» (нед. Пят., вс., утр., К., п. 1 ин., тр. 1)
«пріндоша на гробъ твой муронычицы хрте, ёже помазати пре- чтое и бжественное твоё тело»	«пріндоша на гробъ твой муро- нычицы, хрте, муро помазати пре- чтое и бжественное твоё тело» (ср. 3 нед. по Пасх., утр., сти- хир., на стихов.)

* * *

Проведенное исследование позволило заключить, что в рамках се- кулярной культуры развивалась рефлексия, направленная на создание «своих» понятных славянских литературных языков, и на создание нового понятного «общего» славянского литературного языка. Соответственно, лингвистическая рефлексия носила семантический, дивергентный или конвергентный, креативный характер и реализовалась в «зоне граммати- ческих категорий и средств выражения»: понятность «своего» литератур- ного языка достигалась посредством снятия формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком, а понятность нового «общего» славянского литературного языка достигалась посредством снятия формально-семантической дистанции между отдельными славян- скими языками.

ГЛАВА 5

Славянская лингвистическая рефлексия: культурно-языковое реплицирование во времени и пространстве

§ 1. Грамматики и книжная справа в конфессиональной культуре: культурно-языковые реплики в пространстве культуры

1.1. «Грамматікі Славенскія правилное Сынгагма» Мелетія Смотрицкого 1619 г. <«Граматично изказанје ов рѣском језику» Юрия Крижанича 1666 г.: правильность языка // правильность и понятность языка

Лингвистическая рефлексия является важной составляющей процесса *культурно-языкового реплицирования*, т.е. процесса активного реагирования культурно-языковых личностей на рефлексивные опыты друг друга.

Рассмотрение лингвистической рефлексии в рамках процесса культурно-языкового реплицирования мотивировано тем, что «гуманистическая мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя... люди» [Бахтин, 1986, 297]. В зависимости от исторических условий, позволяющих или не позволяющих «встречаться» разным лингвистическим взглядам во времени и пространстве, можно говорить о *реальном и потенциальном культурно-языковом реплицировании*. Лингвистический рефлексивный опыт, представленный как *культурно-языковая реплика*, требует исследования в диалогизированном контексте, задающем ретроспективу и перспективу мыслей о языке:

мотивирующий рефлексивный опыт < данный рефлексивный опыт < мотивированный рефлексивный опыт.

Подобную «цепочку» культурно-языкового реплицирования составили грамматики Смотрицкого, Крижанича и Маяра, а также Острожская Библия 1580 г., «Псалтырь» Крижанича (исправленные в грамматике псалмы), Псалтырь Фирсова и Псалтырь Жуковского,

что позволило выявить сходства и различия лингвистической рефлексии в конфессиональной и секулярной культуре.

В пространстве конфессиональной культуры, в рамках рефлексии над церковнославянским языком, грамматический трактат Юрия Крижанича явился реальной культурно-языковой репликой на грамматику Мелетия Смотрицкого.

Мелетий Смотрицкий, опровергая утверждение Петра Скарги, что «у славянского языка нет правил и грамматики», составил «Грамматікі Славенскімъ правильное Сынгагма», доказывая рациональность структуры «славянского» языка и возможность составления правил, подобных правилам греческого и латинского языков: как греческая и латинская грамматики служат «къ понятю языка чистоти», так и грамматика «Славенская въ своемъ языцѣ Славенскомъ оучинити можетъ» (ГС, л. 2).

Грамматика Юрия Крижанича, с одной стороны, явилась опосредованной позитивной репликой на западноевропейские лингвистические трактаты, с другой стороны, представляла собой непосредственную негативную реплику на грамматику Смотрицкого [о метаязыке см.: Schütrumpf 1978]. Такое своеобразное бинокулярное видение лингвистических проблем было определено и заявлено самим Крижаничем в его лингвистических сочинениях.

Так, провозглашая идею генетической «чистоты» и структурной «прозрачности» любого языка, Крижанич, по его собственному утверждению, опирался на теоретические положения Ж. Скалигера («De causis lingue Latine», 1540, 1580, 1623. Прим. — Н. З.) и Г. Кнапского («Snapius G. Thesaurus polono-latino-graeius. Cracoviae, 1643. Прим. — Н. З.):

«...преже на́с обличи́ша, Ска́лнгєр... и јни Кри́тици...
ј Кнáпскын Григоръ... о том нéшто споми́нает... ми неовзý-
раем на прáвила, вúд Грéческа, вúд Латíнска, вúд Лéшка:
него паче да смотрим вéздѣ на властíтостъ своего ѡязнка»
(Об., 69).

Руководствуясь избранными авторитетными теоретическими идеями, Крижанич мыслил «Граматично изказанје об рѣском језику» как исправление грамматики Смотрицкого: «вельено мнѣ... грамати-
къ исправитъ» [Челобитная царю Федору Алексеевичу с изложе-
нием всех служб государству, 1676: Белокуров, 177].

Соглашаясь признать лингвистическое усердие Смотрицкого, Крижанич отрицал концептуальные основы его грамматики, определявшей *правильность* «славенского» языка по подобию классических языков, и настаивал на независимой *правильности* «славенского» — книжного «русского» языка, мотивированной его *понятностью*:

«Медети Смотрицкии дъяради својего трудаљеја, и
дъя пећалности, коју јест носил про обижену ползу, пишши
Граматикъ, достојен јест памети и в ногије хвали: и би
доспил веши народу пособније, да бы се не бил соблазнил по
обзору на Гречкије преводи: и да бы не бил захотија нашега
језика на Гречкије и на Латинскије узори претварјат. Всакињ
бо језик имајет своя властита правниа, разнита от јних: и
неможесте по јнога језика узорех ишти правилах исправљат.

Ови убо всије причини ја в ногократ размишљајуци и
просуджајуци, јуже давније от двадесети літг, начај јесем
домат и трудитсе ве језика исправљену» (ГИ, IV–V).

Различие лингвистических установок Смотрицкого и Крижанича проявилось прежде всего в отношении к греческому языку как к языку исходно культурно доминирующему: если Смотрицкий, считая греческий язык источником *правильности* «славенского» языка, выступал за *формально-семантическую трансляцию* греческого языка, то Крижанич, ратуя за *понятность* книжного «русского» языка, предлагал *элиминацию* влияния греческого языка.

Поскольку основу претензий Крижанича к Смотрицкому определяла ориентация норм церковнославянского языка на греческий, существенные «исправления» пришлись на синтаксическую сферу.

Смотрицкий, признавая необходимость трансляции греческого языка, избирательно подходил к синтаксическим грецизмам. Так, он полагал, что причастные конструкции, конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. и конструкции с одинарным отрицанием органичны для «славенского» языка, тогда как конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже, не допустимы в «славенском» языке. Для выражения целевых отношений Смотрицкий предложил три варианта: конструкцию «*εже*+инфinitив», ориентированную на греческий образец, конструкцию с независимым инфинитивом и глагольно-личную конструкцию «да+конъюнктив» при условии несовпадения субъектов действия в главной и придаточной частях предложения.

В отличие от Смотрицкого, Крижанич настаивал на устраниении всех синтаксических грецизмов, предлагая заменить конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом, — на конструкции с относительными местоимениями, грамматически зависимыми от модели управления глагола, конструкции с одинарным отрицанием — на конструкции с двойным отрицанием, причастные конструкции — на глагольно-личные конструкции. Особой критике Крижанич подверг предложенную Смотрицким вариативность средств выражения целевых значений, полагая, что целевая конструкция «*εже* + инфинитив», вне зависимости от совпадения-несовпадения субъектов действия, должна быть заменена на синонимичные глагольно-личные конструкции «да+конъюнктив» и «да+индикатив», при этом конструкция «да+индикатив» была поддержана в языковом сознании Крижанича хорватским языком.

Таким образом, синтаксические грецизмы демонстрировали оппозицию, тождество и пересечение кодификаторских решений Смотрицкого и Крижанича:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
«сочиненіе имене»: оппозиция установок	
конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.	конструкции с прилагательными в форме ср. ед., существительными, именными словосочетаниями
<p>«(Греческаго сочиненія образом) Многажды такова Прилагательна... множественіе во Среднем родѣ всѣ³ Существителны^х оупотреб- лама ѿбрѣщутся» (ГС, л. 197)</p>	<p>«А во вноjnном чиslъ Греки и Латинцы кладутъ придѣвна Нијединска (держащая обстоjных облїчје) и при- разумувајуt Прагмата, Єрга, Вещи, Дела или Ствари... Богъ возмагајетъ всаческа. Речи, Богъ возмагајетъ все или всачину или всакије вещи». (ГИ, 157)</p>
«сочиненіе причастія»:	
причастные конструкции	глагольно-личные конструкции
<p>«Причастіј послаđујуtъ сочиненію глѧ... Сый, сѹща, сѹщее, причастій, и прочињу већу оупотребленіе, по Грековъ сочиненію Славяншъ свойственно єсть: јако, Ђигъ сый мира, Оци щедротъ» (ГС, л. 226 об.)</p>	<p>«Греки на избит гѣсто Уживајуt Медольенje и мало да не всяка четврта річ у нынѣ јест Медольенje. Потомъж и наши предки во ногих, хоћи непри- стоjних мистех, кладут медольенje.... Кт, Услышит Богъ, сиь прежде вѣк. Речи, Услышит Богъ, иже јест прежде вниковъ» (ГИ, 163–164)</p>
«сочиненіе наречія»:	
конструкции с одинарным отрицанием	конструкции с двойным отрицанием
<p>«Да оуквећуас пеrвше, Џрицаніј Наречіја Греку во ојсѹгѹбленији и трегѹбленији швицнаам Славяншъ свойственна не быти.... Ни ёдинъ заповѣдь твою не сотворихъ но, Ни ёдинъ заповѣдь твою сотво- рихъ...» (ГС, л. 229 об.–230)</p>	<p>«Отрицанје не опѹшицајуt и из миста преносет... Ничтоже ме лишил. Речи. Ничтоже ме нелишил...» (ГИ, 160)</p>

«сочинение местонимом»: тождество установок	
конструкции с относительными местоимениями с полным согласованием > конструкции с относительными местоимениями с неполным согласованием	
<p>«Есть Атгікъ» свойство Славенскъ языку всяко странно, возносителномъ со Предидущимъ втожде падежи сочинятыса, напослѣдующий гѣль, иже правимъ быти ємъ достоинше .... Гдѣ суть мати твоа дреинна Гдѣ, яже клада дѣду во ѹстиннѣ твоей... по Славенскаго языка свойствъ превѣденый быти достоинше, Гдѣ суть мати твоа дреинна Гдѣ, иниже клада єси дѣду во ѹстиннѣ твоей»</p> <p>(ГС, л. 204 об.)</p>	<p>«А въ Грековъ и въ прегнѣвѣ заносно јме всегда се згаджајетъ съ прошестнимъ. А въ насъ и въ Латинцевъ токмо въ числѣ, и въ племенѣ, съ прошестнимъ ѡменомъ, а въ прегнѣвѣ съ послѣдующемъ ричинною морајетъ витъ згодно.</p> <p>Гдѣ суть милости твоа дреинња, яже клада дѣду во ѹстиннѣ твоє. Речи, Гдѣ суть милости твоје дривније ѿмниже кладе єси дѣду во ѹстиннѣ своје» (ГИ, 173–174)</p>
«сочинение глагола»: пересечение установок	
<p>инфinitивная конструкция «еже + инфинитив» или глагольно-личная конструкция «да + конъюнктив»</p> <p>«Многажды Неопределенный полагаетъ вмѣстѣ Понятелнаго, прнѣмъ Словъ, еже, или воеже... : якѡ,</p> <p>Лицѣ же Гдѣ натворѧщымъ зламъ, еже потребити ѿземлю память ихъ ....</p>	<p>глагольно-личные конструкции «да + конъюнктив» и «да + индикатив»</p> <p>«...когда се знаменуетъ причинा, дльаради које се что чинитъ: Греки кладутъ Неокончалинк простъ, съ привержкомъ тѣ (того)... Намъ пакъ въ сицевихъ мнѣстехъ право стоянѣ ... спојеніе да.</p> <p>Лицѣ господнѣ на творѧщемъ зламъ: еже потребити отъ земли память ихъ. Речи, Лицѣ пакъ господнѣ на творѧщихъ зламъ: да потребити отъ земли память ихъ.</p>

Иногда́же и ро́реша́етсѧ в Пан-
нителѣ: ꙗкѡ,
держáхъ ёгѡ ёже не штнти
ѡнихъ: Греческомъ во сицѣ
сущъ кате́хон аутон тоу мѣ
пореуесятai ап' аутон ... Мы
преводимъ, держахъ ёго да не-
бы ѿшель ѿни....

Нѣсть ѿбаче ѿризателно въ
нѣконъ мѣстехъ сохранено ёже,
многое пішемы разумѣнію
оудобіе подавати, ꙗкѡ во
соказѣ:

ѡбндъ ѿлтарь твой Гдн/ ёже
оѹслышати ми гласть хвалы
твоемъ.

и, Бѹди ми въ Бгѣ защищителемъ
и въ до^м привѣжица ёже спаси
ма.

и, Ажини сно́ве члч'гіи въ мѣ-
ріехъ/ ёже ѿнеправдити себѣ
ѡ суеты въ кѹпѣ.

и, Бжє оѹщедрн ны и блвн ны и
просвѣти лице твоё на ны и по-
милуй ны, ёже познати на зем-
ли путь твой, во всѣхъ
газыцехъ спасеніе твоє...

Въ сиҳъ и прочінъ ве^зчнисны
ёже ѿ пророкъ штависа»
(ГС, л. 220–221 об.)

Онже / Смотрицкъ / бо добро ве-
лит, ёже гдн 8 Греков стоят Не-
окончалик једн, тамо 8 нас
липлье стоят Да...

Ј держахъ ёго: ёже не отиши от
ныихъ. Речи, Ј держахъ ёго: да не бы
отишел от ныхъ

Невімо пак, зачто Смотрицкъ въ
сіцевихъ містехъ веліт прибавлят
Јеже и говоріт,

Ёже ѿслышати ми глас.
Речи, Да ѿслышів глас

Ёже спаси ма.
Речи, Да ме спасеш.

Ёже онепрадійт.
Речи, да прелестет от съєти всѣ въ
диль.

Ёже познати путь.
Речи, Да познаDEM на земльe путь
твой»
(ГИ, 159, 182–183)

При кодификации языковых элементов на морфологическом уровне разное отношение к греческому языку отразилось в презентации грамматических категорий числа и рода.

Представляя число как трехчленную грамматическую категорию, Смотрицкий считал двойственное число семантически равноправным компонентом числовой оппозиции, тогда как Крижанич полагал, что сохранение двойственного числа приводит к избыточности:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
ГК числа: ед.// дв./ мн.	ГК числа: ед.// (дв.) мн.
«Число єстъ множества илн малости извлениe: Числа суть три Единственное/ Двойственное / и Множественное. Единственное єстъ/ ёже едини вещь знаменуетъ: іакш, той члвкъ. Двойственное єстъ/ ёже в двю веши повествуетъ: іакш, та члвка. Множественное єстъ/ ёже многи веши представляютъ: іакш, тин члвци» (ГИ, л. 30 об.-31)	«Число јест троје. Јединично. Чловик. Вножинно. Лъди. Двојично. Мн два чловника. Двојично число никаковијеже користи, нит липоти језик не прибављајет: него лише чинит сметенje и вного не добје. Гречки писатели мало го уживајујт, оприч нужни (нанпаче въ писенни складаньи)» (ГИ 2, 123)

Разные взгляды Смотрицкого и Крижанича на роль греческого языка проявились также в отношении к формально-семантической дефектности по категории числа и рода: Крижанич критиковал перенос числовых и родовых моделей из греческого в «славенский».

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
<p>«Единственагш ы двойст- веннагш лишающаля. вериги, штреби, изгреби, Афины, Лад- віл, Верем, үста, врати, ложе- сна, ключа, начатки, бметы» (ГС, 42 об.)</p>	<p>«Ов начаток, Омет, Ова Верига, Верея Імайт вса числа, супрот Смотрицкому, кинь ыим дајет јединно Виожинно» (ГИ, 31)</p>
<p>«Общагш рода имена свты. Также единым шкончанием мъжескій и женскій полъ знаменуют. йакш, той и там члвкъ, суда, воннъ, вой, вождъ, оружника, свѣдѣтель, воевода, тать» (ГС, л. 28).</p>	<p>«Смотрицкии влїчёт наш језик, да бы сподобен был во всём Грецому и Латинскому. И будущ јеже въ оних језикех јестъ имена двоего племена мъжскаго и женскаго, потому јест он и въ нашем језику имена имена поставил двоеплеменна. се јест, Војвода, Судија, Вонин. Али въ том јест изјавен поблъ- док, або Војвода, Судија, Вонин, николиж иисчт саншена въ женском племенъ». (ГИ, 21–22)</p>

Равным образом, представленная в грамматике Смотрицкого формальная избыточность, обусловленная влиянием греческого языка на книжный «славенский» язык, считалась Крижаничем неприемлемой.

Так, Смотрицкий выделил среди имен существительных мужского рода собственные имена греческого происхождения и маркировал их флексией -**ε**, свойственной им в греческом языке, в грамматической позиции З. ед., а Крижанич подчинил изменение этих имен славянскому правилу дифференциации флексий в зависимости от характера конечного элемента основы -**ε** / '-**8**:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
3. ед м.:	
-Е / ' -Ы + -Е	-Е / ' -Ы
<p>«И се да оўгѣтса, ўкѡ с�б�ственна на / ай: ей: и/ и� конч�щамса / зв�теленъ єдин- ственъ тв�ржт йскрнѣ на / е, Зв�телнагѡ Гр�ческагѡ ѿщиагѡ ш�бычаемъ: ўкѡ, Ніколає / Ти- мѡѳее / Фарісее / Григоріе/ Васіліе / Мелікіе»</p> <p>(ГС, л. 72)</p>	<p>«Імена Гр�чска, која ы Гр�ков јдут на ОЕ, а ы на АЬ, ЕЬ, ЙЬ, ОЬ ... бл�удно се тво- рят ы на Е... зло 旳 Нико- лае... Право пнши. 旳 Николају, 旳 Василју, 旳 Григорију»</p> <p>(ГИ, 7)</p>

Установка Крижанича на генетическую «чистоту» «русского» языка мотивировала также его отрицательное отношение к признанной Смотрицким формальной избыточности, которая могла быть поддержана, по мнению Крижанича, польским языком. Смотрицкий ввел для существительных мужского рода твердого варианта склонения нестандартную флексию **-Ы** в grammатической позиции **P. ед.** (для слова «домъ») и стандартную флексию **-АМИ** в grammатической позиции **T. мн.**, которая рассматривалась либо как единственный нормативный формант (для слова «домъ»), либо как более предпочтительный вариант по сравнению со стандартной флексией **-Ы**, порождавшей омонимию по падежу **V. мн.** = **T. мн.** Крижанич в grammатической позиции **P. ед.** устранил нестандартную флексию **-Ы**, а в grammатической позиции **T. мн.** заменил и стандартную флексию **-АМИ**, и стандартную флексию **-Ы** на снимавшую омонимию флексию **-МИ**, кодифицированную Смотрицким для существительных мужского рода мягкого варианта склонения и имевшую поддержку в хорватском языке:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
-А, -Я	-А
«С्�тёро́кайта вто́раго склоне́ния: Ро́т: тогó домо́в» (ГС. л. 57 об.)	«Се́ творе́нје на Я, јест ле́шица. На ле́хом бо јест окончан се́й изрок: Того чася... Речи: Того часа...» (ГИ, 7)

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Т. мн. м.:	
-Ы, -АМИ	-МИ
«Второе склонение Тв. домы, клемретамы и клемреты, гармамы, и гармы, вонны, и вонны, юродами, и юроды...» (ГС, л. 43)	«Нимци и Жидови јесу́т Я Ле́хов наш језик мерзко ска- зали, а Билоруси сут того сказе́нja вного завзели: и на сем мистъ чине́т нестёрен преврат, јеже ов прегиб творе́т на АМИ...» (ГИ, 16) (в образце склонения фор- ма на -МИ: Братми)

Диагностической зоной, релевантной для выявления различий лингвистических установок Смотрицкого и Крижанича, явилась и зона «своих» средств выражения, задававшая проблему *формальной избыточности* церковнославянского языка: идея *правильности* языка, которой придерживался Смотрицкий, требовала сложной языковой структуры и, следовательно, сохранения и дифференциации грамматических синонимов, тогда как идея *правильности и понятности*

языка, предложенная Крижаничем, наоборот, предполагала простояту языковой структуры и, следовательно, снятие всех грамматических синонимов.

Так, принципиально разными явились взгляды Смотрицкого и Крижанича на решение проблемы формальной избыточности, порожденной противопоставлением флексий по признаку качества конечного элемента основы. Смотрицкий последовательно проводил принцип фонетической дифференциации флексий, который позволял держать формальную дистанцию между книжным и некнижным языком, тогда как Крижанич, напротив, отказывался от реализации данного принципа, если это позволял некнижный язык. Так, в грамматических позициях П.=Д. ед. ж., П. ед. м., П. ед., мн. ср. Смотрицкий сохранял противопоставление флексий -ѣ (Хъ) / -И (Хъ), а Крижанич снимал это противопоставление посредством выбора флексии -ѣ (исключение составила грамматическая позиция П. ед. ср., в которой сохранилось противопоставление флексий для снятия омонимии):

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
П. – Д. ед. ж.:	
-ѣ /'-И	-ѣ
«Первое Склонение Дат. (=) Сказ.: Дѣвѣ, Влазѣ, Рѹцѣ, Сносѣ (//) Мрежи, Лади, Стыни» (ГС, 32 об.–41)	«Опѣт на овом мѣстѣ Лѣхи, Билорѹсѧни и Смотрицкы чинѣт непотрѣбни разбор меж знаковыми нницами: и при тонких изглашајѣт І, или є... Главѣ, Рѹце: а при шумних изглашајѣт Ї: при стражи, при лады... Али пак нам нѣст пригодно таково разбиранїе: но паче всѧ јмена сего прѣтвора могутсѧ овдї кончит на є...» (ГИ, 20)

П. ед. м.:	
-ѣ / '-и	-ѣ
<p>«Второе Склонение (//) Четвертое склонение</p> <p>Ска². ед. Клевретѣ (//).. пастыри</p> <p>Ска². мн. клевретехъ(=) пастырехъ»</p> <p>(ГС, л. 43, 63 об.)</p>	<p>«Різво говорѣщ, опѹшицаєтсѧ двојгласница є: и от тонких кончн придниник се изрекаєт на І, или є: при Брати, и при Братьe. А от швмнх, на Й: при Кральи» (ГИ, 9)</p> <p>(в парадигме: При Братьe, При Кральe)</p>
П. ед., мн. ср.:	
-ѣ / '-и	-ѣ / '-и
-ѣхъ / '-ихъ	-ѣхъ
<p>«Второе Склонение (//) Четвертое склонение</p> <p>Ска². дреvъ...древехъ, и дреvъхъ</p> <p>значенін ... значенінхъ</p> <p>(ГС, л. 45, 45 об. и 70, 70 об.)</p>	<p>«От ѡмѣн пѣтого ѹзора Приднинник јединнин се творит на є: а вно- жинин на єхъ: на селѣ, на се- лѣхъ...А от ѡмѣн шестого прѣтвора Приднинники идуть згдно на І, и на ЙХ: Мори, Мориx... въ пѣтом ѹзорѣ лїпо изрекајем приднинник на є... Али въ шестом ѹзорѣ не творим на є, но лише на І. Да будет разность от ѡменинка и от крознника, киь се изрекајет на є» (ГИ, 25–26).</p>

Стремясь снять грамматическую синонимию посредством унификации языковых элементов, Крижанич отрицал возможность решения проблемы грамматической синонимии посредством дифференциации элементов, предложенной Смотрицким. Данная точка зрения Крижанича проявилась в критике кодифицированной

Смотрицким формальной избыточности, обусловленной употреблением стандартных и нестандартных флексий, а также стандартных и нестандартных парадигм.

Наиболее формально нагруженными оказались в грамматике Смотрицкого грамматические позиции **Р. ед.**, **Д. ед.** и **И. мн.** у существительных мужского рода. В грамматической позиции **Р. ед.** Смотрицкий кодифицировал наряду со стандартной флексией **-А** нестандартную флексию **-Е**, мотивированную словообразовательными особенностями определенной группы имен (наличие суффикса **-ЕН-**), а также нестандартную флексию **-И**, имевшую лексическую прикрепленность (слово «путь»). В грамматической позиции **Д. ед.** Смотрицкий представил помимо стандартной флексии **-Я** нестандартные флексии **-ОВИ/-ЕВИ**, маркирующие группу односложных имен. В грамматической позиции **И. мн.** Смотрицкий предложил сложную схему дифференциации формантов, включавшую разные уровни мотивации: оппозиции флексий в зависимости от качества конечного элемента основы **-И / -ИЕ, -Е** (для имен с основой на *j*), оппозиции флексий в зависимости от словообразовательных особенностей имен **-ОВЕ/-ЕВЕ** (для односложных имен), **-Е** (для имен с суффиксом **-АНИН**), а также свободную вариативность флексий **-ИЕ, -Е**. Крижанич, руководствуясь принципом унификации средств выражения, устранил во всех позициях нестандартные флексии как неупотребительные:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
-А, -Е, -И	-А
«Всѧ на/ нь, кончा�щаſасѧ склонениѧ сегѡ имена/ чистъе родитѣлныи единственныи сходити творят на/ е, нежели на/ я: якѡ, корень/ корене: степень/ стѣпене: камень/ не: день/ дне: пламень/ не, путь» (ГС, 72 об.)	«Ізкерник сеъ изходит на А, а не інако. Затож обличай: Паче камене честна, пс. 18. Право реци: Паче драга камена...» (ГИ, 7).

Д. ед. м.:	
-Ы, -ОВИ / '-СВИ	-Ы
<p>«Склоненијем сегѡ ймена изразити єдинносложнаја растворјатися моћи ѕадежехъ мала всѣхъ јакш, сынъ или снови домъ или домови врачю или врачеви» (ГС, 50, 57 об., 72)</p>	<p>«претгив јмајет дви кончиини, једињу на љ, а другу на ОВИ по првом илан на СВИ по втврдом 8зори' .... синъ, синови... врачъ врачеви... Али Хервати николиж неизживајут тоје кончиини на ВИ и за кметскъ јзв почнатајут» (ГИ, 9, 10)</p>
И. мн. м.:	
И, -Е, -ОВЕ / '-ИЕ, -Е, -СВЕ	-И
<p>«Именителный же множественный на/ іе: нежели на/ Е: јакш, каменіе/ степеніе/ кореніе/ дніе/ пламеніе» Им. мн. Господіе пастыріе или пастыре... свѣднителіе или свѣднителе...» (ГС, л. 63 об.-65, л. 72 об.) «Имен. мн. синове врачіе, враче, или врачеве» (ГС, л. 50, 57 об., 72)</p>	<p>«А јније кончиини на ЈЕ и на Е јесчт згола сказни и мерзки... Пастнрје, Господје... А јошице горе, Свнднителе... Степене, Камене... Право се велић, Пастнри, Свнднителни, Степенъи, Камени...» (ГИ, 10-11) «по извѣткѣ, и по припрѣстом изроќѣ, двојескладни ѡменнији преминъајутсе на ОВЕ и на СВЕ» (ГИ, 10);</p>

Избирательный подход Крижанич продемонстрировал, критически оценивая кодификацию Смотрицким стандартных и нестандартных парадигм. Смотрицкий предложил нестандартные парадигмы единственного и множественного числа для имён существительных среднего рода с подвижной словообразовательной структурой (тип «слова-словеса»), а Крижанич, ориентируясь на свой родной язык, счел приемлемым вариативность стандартных и нестандартных парадигм множественного числа и разрешил только стандартную парадигму единственного числа:

«Смотрицкъ кладетъ особи́то претварање. А по Херватскѣ прирастокъ ниستъ обиченъ въ јединичномъ и во двоичномъ числѣ, а во вложинномъ изрикајути двојако» (ГИ, 24–25).

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
стандартные+нестандартные парадигмы (ед., дв., мн.)	стандартные +нестандартные парадигмы (мн.)
Имен. словесо илн слόво	Ово Слόво
Род. словесé	От Слόва
Дат. словеси	Ко Слόвъ
Вин. слόво	Слόво
Зват. слόво	Слόво
Твор. словесемъ	Со Слόвом
Сказ. словеси	Прн Слόвъ
Имен. словеса	Слόва и Словеса
Род. словесъ	Слóв и Словес
Дат. словесемъ	Слóвом и Словесом
Вин. словеса	Слόва и Словеса
Зват. словеса	Слόва и Словеса
Твор. словесы	Слóвми и Словесми
Сказ. словесехъ	Слóвѣх и Словесехъ

Нестандартные парадигмы Смотрицкий предложил также для всех существительных женского рода с подвижной словообразовательной структурой (типы «мати-матерь», «любы-любовь»), а Крижанич признал нормативной только нестандартность изменения слов «мати, дци», что было мотивировано хорватским языком:

«Смотрицкъ велитъ претварат (имена корв, лъгов, церков) jako МАТИ» (ГИ, 29).

Некоторое сходство позиций Смотрицкого и Крижанича наблюдалось при решении проблемы *формальной недостаточности* церковнославянского языка: оба грамматиста стремились снять омонимию, что отражало установку конфессиональной культуры на достижение «прозрачности» богоухновенных текстов. Однако способы решения проблемы и последовательность применения избранных способов не совпадали.

Смотрицкий рекомендовал орфографический способ снятия омонимии, построенный на оппозиции дублетных букв и надстрочных знаков, и грамматический, задававший на правах вариантов наряду с омонимичными флексиями неомонимичные.

Крижанич отвергал ориентированный на греческое письмо орфографический способ и выступал за последовательное применение грамматического способа снятия омонимии, что выражалось, например, в критике формальных показателей Р. ед. м.:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
«клеврѣтъ, коннъ, ходатай, мравій, зної, крагъї, любодѣй..., пророкъ // прорѣкъ снъ // синъ илн сынишвъ, врачъ // врачъ илн врачеvъ.» (ГС, л. 43–69).	«Смотрицкы чинит сеъ прегиб јменникъ јединичномъ сподобен: от Пророкъ, от вояинъ, от клеврѣтъ, от ходатай, мравій, зної, крагъї, льбодѣй. А от никоиихъ чинит дви кончини: От синъ, и синовъ, От врачъ, и врачевъ... Вса јисна... липо и правилно се тко- рет на ОВ, и на ЕВ» (ГИ, 13–14)

Детальному критическому разбору Крижанич подверг представления в грамматике Смотрицкого пересекавшиеся ряды именных форм, задававших одновременно *формальную избыточность* и *формальную недостаточность*.

Так, имена существительные женского рода (тип «дѣва / мрѣжа») в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. являли в грамматике Смотрицкого формальную избыточность, мотивированную фонетическими особенностями основы -Ы / (+ шипящий и -ц) -А, и формальную недостаточность, проявлявшуюся в омонимии по падежу и числу в мягком варианте склонения И. ед. -А = Р. ед., И.-В. мн. -А. Имена существительные мужского рода, относившиеся к этому же типу склонения, представляли аналогичную формальную сложность в грамматической позиции В. мн., т. е. являли дифференциацию флексий -Ы / (+шипящий) -А и порождаемую при этом омонимию по падежу и числу И. ед. -А = В. мн. -А. Определенное ограничение омонимии И. ед.=В. мн. давала флексия -Ы, представленная Смотрицким в грамматической позиции В. мн. м. как допустимый вариант наряду с флексией -А у существительных с исходом на шипящий. По мнению Крижанича, замена неупотребительной флексии -А употребительной флексией -И в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. одновременно снимала грамматическую синонимию и омонимию, и тем самым уменьшала дистанцию между книжным и некнижным языком:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. ж., И.-В. мн. ж. В. мн. м.:	
-Ы/ -А -Ы/'-А, (+шипящий) -А, -Ы	-И -И
«Имена на / жа: ца: ча: ша: ща: на а, чистое:/ ы на / ж, чистое:/ ы нечистое/ко"чаша/аса мъжеска/а тврлатъ родителный единственныи, именителный и звателный множественныи на /и: женска/а на / ж: звателный на /е... Винителный множест- венныи мъжеска/а на/ы: н'/ж: женска/а на: ж...	«Смотрицкыи овді чиннѣ раз- лъченї въ знаковнцах, илтн въ конечнїх негласницах и ве- лнт; јеже ѡмена јмающа Тонкије знаковнци, чиннѣт Јзкерник на И... А ѡмена јдающа на Швмије знаковнци: се јест, на Жа, Лъа, Нъа, Ча, ША, Ща, Я, творет Јзкерник јединничнъ (и Јмен- нѣк, да Зовник, вложннније)

Имен. ед. Дѣва, Мрѣжа
 Род. ед. Дѣвы (/) Мрѣжъ
 Имен., мн. Дѣвы (/) Мрѣжъ
 Вин. мн. Дѣвы (/) Мрѣжъ
 Имен. ед. Ўшна, юноша
 Имен. мн. Ўшны, юноши
 Вин. мн. Ўшны, юноши
 (/) юноша»
 (ГС, л. 32, 36, 37).

«И се вѣстно бѣди/ самыя Ор-
 фографія дѣла полагаемъ
 бытн/ а, во шкончаніи зде и въ
 пѣрвомъ склоненіи виннителнаго
 множественаго/ въ пѣрвомъ же
 и Роднителнаго на/ жа, ца, ча,
 ша, и ѿща, кончающыя
 жѣнскыя: произносимо же бытн/
 ѹакъ а: отца/ ѹако же отца,
 чванца/ ѹако же чванца: и про».
 Дѣннница/ мрѣжа/ юноша/
 предотеча/ ѿбрѣща/ ѹако же/
 дѣнница/ мрѣжа/ юноша/ пре-
 дотеча/ ѿбрѣща/ ѹако же/
 дѣнница/ мрѣжа/ юноша/ пре-
 дотеча ѿбрѣща: и про»
 (ГС, л. 49 об.).

мъжска на Ї: а жѣнска на А. А
 крознїкъ вножиннъ мъжска на
 І, или А: а жѣнска једино на
 А: какот.
 Мъжска: Тобъ љуноша
 Жѣнска: Таја Мрѣжа
 Мъж: От тога љуноши
 Жѣн: От тоја Мрѣжа
 Мнѣ пакъ такова правила
 нѣхалим: зато јеж бесидѣ чи-
 нитъ двојвенъ, и ненразомниъ, и
 слившти мѣрзкъ. Або гдѣ јестъ
 трѣба различно чинитъ прѣгнѣомъ
 окончанїе, тамо нѣстъ различици:
 рѣкши меж дѣннинкомъ
 једниничнимъ, и меж производни-
 ми прѣгнѣами: коын по томъ
 правилу вси једнако изходете на
 А: кѣ једна дѣаша, кроз в ногије
 дѣаша.
 А сверхъ тога такова нераз-
 личнаго творенja на А, илнти
 на А, ингднже нѣстъ въ обищемъ
 лѣдскомъ говоренїју: разви лише
 8 лѣхое јестъ нѣчто тому спо-
 дено. Рѹсјани бо всије тије
 производније прѣгнѣни једнако и
 липо творите на І: ћоцъ съ тон-
 кими, ћоцъ со швомними неглас-
 ницами и изрикају довоно сије,
 От дѣши...» (ГИ, 18—19)

Равным образом, имена существительные мужского рода (тип «кlevretы / пастырє, или пастыре») в грамматической позиции В. мн. демонстрировали в грамматике Смотрицкого формальную избы-

точность, заключавшуюся в дифференциации флексий в зависимости от конечного элемента основы **-Ы /'** (+ шипящий и -ц) **-А**, и формальную недостаточность, проявлявшуюся в омонимии по падежу и числу Р. ед. **-А**, **-А = В. мн. -А**. Ограничение омонимии достигалось посредством флексии **-Ы**, допустимой в качестве варианта у имен существительных мужского рода с основой на -ц. Предпринятая Крижаничем замена флексии **-А** на флексию **-И** снимала синонимию в **В. мн.** и омонимию Р. ед. = **В. мн.**. Однако флексия **-И** порождала омонимию **И. мн. = В. мн.**, поскольку Крижанич считал единственной возможной для позиции **И. мн.** стандартную флексию **-И**, а не кодифицированные Смотрицким нестандартные флексии **-ИС**, **-С**. Полное снятие омонимии было возможно, по мнению Крижанича, посредством введения в грамматическую позицию **В. мн.** флексии **-С**, характерной для хорватского языка:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
В. мн. м.:	
-Ы /'(+шипящий и -ц) -А	-И или -С
«Род. ед. Клєврета (/) па́стыра, ... Вин. мн. Клєвреты (/) па́стырь, ... Род. ед. Ѹтца Вин. мн. Ѹтцы, и Ѹтца» (ГС, л. 48).	«...мे́рзко и бле́дно се́ чтéт... по- стáвльено јА, или А... Возложáт на олтар твóй телцá, Все поправи сице: Возложéт на олтар твóй телци или телце» (ГИ, 11, 12).

Крижанич оставил без оценки материал «простого» «русского» языка («простой мовы»), маргинально явленный в грамматике Смотрицкого. Однако сопоставление примеров на «простом» «русском» языке, данных Смотрицким, с примерами на книжном «русском» языке, предложенными Крижаничем, дает возможность увидеть определенное сходство «русского» языка Смотрицкого и «русского» языка Крижанича, основанное на отталкивании от греческого языка. Диагностическими признаками «русского» языка являются глагольно-личные конструкции, противопоставленные причастным и инфинитивным конструкциям «славенского» языка:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.		Грамматика Кри- жанича 1666 г.
причастные конструкции	глагольно-личные конструкции	глагольно-личные конструкции
<p>«Бгъ єсть дѣйствѹмъ во вѣсъ и єже хотѣти и єже дѣлти» (ГС, л.221), «Бгъ сый миra, Оцъ щедротъ» (ГС, 226 об.)</p>	<p>«Богъ єсть котѹрый справѹетъ вѣсъ и то авысте хотѣли, и то авысте чинили» (ГС, л.221)</p>	<p>«Услышит Богъ, иже јестъ прежде виновъ.» (ГИ, 164)</p>

Грамматика Смотрицкого 1619 г.		Грамматика Крижанича 1666 г.
инфinitивные конструкции	глагольно-личные конструкции	глагольно-личные конструкции
<p>«Оудержнъ языкъ свой ѿ зла/ и оустигнъ свой єже не глати лстн.» Бгъ єсть дѣйствѹмъ во вѣсъ и єже хотѣти и єже дѣлти.</p> <p>Лице же Гднє на- творѧщымъ зламъ, єже потребиши ѿ земли память ихъ» (ГС, л.220, 221)</p>	<p>«Гамѹмъ языкъ свой ѿ злогъ/ и оуста твой не- хай не моватъ зрады Богъ єсть котѹрый справѹетъ вѣсъ и то авысте хотѣли, и то авысте чинили» (ГС, л. 221)</p>	<p>«Лице пакъ господнє на творѧщихъ зло: да потребиши от земли паметъ ихъ» (ГИ, 182)</p>

1.2. Острожская Библия 1580 г. < книжная справа Юрия Крижанича 1666 г.: правильность языка // правильность и понятность языка

Стремление реализовать систему кодифицированных норм в императивных конфессиональных текстах обусловило «справу» псалмов, представленную в правилах-комментариях в грамматике Юрия Крижанича. Подвергшиеся исправлению псалмы могли быть взяты Крижаничем из Острожской Библии, поскольку приведенные им примеры совпадают с текстом Острожской Библии. Кроме того именно текст Острожской Библии Крижанич подвергал критике в своих сочинениях: «Бѣлорѹсци при тискованыи Библии ... много премѣнѣнїе Чинниша» (Об., 2–3). Исправляя псалтырный текст, Крижанич стремился преодолеть «шатост ... книжніх преводов», что должно было привести «ко Упокойенїю народніх събор ... цирковного раздѣла» (ГИ, V).

Руководствуясь теоретическими взглядами, изложенными в грамматике, Крижанич устранил в библейских текстах как *формально-семантическую недостаточность*, так и *формально-семантическую избыточность*, носившую заимствованный или исконный характер.

Формально-семантическая избыточность в библейских текстах определялась, по мнению Крижанича, грамматической категорией числа, представленной трехчленным рядом форм. Считая формы двойственного числа семантически избыточными элементами, поддержанными греческой грамматикой, Крижанич заменял их на формы множественного числа:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
ГК числа: формы дв. числа	ГК числа: формы мн. числа
пс. 7:4 «въ рѹкѣ моєю» [Въ рѹкѣ моїхъ]	«Въ рѹкѣхъ моиныхъ»
пс. 23:4 «не повиненъ рѹкамъ» [Не повинен рѹкамъ]	«Не повинен рѹками»
пс. 21:10 «ѡ сосцѣ мѣре моемъ» [От сосцѣ матерѣ моѣ]	«От сосцѣв матерѣ моїе»

Равным образом, Крижанич преодолевал и *формально-семантическую недостаточность*, проявлявшуюся в псалтырном тексте в отдельных случаях нереализованности грамматической категории одушевленности //неодушевленности:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
В. ед.=И. ед.: отсутствие реализации ГК одуш. // неодуш.	В. ед.=Р. ед.: наличие реализации ГК одуш. // неодуш.
пс. 30 «бýди ми в бýть защищитель» [бýди ми въ Бог защищител]	«бýди ми въ Бога защищитеља»
пс. 105:19 «сътвориша телецъ» [створиша телец]	«сътвориша телца»

Наибольшую *формальную избыточность*, обусловленную бытovaniem стандартных и нестандартных флексий, представляли в Острожской Библии имена существительные мужского рода в грамматических позициях Р. ед. и И. мн.. В грамматической позиции Р. ед. употреблялись имена существительные со стандартной флексией -А и нестандартными флексиями -Е, -Я. В грамматической позиции И. мн. помимо имен существительных со стандартной флексией -И были представлены имена существительные с нестандартными флексиями -Е, -ИЕ, -ОВЕ /' -ЕВЕ. Языковая правка Крижанича заключалась в устранении всех нестандартных флексий:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
-А, -Е, -Я	-А
пс. 18: 11 «Паче камене честна» [Паче камене честна]	Паче драга камена
пс. 113:1 домъ [домъ]	дома

И. мн. м.:	
-И, ИЄ, -Є, -ОВЄ/ '-ЄЄ	-И
пс. 103:11 «зѣт҃рїє» [зѣт҃рјє]	«зѣт҃рн»
пс. 26:12 «свѣдѣтеле» [свидѣтеле]	«свидѣтельн»
пс. 4:3 «Сїнвє» [Сїновє]	«Сїнни»
пс. 148:7 «змїнєве» [змїјевє]	«змїнън»

Формальную недостаточность задавали имена существительные мужского и женского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -ц. Так, имена существительные мужского рода являли омонимию Р. ед. -А, -А = В. мн. -А, а имена существительные женского рода порождали омонимию И. ед. -А = Р. ед., И.-В. мн. Установка на снятие омонимии реализовалась в замене флексии -А флексией -И и в признании возможной замены флексией -Е, мотивированной хорватским языком:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
В. мн. м.:	
-А	-И, -Е
пс. 50:21 «възложатъ на ѡлтаръ твой телца» [возложат на олтар твой телца]	«возложёт на олтаръ твой телци» [телце]
пс. 149:8 «Свѧзати царя твои пугты» [Свѧзати царя твоих пугти]	«Свѧзат царя твоих [царе твоих] пугти»
пс. 117:9 «оѹповати на кнїза» [ѹповати на кнїзга]	«надијатсε на кнєзи» [на кнєзе]

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
Р. ед., И.-В. мн. ж.:	
-А	-И
пс. 19:7 «сп̄сениe деснiца ёго» [Спасенje деснiца ёго]	«Спасениe деснiци јего»
пс. 10:6 «чaсть чашa нiхъ» [Чaст чашa нiх]	«Чaст чашn ьнх»
пс. 106:16 «верeа жeлeзныя слoмни» [Верeя жeлeзниja сломни]	«Верeи жeлeзниja сломн»
пс. 18:8 «обращaa дiша» [Обращајa душa]	«Обращајuщ душни»
пс. 17:15 «моhниj оuмножи» [Молниja умножи]	«Молнии ӯвножи»

Сферу основных исправлений Крижаничем текста Острожской Библии определяли синтаксические конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: если книжники, создававшие Острожскую Библию, стремились к грецизации как к средству достижения языковой правильности библейского текста, то Крижанич отказался от формально сематической грецизации, нарушающей понятность текста.

Объектом последовательной элиминации выступали конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом, причастные конструкции, инфинитивные конструкции с обстоятельственным значением и конструкции с одинарным отрицанием:

Острожская Библия 1580 г. [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
п. 8:7 въсмъ покорилъеси поюзъего [Всѧ покорил єси пѡд нозѣ єго]	Всѣ ѿси ѹпокорил под ѿго ноги
п. 77:11 забыша блгодатлнїй єго ичюдѣсь єго, ихъже іавї імъ [Забыша чудес єго : ихже яви им]	Чудес : яже ьнм ѿест явил
п. 2:4 Живыи на небесехъ по- смѣтсѧ имъ [Живыи на небесех посмѣт са им]	Же живет на небесех, насмѣт ьнм се
п. 33: 17 лице же гнѣ на творяща злаа, еже потревити ш землю память ихъ [Лице господнѣ на творяща злаа еже потревити от земли памятъ ихъ]	Лице пак господнѣ на творящих зло, да потревит от земли памятъ ихъ
п. 22:1 ничтоже же ми лишилъ [ничтоже же лишил]	ничто же ме не лишил (ГИ, 160)

Работая с грамматикой Смотрицкого и с текстом Острожской Библии, Крижанич опосредованно вступал в своеобразную полемику с московскими книжниками.

Сферу разногласий московских книжников и Крижанича определяли прежде всего синтаксические конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: если Крижанич отказывался от формально-семантической грецизации, то московские книжники, наоборот, склонялись к усилению грецизации как к средству достижения языковой правильности библейского текста. В качестве доказательства такого рода разногласий можно привести интерпретации полинегативной и мононегативной конструкций, данные Симеоном Полоцким и Юрием Крижаничем.

Вопрос о значении конструкций с двойным и одинарным отрицанием являлся предметом полемики никониан и старообрядцев. Так, старообрядец священник Лазарь упрекал никониан в том, что они наделяют отрицательным смыслом только моногативную конструкцию, а полинегативной конструкции придают положительный смысл, следуя рекомендациям грамматики Мелетия Смотрицкого:

«Хрѣтъ воскресе никто же не вѣруетъ... Се же есть велий соблазнъ, ибо вси вѣрютъ». Отвечая на этот упрек, Симеон Полоцкий возражает Лазарю: «Никто же не вѣруетъ, тожде знаменуетъ еже всякъ вѣруетъ... Иди прежде научися грамматичествовати» [Полоцкий 1667, л. 100 об.–101].

Юрий Крижанич, подобно старообрядцам, полагал, что конструкция с двойным отрицанием несет отрицательный смысл, и критиковал распространение в библейских текстах конструкций с одинарным отрицанием как синтаксических грецизмов, порождавших дистанцию между книжным и некнижным языком:

«Отрицање НЕ опущајути из места переносит... Ничтоже ме лишишт. Речи, Ничтоже ме нeliшишт» (ГИ, 160).

Сходство лингвистических установок московских книжников и Крижанича проявлялось только в зоне *формальной недостаточности*, поскольку снятие омонимии было общим стремлением книжников к однозначному соответствуанию плана содержания и плана выражения. Зону совпадения правильного «славянского» языка и понятного книжного «русского» языка определяли позиции Р. ед., И.-В. мн. (=И. ед.) для существительных женского рода и В. мн. (=Р. ед.) для существительных мужского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -ц: московские книжники и Крижанич заменяли у имен в этих позициях флексию -А на флексию -И, снимавшую омонимию.

Единство взглядов московских книжников и Крижанича на устранение форм, порождающих омонимию, может быть также доказано интерпретациями формы В. мн. м. на -А, данными Симеоном Полоцким и Юрием Крижаничем. Симеон Полоцкий, отвечая на критику старообрядцев, протестующих против замены в грамматической

позиции В. мн. формы «тѣльца» на форму «тѣльцы» в заключительной фразе 50 псалма, мотивировал эту замену снятием омонимии:

«Сей ъбо падежъ виннителный множественный кончашійся на ЦА ненскѹсніи списателіе измѣниша на ЦД, и тако сотвориша виннителный падежъ единственного числа» [Полоцкий 1667, л. 146].

Равным образом, Юрий Крижанич не допускал форму В. мн. «тѣльца» в 50 псалме как омонимичную:

«Мѣрзко и блѣдно се чтѣтъ въ никоихъ мѣстахъ поставлено ЙА или А... Возложатъ на олтарь твѣ тѣлца, пс. 50. Всѣ поправи сице: Возложетъ на олтарь твѣ тѣлци или тѣлце» (ГИ, 12).

Установка на понятность языка позволяет включить в культурно-языковую «цепочку» и Псалтырь Фирсова, которая являлась реальной негативной репликой на официальную московскую книжную справу и тем самым функционально пересекалась с псалтырными текстами, исправленными Крижаничем. По мнению и Крижанича, и Фирсова, пониманию «словенского» (книжного «русского» языка) мешало влияние других языков, в первую очередь, греческого языка:

«Грѣки... вѣс составъ и обличје нашего језика по обзорѣ на свѣтъ језикъ изо дна извратили и претворили» (ГИ, IV),

«... на всякий день читаютъ ея (псалтырь) во црквиѣ бжїи, но разумъ читаемаго въ немъ намъ вѣдати невозможенъ... тогъ ради, иже въ нашемъ фалтире многи реченіи разныхъ языковъ, намъ ихъ невозможенъ разумѣти, но тѣн токиши вѣдаются иже многимъ языкамъ искѹсніи суть», поэтому “ради истинныя вѣдомости и увѣренія неразумныхъ и простыхъ людей... въ сенъ книгѣ фаломонъ и столованы фалмы на нашъ простонъ словенсконъ языкъ... безъ всякаго укращенія, удобнѣнишаго ради разумъ... здѣ нѣсть реченіи греческихъ, латинскихъ, сербскихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая шыклая рѣчь, удоборазумнителная предложенна безъ укращенія» (ПсФ, 27–28).

Понятность книжного языка достигалась посредством устранения синтаксических грецизмов, в число которых входили конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., полифункциональные причастные и инфинитивные конструкции, а также конструкции с одинарным отрицанием:

«Псалтырь» Крижанича 1666 г.	Псалтырь Фирсова 1683 г.
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 8:7 «всѧ покорілъ єси под нозѣ́го»	
«Всѧ єси упокорил под јего ноги»	«Все покорил еси под нозѣ егѡ»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 77:11 «завыша блгодѣлнїй єго ичюдѣсть єго, ихъже ѹвн имъ»	
«Чудес: јаже ынм јест ѿвн»	«Забыли блгодѣлнє егѡ, и дневныя чудеса егѡ которым имъ показал.»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 2:4 «Живыи на небесехъ посмѣется имъ»	
«Же живет на небесех, наставляет ынм се»	«Но тон же живетъ въ неби, посмѣется имъ»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 33:17 «лице же г҃е на творяща зла, еже потребити въ землѣ память ихъ»	
«Лице пак господнє на творящих злѣ, да потребит от земли память ихъ»	«Но лице г҃дне на творящим зла, дабы искоренил со земли память ихъ»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 22:1 «ничто же ма лишитъ»	
«ничто же ме не лишиш»	«никаковаго недостатка не боюся»

Несмотря на различия во взглядах на церковнославянский язык, характерных для «греко-славянского» и «латино-славянского» пространств, московские книжники интересовались лингвистическими изысканиями Крижанича, о чем свидетельствуют списки его лингвистических трудов в авторитетных книжных собраниях. Так, например, список грамматического трактата хранился в библиотеке Никифора Симеонова, участвовавшего в никоновской и иоакимовской справах, а список орфографического трактата был найден в библиотеке тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, принимавшего участие в петровской книжной справе. Однако принято считать, что «открытие» Крижанича состоялось только после публикаций его сочинений в XIX веке, в контексте панславизма. Приверженцы разных лингвистических концепций были едины в оценке Крижанича как «пророка и отца панславизма»: с одной стороны, создав грамматику «русского» языка Крижанич «разглядел в тумане отдаления выступающий образ России и великое призвание ее в среде славян» [Будилович, 1892], а с другой стороны, сопоставляя данные «русского» языка с данными других славянских языков, Крижанич «впервые применил сравнительный метод» [Бессонов, 1870]. Поиск панславистами своих исторических корней не позволил, к сожалению, адекватно понять сходства и различия лингвистической рефлексии конфессиональной и секулярной культуры. Некоторое разрешение данной проблемы возможно в рамках процесса культурно-языкового реплицирования, поскольку *потенциальной культурно-языковой репликой* на грамматику Крижанича, реализовавшейся в *секулярной* культуре, может рассматриваться грамматика Маяра, а *потенциальной культурно-языковой репликой* на «Псалтырь» Крижанича — Псалтырь В. А. Жуковского.

§2. Грамматики и книжная справа в секулярной культуре: культурно-языковые реалики во времени культуры

2.1. «Граматично изказанје об руском језику» Юрия Крижанича 1666 г. <«Узаемні правопис славянскі то је: Uzajemna Slovnica ali mluvica Slavjanska» Матти Маяра 1865 г.: понятность языка

Определенное сходство лингвистической рефлексии Крижанича и Маяра было мотивировано установкой на понятность «общего» литературного языка славян, которая достигалась посредством выбора грамматической семантики, общей для языков, в координатах которых реализовалась рефлексия. Близость теоретических установок поддерживалась некоторым пересечением и самого языкового материала, поскольку оба грамматиста «работали» с церковнославянским языком. Диагностической зоной, релевантной для выявления сходства лингвистической рефлексии Крижанича и Маяра, является «зона грамматических категорий и средств выражения».

Так, например, в книжном «русском» языке Крижанича и во «взаимнославянском» языке Маяра нормативной реализацией грамматической категории одушевленности // неодушевленности признавалась реализация только у имен мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**: поскольку выбранные кодификаторами славянские языки получали общее формальное выражение одушевленности // неодушевленности только у имен мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**, расширение объема реализации данной категории за счет грамматических позиций **Р. ед.**, **Д.-П. ед.**, **И. мн.**, **В. мн.** у имен мужского рода и за счет грамматической позиции **В. мн.** у имен женского и среднего рода, а также реализация грамматической категории лица не допускались.

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
«От јмен знаменѹщих дѹшатије илти Живѹшије већни, крозник идет на А. Хвалите господा. А от знаменѹщих Недѹшатије већни, крозник се твориц једнак јменник. кроз град» (ГИ, 7).	«Statna mužska životna delaju v vseh narečijih pad. 4 jednotni jednak drugomu, neživotna jednak prvomu» (УП, 110).

Включенность в «грамматическую работу» Крижанича и Маяра церковнославянского и хорватского языков определила совпадение в реализации грамматической категории лица: в книжном «русском» языке и во «взаимнославянском» языке категория лица охватывала весь состав форм, при этом маркерами выступали формы сослагательного наклонения, которые задавали дистанцию между книжным и некнижным «русским» языком и дистанцию между разными славянскими языками.

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
<p>«Рѹсјани везді велёт БИ, кт, ЈА би јмал, Ти би јмал, Он би јмал, Ми би јмали, Ви би јмали, Они би јмали.</p> <p>А Хервати въ пे́рвих осо́бах не- преминно велёт БИХ и БИСМО, а въ осталних изрикају́т двојако, Ви бысте јмали, или Ви би јмали, Они быху́ јмали или Они би јмали» (ГИ, 78).</p>	<p>старославянский язык: хва- лилъ(и) быхъ, бы, бы, бы- хомъ, бысте, бышя / русский язык: хвалилъ(и) бы / серб- ский язык: хвалил (и) бих, би, би, бисмо, бисте, би / чеш- ский язык: chvalil(i) bych, bys, by, bychom, byste, by /поль- ский язык: chwalil(i) bym, bys, by, býstmy, byscie, by → «взаимнославянский» язык: хваліл(и) біх, бі, бі, бісмо, бісте, бі.» (УП, 203–204).</p>

В «зоне средств выражения» сходство книжного «русского» языка и «взаимнославянского» языка было обусловлено выбором общих стандартных формантов и отказом от общих нестандартных формантов. Так, у существительных мужского рода Крижанич и Маяр снимали флексии, восходившие к праславянскому склонению на *и:

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
<p>Р. ед.: -А, -Я → -Я «Се творенje на Я, јест лешицна. Лехом во јест обижен сеј изрок: Того чася... Речи: Того часа...» (ГИ, 7),</p> <p>Д. ед.: -Я, -ОВИ/-ЕВИ → -Я «Ов прегн јмајет дви кончини, једни на Я, а други на ОВИ по пејром или на ЕВИ по вторм 8зору: кт Равя, рабови... Али Хервати николик неживадјут тој кончини на ВИ: и за кметскју почитајут» (ГИ, 9, 10).</p> <p>П. ед.: -Е / -И + -Я → -Е «Русјани често, а Хервати все- гда, творе пријивник једнак противник: то јест, на Я и ве- лејт, при Братя, при Кралья. По- тому адда, что смо рекли, ов пре- гн в ноголично се может изрец: При братъ...: при братъ» (ГИ, 9).</p> <p>И. мн.: -И, -ОВЕ/-ЕВЕ → -И «А по избитку, и по припростом изроку, двојескладни јменинки преминујутсе на ОВЕ и на ЕВЕ ... Рабове...» (ГИ, 10)</p>	<p>Р. ед.: старославянский язык: -А, -ОУ / русский язык: -А, -У / сербский язык: -А / чеш- ский язык: -А, -У / польский язык: -А, -У → «взаимносла- вянский» язык: -А,</p> <p>Д. ед.: старославянский язык: -ОУ, -ОВИ / русский язык: -У / сербский язык: -У / чеш- ский язык: -У, -ОVI /поль- ский язык: -У, -OWI → «взаимнославянский» язык: -У,</p> <p>П. ед.: старославянский язык: -Е, -ОУ / русский язык: -Е, -У / сербский язык: -У / чеш- ский язык: -Е, -U, (-OVI) / польский язык: -IE, -U → «взаимнославянский» язык: -Е,</p> <p>И. мн.: старославянский язык: -И, -ОВЕ / русский язык: -Ы, (А) / хорватский язык: -И / чешский язык: -I, -OVE, -Y / польский язык: -I, -OWIE, -Y → «взаимнославянский» язык: I. (УП, 96–97)</p>

Различие рефлексивных опытов Крижанича и Маяра определяла цель лингвистической рефлексии, которая проявилась в механизме лингвистической «работы»: если Крижанич *исправлял* реально функционировавший церковнославянский язык, понимаемый им как *традиционный «общий» славянский лингвистический и литературный язык*, призванный служить возвращению славян к единству по вере, то Маяр *создавал* новый «общий» славянский *литературный язык*, синтезируя церковнославянский язык и национальные славянские литературные языки для облегчения славянской коммуникации. Диагностической зоной, релевантной для выявления различий лингвистической рефлексии Крижанича и Маяра, является «зона локальных стандартных средств выражения»: если Крижанич, исправляя книжный «русский» язык, рекомендовал вместо «русской» формы хорватскую только при невозможности достичь «прозрачности» языка средствами самого «русского» языка, то Маяр, создавая «взаимнославянский» язык, признавал функционально равными локальные стандартные форманты, что порождало определенную грамматическую синонимию.

Так, например, у существительных мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** Крижанич рекомендовал в целях снятия омонимии флексию **-Е** хорватского языка вместо «русской» флексии **-И**, тогда как Маяр принципиально кодифицировал во «взаимнославянском» языке обе флексии:

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
<p>В. мн.: - И (или -Е)</p> <p>«Се̄ є прегӣб по Херватску из- ходит на Е.... Ј сице липо се различаєт крознік от јменнїка... негодитсє писателј сандит Хер- ватскогого окончанја вудиц ѿно да- леко отмїнно от Рѣскогого доброго но ѡжнват јест Рѣскогого обичногого окончанја ако не будет сказно»</p> <p>(ГИ, 11, 147)</p>	<p>В. мн.: -И, -Е</p> <p>церковнославянский язык: -Ы / русский язык: -Ы, -ОВЪ / хорватский язык: -Е / чеш- ский язык: -Y / польский язык: -Y, ØW → «взаимносла- вянский» язык: I, -E</p> <p>(УП, 88)</p>

2.2. «Псалтырь» Юрия Крижанича 1666 г. < Псалтырь В. А. Жуковского 40-е гг. XIX в., богослужебные книги XX в.: понятность языка.

Книжная справа, осуществлявшаяся в рамках конфессиональной и секулярной культуры, также может быть рассмотрена как последовательность культурно-языковых *реплик*: культурно-языковую «цепочку» представляли опыты книжной справы, осуществленные в XVII веке Крижаничем, а в XX веке справщиками Сергиевской комиссии в рамках церковнославянского языка, а также опыт книжной справы, явленный в XIX веке Жуковским в рамках нового русского литературного языка.

Сходство лингвистической рефлексии, выразившейся в библейских и богослужебных текстах конфессиональной и секулярной культуры, было мотивировано установкой на понятность языка, которая в первую очередь реализовалась посредством снятия греческими. В диагностической синтаксической зоне конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. заменялись на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., инфинитивные конструкции с обстоятельственными значениями — на глагольно-личные конструкции, конструкции с одинарным отрицанием — на конструкции с двойным отрицанием. Вне данной зоны оказывались причастные конструкции, которые в рамках нового русского литературного языка имели амбивалентное употребление, ориентированное на традицию, т. е. на церковнославянский язык, или на новации, т. е. на современные западноевропейские языки.

церковнославянский язык	русский язык
«Псалтырь» Ю.Крижанича 1666 г.	Цветная Триодь Сергиевской комиссии 1913 г.
(конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.) → конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед.	
пс. 8:7 «Всé ѿси Упокóрил под ѿго нóги»	«Все под ноги его поко- рил Ты»

(конструкция «еже+инфinitiv») → глагольно-личные конструкции		
пс. 33:17 «Лицे пак господнє на творецих зло, да потрибнт от землї памет ьих»	«а́зъ во ... излію дха, да возсімѣтъ желающымъ благо- датъ изобільнѹю» (нед. Пят., вс., угр., К., п. I ин., гр. I)	пс. 8:3 «Из уст младенцев и грудь сосущих хвалу совершил Ты, врагов Твоих ради, да окру- шится противник и мсти- тель»
(конструкции с одинарным отрицанием) → конструкции с двойным отрицанием		
пс. 22:1 «ни́что же ме не лишитъ»		Мф. 6:24 «Никто не мо- жет двум господинам ра- ботать»

Кодификаторы XX века воспринимали императивные тексты прошлого и современные тексты как своеобразные *культурно-языковые рифмы*, а своих предшественников, демонстрировавших сходную лингвистическую рефлексию, наделяли прототипическими функциями. Так, П. П. Мироносицкий в речи, произнесенной в 1921 г. на акте Петроградского Богословского института, подводя определенные итоги дискуссии о языке богослужебных книг, считал основной причиной непонятности языка его грецизацию, ссылаясь при этом на утверждение Юрия Крижанича: «В подавляющем большинстве случаев неясности текста наших богослужебных книг зависят от того, что текст этот является переводным, а не оригинальным, причем благовещение переводчиков перед греческим оригиналом доходило до таких крайних пределов, что перевод их является беспримерным в истории мировой литературы образцом рабского следования за оригиналом. На эту черту обратил внимание еще Юрий Крижанич. Считая греков уставщиками и законодателями славянского перевода, он выразительно говорит: «Греки наш⁸ бесн⁸ на своје копіт⁸ набили: се јест, ве⁸с соста⁸в и обличје⁸ наше⁸ јези⁸ка (по обзор⁸ на свој јези⁸) изо дна нзврати⁸ли и претвори⁸ли: та⁸ко да ни он јест Гречки⁸, ни он Р⁸уски⁸ јези⁸к» [Мироносицкий 2000, 314].

* * *

Рассмотрение опытов лингвистической рефлексии как *культурно-языковых реплик*, т. е. как определенных смысловых позиций, позволяет адекватно оценить роль той или иной культурно-языковой личности в общем процессе развития книжно-языковой культуры. Так, например, исследование лингвистической рефлексии как составляющей процесса культурно-языкового реплицирования показало, что лингвистическая рефлексия Юрия Крижанича способствовала «встрече» разных вариантов конфессиональной культуры — «греко-славянского» и «латино-славянского», а также разных типов культуры — конфессионального и секулярного: *корректирующая* лингвистическая рефлексия Крижанича и Смотрицкого была противопоставлена *креативной* рефлексии Маяра, тогда как *семантический* характер объединял рефлексию Крижанича и Маяра и противопоставлял ее *формальной* рефлексии Смотрицкого. В данном контексте Крижанича вряд ли можно назвать лишь «даровитым неудачником и даже мучеником своих благородных увлечений» [Ягич, 1910, 33], а его лингвистические сочинения «недоразумением», ибо «такого рода недоразумения суть едва ли не обязательное условие разумения при встрече различных культур, если бы не было взгляда извне, которому все видится иначе, чем взгляду изнутри, не было бы и встречи» [Аверинцев, 1996, 52].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное типологическое исследование славянской лингвистической рефлексии позволило прийти к следующим результатам:

1. Предложена типологическая модель лингвистической рефлексии в структуре типологической модели словесной культуры: тип императивных текстов (авторитетные тексты // авторские тексты) > тип книжно-языковой деятельности (репродуцирование // продуцирование) > тип литературного языка (язык с доминирующей функцией // полифункциональный язык) > тип освоения языка (мнемонический // операциональный) > тип рефлексии над языком (*структурный тип: формальный тип* – идея *правильности языка* / *семантический тип* – идея *понятности языка*, *функциональный тип: дивергентный тип* – идея «*своего*» языка / *конвергентный тип* – идея «*общего*» языка, *телеологический тип: корректирующий тип* – идея «*исправления*» языка / *креативный тип* – идея «*создания*» языка).
2. Установлены языковые зоны, репрезентирующие разные типы структурной рефлексии. Так, *формальная* рефлексия, актуализирующая идею *правильности языка*, является рефлексией над *средствами выражения*, т.е. решается проблема *формальной избыточности и недостаточности языка*. *Семантическая* рефлексия, актуализирующая идею *понятности языка*, предстает как рефлексия над *грамматическими категориями и средствами выражения*, т.е. доминирует проблема *формально-семантической избыточности и недостаточности языка*, которая может дополняться проблемой *формальной избыточности и недостаточности языка*. Поскольку бытие во времени и пространстве определяет необходимость литературно-языковых контактов, рефлексия может осложниться решением проблемы *трансляции / элиминации* культурно доминирующего языка.

3. Осуществлено исследование представлений об «общем» славянском литературном языке как разных типов лингвистической рефлексии, явленных в конфессиональной и секулярной культуре. Рефлексия над «общим» славянским литературным языком в конфессиональной и секулярной культуре являлась знаком тех исторических эпох, содержанием которых был духовный или этнический универсализм, основанный на памяти о едином культурно-языковом прошлом славян. Так, в XVII веке доминантой культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa* стала концепция греко-славянского православного универсализма, которая задавала установку на поддержание *правильности* церковнославянского языка как «общего» литургического и литературного языка православных славян, т. е. рефлексия носила *формальный, конвергентный, корректирующий* характер. В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* доминировала концепция христианского универсализма, которая мотивировала установку на «исправление» церковнославянского языка в целях достижения его *правильности и понятности* как «общего» славянского литургического и литературного языка: поскольку церковнославянский продолжал быть единственным литургическим и литературным языком в «греко-славянском» мире и маргинальным литургическим и литературным языком в «латино-славянском» мире, он мог стать инструментом возвращения славян к единству по вере, т. е. рефлексия носила *формально-семантический, конвергентный, корректирующий* характер. В XIX веке концепция этнического универсализма обусловила необходимость создания нового «общего» понятного славянского литературного языка для облегчения славянской коммуникации, т.е. имела место *семантическая, конвергентная, креативная рефлексия*.

4. Установлено, что разные типы лингвистической рефлексии, явленные в конфессиональной и секулярной культуре, получали воплощение в разных языковых параметрах, зафиксированных метатекстами и правленными текстами. Так, в XVII – нач. XVIII века грамматика Мелетия Смотрицкого и ее московские редакции, а также книжная справа демонстрировали *формальную* рефлексию над церковнославянским языком, которая реализовалась в «*зоне средств выражения*»: *правильность «славянского» языка* достигалась

посредством дифференциации грамматических синонимов и снятия грамматических омонимов. Грамматика Юрия Крижанича и проведенная им «справа» псалмов представляли *формально-семантическую* рефлексию над церковнославянским языком, которая воплощалась в «*зоне грамматических категорий и средств выражения*»: *понятность и правильность* «русского» языка достигались посредством выбора грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков, а также посредством выбора «русских» форм, снимавших грамматическую синонимию и омонимию. Хорватские элементы допускались Крижаничем только при условии невозможности достижения «прозрачности» языка средствами самого «русского» языка. Различие лингвистических установок, характерных для «греко-славянского» и «латино-славянского» пространств, определяло отношение к культурно доминирующему греческому языку: *правильность* «славенского» языка требовала трансляции авторитетного греческого языка, тогда как *правильность и понятность* «русского» языка предполагали его элиминацию. В XIX веке грамматика Матии Маяра представляла направленную на создание нового «общего» славянского литературного языка *семантическую* рефлексию, которая реализовалась в «*зоне грамматических категорий и средств выражения*»: *понятность* «взаимнославянского» языка достигалась посредством выбора грамматической семантики и средств выражения, общих для церковнославянского (старославянского) языка и национальных славянских литературных языков — русского, сербохорватского, чешского и польского языков. «Русский» язык Крижанича и «взаимнославянский» язык Маяра демонстрировали разные механизмы «порождения» и структурно-функциональный статус «общего» славянского литературного языка. «Русский» язык Крижанича явился результатом *исправления* церковнославянского языка (русского извода), т.е. представлял собой вариант *традиционного «общего» славянского литературного языка*, а отнюдь не искусственно созданный новый «общий» славянский литературный язык. «Взаимнославянский» язык Маяра, наоборот, был создан как новый «общий» *литературный язык* славян в результате синтеза разных славянских литературных языков.

5. Рассмотрена динамика лингвистической рефлексии в рамках процесса культурно-языкового реплицирования, т.е. процесса активного реагирования культурно-языковых личностей на рефлексивные опыты друг друга. В зависимости от исторических условий, позволяющих или не позволяющих «встретиться» разным лингвистическим взглядам во времени и пространстве, можно говорить о *реальном и потенциальном реплицировании*. Лингвистический рефлексивный опыт, представленный как культурно-языковая реплика, требует исследования в диалогизированном контексте, задающем ретроспективу и перспективу мыслей о языке: мотивирующий рефлексивный опыт < данный рефлексивный опыт < мотивированный рефлексивный опыт. Подобную «цепочку» культурно-языкового реплицирования составили грамматические сочинения Смотрицкого, Крижанича и Маяра, что позволило выявить историческую связь рефлексии над традиционным и новым «общим» славянским литературным языком: «Грамматіки Славенськія правильное Сунтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г. < (реальная реплика) «Граматично изказанје об рѣском језику» Юрия Крижанича 1666 г. < (потенциальная реплика) «Узаємні правописі славянскі, то је Uzajemna Slovnica ali Mluvnica Slavjanska» Матти Маяра 1865 г.

Исследование показало, что явленная в разных хронологических и локальных пространствах рефлексия над «общим» славянским литературным языком не была периферийным прорывом в прошлое, не нашедшим резонанса в своем времени, а наоборот, являлась репрезентантом тех духовных эпох, когда «человеческий мир сближается не только в перспективе будущего, но и с точки зрения ретроспективного культурно-исторического анализа» [Сепир 1993, 143].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Тексты

1.1. Печатные источники

1.1.1. Конфессиональные источники

Библия 1663 – Библия. Москва. 1663.

Библия 1988 – Острожская Библия. 1581. Переиздано: М.-Л., 1988.

Біблія 1990–1991 – Біблія: Факс. ўзнаўленне Бібліі, выд. Ф. Скарынау у 1517–1519 гг. У 3 т. Минск. 1990–1991.

Новый Завет 2002 – Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavynečkij, Moskau, 1673 / Facsimile Ausgabe. Besorgt und eingeleitet von Olga. B. Strakhov. 2002.

Псалтырь 1989 – Псалтырь 1683 г. в переводе Аврамия Фирсова.
Подготовка текста Е. А. Целуновой. München, 1989.

Псалтырь 1994 – Прозоров Ю. М. Из рукописного наследия В. А. Жуковского: переводы фрагментов Священного Писания // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 128–156.

1.1.2. Светские источники

История 1962 – Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1962.
Т. I.

1.2. Рукописные источники

1.2.1. Конфессиональные источники

Алкоран 1716 – Алкоран о Магометѣ. РГАДА, ф. 381, № 1034.

Библия 1713–1720 – Библия 1713–1720. ГИМ, Барсов, 8.

1.2.2. Светские источники

Аполлодор 1725 – Апполодора грамматика афинейского библиотеки или о богах. РГАДА, ф. 381, № 1015.

География 1716 – География генеральная Бернарда Варения. РГАДА, ф. 381, № 1008.

История – История императора Петра Великого. РГАДА, ф. 9, оп. 1, № 1.

2. Метатексты

Крижанич 1859 – Граматично исказање об руском језику, попа Јураја Крижанича // Изд. О. М. Bodянский. М., 1859; Abdruck der Erstausgabe besorgt von G. Freidhof. Frankfurt am Main, 1976.

Крижанич 1891 – (Крижанич Ю.) Објасњење виноводно о писмѣ Словенском // Собрание сочинений, 1891. Т. I.

Маяр 1865 – Majar M. Узајемні правопис славјански то је Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska. Praha. 1865.

Смотрицкий 1619 – Мелетін Смотрицкій. Грамматіки Славенскія правилное Сунтагма. Евю, 1619. Переиздано: Киев, 1979.

Смотрицкий 1648 – Грамматика. 1648.

Смотрицкий 1721 – Грамматика. 1721.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1996** — Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Алексеев 1982** — Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковой практики Тредиаковского // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 86–129.
- Алексеев 1999** — Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. М., 1999.
- Алпатов 1998** — Алпатов В. М. История лингвистических учений. М., 1998.
- Альберти 1937** — Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. М., 1937.
- Анічэнка 1966** — Анічэнка У. В. Моуныя асаблівасці выдання Ф. Скорины і рукапісных спісау В. Жугаева // Весці АН БССР. Сер. грамэд. науک. 1966. № 1.
- Андреев 1951** — Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. М., 1951.
- Античные теории 1996** — Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.
- Аполлодор 1725** — Апполодора грамматика афинейского библиотеки или о богах / Пер. с греч. А. К. Барсова. М., 1725.
- Бабаева 2000** — Федор Поликарпов. Тэхнолагія. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. Спб., 2000.
- Бахтин 1986** — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бахтин 1993** — Бахтин М. М. Бахтин под маской. (Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка). М., 1993.
- Белоброва 1998** — Белоброва О. А. Посников Петр Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1998. С. 266–268.
- Белокуров 1901** — Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901.

- Бессонов 1870 — Бессонов П. А.** Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение, 1870, № 1–2.
- Бобрик 1988 — Бобрик М. А.** Книжная справа первой половины XVIII века и проблемы нормализации русского литературного языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1988.
- Будилович 1892 — Будилович А.** Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава. 1892. Т. 2.
- Булич 1904 — Булич С. К.** Очерк истории языкоznания в России (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904.
- Винокур 1959 — Винокур Г. О.** Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Владимиров 1888 — Владимиров П. В.** Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и языки. СПб., 1888.
- Возняк 1911 — Возняк М.** Грамматика Л. Зизания. — Записки научного товариства ім Т. Г. Шевченка, 1911. Т. 101, Т. 111.
- Воскресенский 1882 — Воскресенский С. А.** Сравнительное достоинство исправления церковнобогослужебных книг при первых пяти патриархах и при патриархе Никоне. Рязань, 1882.
- Гаспаров 1996 — Гаспаров Б. М.** Язык, память, образ. М., 1996.
- Гольдберг 1960 — Гольдберг А. Л.** Сочинения Ю. Крижанича и их источники // Вестник истории мировой культуры. 1960, № 6. С. 117–130.
- Гуковская 1940 — Гуковская З. В.** Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения. Л., 1940.
- Гумилев 1995 — Гумилев Л. Н.** Историко-философские труды князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
- Данилевский 1871 — Данилевский.** Россия и Европа. М. 1871.
- Демидова 1950 — Демидова Н. Ф.** Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских заводах // Исторический архив М.-Л., 1950. Т. V.
- Дуличенко 1995 — Дуличенко А. Д.** Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики // Вопросы языкоznания. 1995. № 5. С. 39–55.

- Дуличенко 2000** — Дуличенко А. Д. Крижанич и Караджич: в поисках метаязыковых решений // Kallbotyra. 2000, № 49. С. 25–35.
- Дурново 2000** — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Евсеев 1916** — Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
- Живов 1986** — Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник.: О книге D. S. Worth. *The Origins of Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5)* Columbus, 1983, 176p. – *Russian Linguistics*, 1986, №10. С. 73–113.
- Живов 1993** — Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XVI–XVII вв. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 106–121.
- Живов 1996** — Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Жуковский 1869** — Жуковский В. А. Собр. соч. Спб., 1869. VI.
- Жуковский 1878** — Жуковский В. А. Собр. соч. Спб., 1878. VI.
- Запольская 1988** — Запольская Н. Н. П. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской академии (Некоторые материалы для биографии) // *Cyrillometodianum. Thessaloniki*, 1988, № XII. С. 75–92.
- Запольская 1993** — Запольская Н. Н. Структурно-функциональный статус гибридных вариантов славянских литературных языков // К XI Международному съезду славистов в Братиславе. Доклады по проблемам языкознания. М., 1993. С. 41–62.
- Запольская 1993а** — Запольская Н. Н. Забытое имя: Петр Постников: из истории русской культуры конца XVII — начала XVIII в. (соавтор Страхова О. Б.) // *Palaeoslavica*. 1993, № 1. С. 111–148.
- Запольская 1996** — Запольская Н. Н. «Общеславянский» литературный язык: модели Ю. Крижанича (XVII в.) и М. Маяра (XIX в.) // Славяноведение. М., 1996, № 1. С. 83–94.
- Запольская 1998** — Запольская Н. Н. Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отд-ние лит. и яз. РАН. М., 1998. С. 267–295.

- Запольская 1999** — Запольская Н.Н. Грамматика общеславянского литературного языка XVII века: к проблеме интерлингвальной гибридности // *Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo*. Roma, 1999. С. 143–151.
- Запольская 1999а** — Запольская Н. Н. «Простой» язык Библии Ф. Скорины и Псалтыри А. Фирсова: реконструкция механизма грамматического подобия // Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII в. М., 1999. С. 109–130.
- Запольская 1999б** — Запольская Н. Н. «История Российской» В. Н. Татищева: грамматическая дистанция между «древним наречием» и «новым наречием» // Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII в. М., 1999. 131–139.
- Запольская 2000** — Запольская Н. Н. Книжная справа в Московской Руси XVII в. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2000, № 3. С. 162–167.
- Запольская 2000а** — Запольская Н. Н. Книжная справа XVII века: проблема культурно-языкового реплицирования // Международная конференция «Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений, идей» (Будapest, 5–7 апреля 2000 г.). Доклады. Budapest, 2000. Р. 305–314.
- Запольская 2000б** — Запольская Н.Н. К проблеме языковой рефлексии XVIII века // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 439–452.
- Запольская 2001** — Запольская Н. Н. Проблема трансляции // элиминации культурно доминирующего литературного языка // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 59–79.
- Запольская 2002** — Запольская Н. Н. Грамматика и теология: проблема библейского антропонимического пространства // Славяноведение. М., 2001, № 1. С. 27–30.
- Запольская 2002а** — Запольская Н. Н. Восточные славяне в XVII–XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие // Славяноведение. М., 2002, № 2.
- Запольская 2002б** — Запольская Н. Н. «Общеславянский» язык как лингвистическая утопия // Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002. С. 21–34.

- Запольская 2002в — Запольская Н. Н.** Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 422–447.
- Захарьин 1995 — Захарын Д. Б.** Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII вв.) // Specimina philologiae slavicae, Supplementband 40. München. 1985.
- Исаченко 1999 — Исаченко Т. А.** Перевод и толкование в школе Чудова монастыря // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVII secolo. 1999. С. 267–278.
- Кантемир 1722 — Кантемир Д.** Система или состояние мухамеданской религии / пер. с лат. И. Ильинского. СПб., 1722.
- Карский 1896 — Карский Е. Ф.** Западнорусские переводы Псалтыри в 15–17 веках. Варшава. 1896.
- Карский 1903 — Карский Е. Ф.** Белорусы. Варшава, 1903. Т. 1.
- Карташев 1959 — Карташев А. В.** Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 1.
- Карташев 1991 — Карташев А. В.** Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 2.
- Ковтун 1989 - Ковтун Л. С.** Азбуковники XVI –XVII вв., Л., 1989.
- Копреева 1979 — Копреева Т. Н.** Франциск Скорина и русская рукописная традиция 15 в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 61–70.
- Кравецкий, Плетнева 2001 — Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.** История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М., 2001.
- Крижанич 1997 — Крижанич Ю.** Политика. М., 1997.
- Круминг 1994 — Круминг А.** Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. 1994. С. 227–239.
- Кузьминова, Ремнева 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой.** М., 2000.
- Ламанский 1864 — Ламанский В.** Сербия и южнославянские провинции Австрии. СПб. 1864.

- Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В.** Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, Т. 7. Труды по филологии.
- Ломтев 1945 — Ломтев Т. П.** Скорина как основатель белорусского литературного языка // Беларусь. 1945. № 3.
- Маркевич 1876 — Маркевич А.** Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876.
- Мельников 2002 — Мельников Г. П.** Специфика утопизма Яна Амоса Коменского // Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002.
- Материалы 1894 — Материалы по истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина.** СПб., 1894. Т. IX, Ч. I.
- Мечковская 1984 — Мечковская Н. Б.** Ранние восточно-славянские грамматики. Минск, 1984.
- Мечковская 2001 — Мечковская Н. Б.** Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2001.
- Мироносицкий 2000 — Мироносицкий П. П.** О богослужебном языке // Публ. А. Г. Кравецкого. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000.
- Мыльников 1990 — Мыльников А. С.** Библия на чешском языке // Франциск Скорина и его времена (Энциклопедический справочник). Минск. 1990.
- Николаевский 1890—1891 — Николаевский П. Ф.** Московский печатный двор при патриархе Никоне. Христианское чтение. 1890—1891.
- Никольский 1896 — Никольский К.** Материалы для исправления богослужебных книг: Об исправлении Устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689—1691 гг. СПб., 1896.
- Никольский 1999 — Никольский Б. М.** «О восьми частях слова»: проблема источников // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999. С. 9—33.
- Обижаева 1999 — Обижаева М. Г.** Механизмы теоретической защиты литературного языка в грамматических сочинениях Юрия Крижаница и Пьетро Бембо // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999. С. 52—58.
- Обнорский, Бархударов 1948 — Обнорский С. П., Бархударов С. Г.** Хрестоматия по истории русского языка. М., 1948. Ч. 2. Вып. 2.

- Пекарский 1862 — Пекарский П. П.** Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2.
- Первольф 1874 — Первольф И.** Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874.
- Пиккио 1995 — Пиккио Р.** Церковнославянский язык // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 6. С. 135–170.
- Полоцкий 1667 — Полоцкий Симеон.** Жезл Правления. М., 1667.
- Прение 1859 — Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Ильею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса. Летописи русской литературы и древности.** М., 1859.
- Прозоров 1994 — Прозоров Ю. М.** Из рукописного наследия В. А. Жуковского: переводы фрагментов Священного Писания // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 128–156.
- Прозоровский 1896 — Прозоровский А.** Сильвестр Медведев, его жизнь и деятельность. М., 1896.
- Селищев 1941 — Селищев А. М.** Славянское языкознание. Западнославянские языки. М., 1941. Т. 1.
- Сепир 1993 — Сепир Э.** Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Синьорини 1999 — Синьорини С.** Русский перевод произведения I consigli della Sapientia ovvero la raccolta delle massime di Salomonе начала XVIII века: проблемы и решения // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVII secolo. 1999. С. 323–347.
- Сиромаха 1981 — Сиромаха В. Г.** «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине 17 в. (на материале имен существительных). Автореф. дис... канд. филол. наук М., 1981.
- Сиромаха, Успенский 1987 — Сиромаха В. Г., Успенский Б. А.** Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 75–84.
- Соболевский 1888 — Соболевский А. И.** «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». Рецензия на книгу Владимирова П. В. // ЖМНП. 1888. Октябрь, 321–332.

- Соболевский 1980 — Соболевский А. И.** История русского литературного языка. Л., 1980.
- Стоглав 1863 — Стоглав.** СПб., 1863.
- Страхова 2002 — Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavyneč'kyj,** Moskau, 1673 / Facsimile -Ausgabe. Besorgt und eingeleitet von Olga. B. Strakhov. 2002.
- Татищев 1962 — Татищев В. Н.** История Российской. М.-Л., 1962. Т. I.
- Титов 1918 — Титов Ф. И.** Типография Киево-Печерской Лавры. Киев, 1916 (на титульном листе), 1918 (на обложке). Т. I. Приложения к первому тому. Киев, 1918.
- Толстой 1998 — Толстой Н. И.** Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. II.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н.** Святость и святыне в русской духовной культуре. М., 1995, Т. I.
- Тредиаковский 1730 — Тредиаковский В. К.** Езда в остров любви // Тальман П. Езда в остров любви / Пер с франц. на русской. Чрез студента В. Тредиаковского. СПб., 1730.
- Тредиаковский 1748 — Тредиаковский В. К.** Разговор между чужестранным человеком и российскими об ортографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.
- Три членобитные 1862 — Три членобитные:** справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862.
- Трубецкой 1995 — Трубецкой Н. С.** История. Культура. Язык. М., 1995.
- Успенский 1985 — Успенский Б. А.** Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX. М., 1985.
- Успенский 2000 — Успенский Б. А.** История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.
- Флоровский 1940—1946 — Флоровский А. В.** Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Францишек Скорина и продолжатели его дела) // Sborník filologicky. Praha. 1940—1946. Sv. 12.
- Флоровский 1983 — Флоровский Г.** Пути русского богословия. Париж, 1937; Перепеч. Париж, 1983.
- Целунова 1985 — Целунова Е. А.** Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова (филологическое исследование памятника). Авто-реф. дис.... канд. филол. наук. М., 1985.

- Чуркина 2002** — Чуркина И.В. Всеславянская модель Матии Маяра Зильского // Славянский альманах. 2002. С. 106–119.
- Шмурло 1894** — Шмурло Е. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев. 1894.
- Штур 1867** — Штур Л. Славянство и мир будущего. М., 1867.
- Экман 1963** — Экман Т. Грамматический и лексический состав языка Ю. Крижанича. Dutch Contributions to the V International Congress of Slavists. Sofia, 1963. С. 43–77.
- Ягич 1896** — Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1896.
- Ягич 1910** — Ягич И. В. История славянской филологии. (Энциклопедия славянской филологии, 1). СПб., 1910.
- Якобсон 1987** — Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
- Badalić 1958** — Badalić J. Juraj Križanić — pjesnik Ilirije. Radovi Slavenskog Instituta. Zagreb. 1958.
- Biblij 1506** — Biblij Cžeska w Benátkach tisst'ena. 1506.
- Dell'agata 1993** — Dell'agata G. Ideologia politica e comparazione linguistica nella classificazione delle lingue slave di Juraj Križanic // Ricerche Slavistiche. XXXIX–XL/1. 1992–1993. P. 365–384.
- Dell'agata 1999** — Dell'agata G. Le lingue di Križanic. Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo. Roma. 1999.
- Gebauer 1958–1963** — Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Praha. 1958–1963. D. 1, 3;
- Golub 1986** — Golub I. Slavenska koiné Jurja Križanića. Slovo. 1986, sv. 36.
- Heaney 1971** — Heaney M. — Križanic's Grammar: the Theory of Граматично нesказање and the Practice of Politika. Oxford Slavonic Papers. Vol. 4, 1971. P. 105–136.
- Horbatsch 1964** — Horbatsch O. Die vier Ausgaben der kirchen Slavischen Grammatik von M. Smotryckyj. Wiesbaden, 1964.
- Keipert 1999** — Keipert H. Grammatik und Theologie // Zeitschrift für Slavische Philologie. B. 58. H. 1. 1999. S. 19–42.

- Klemensiewicz 1981** — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa. 1981.
- Kociuba 1975** — *Kociuba O.* The Grammatical Sourñes of Meletij Smotryc'kyj Church Slavonic Grammar of 1619.: Diss. Phil. — Columbia University, 1975.
- Martel 1938** — *Martel A.* La langue polonaise dans les pays ruthenes Ukraine et Russie Blanche 1569–1667. Lille. 1938.
- Schütrumpf 1978** — *Schütrumpf M.* Das Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku von Juraj Križanić. Aufbau und Vergleich mit Smotryćkyjs ksl. Grammatik. Frankfurt am Main, 1978.
- Stankiewicz 1984** — *Stankiewicz E.* Grammars and Dictionaries of the Slavic Languages from the Middle Ages up to 1850. An Annotated Bibliography. — Brünn, New York, Amsterdam, 1984.
- Staročeska Bible 1988** — Staročeska Bible Dráždanská a Olomouscká / Vydal V. Kyas. Praha. 1988.
- Štefanić 1960** — *Štefanić V.* Glagoljski rukopisi otoka Krka. Zagreb, 1960.

Научное издание

Наталья Николаевна Запольская

**«Общий» славянский литературный язык:
типология лингвистической рефлексии**

Оформление *С. Г. Григоренко*
Оригинал-макет *Л. А. Коробенко*

Издательство «Индрик»

По вопросам приобретения книг следует обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект 32-а,
Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)
тел. (095) 938 01 00; тел./факс 938 57 15

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: indrik@pochta.msk.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-093,
Ред.01.08.2001; 9533004 — Литература научная и производственная

Изд. лиц. ЛР № 070644 от 19 декабря 1997 г.

Подписано в печать 16.04.03. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Гарнитура “Таймс”. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ 1495.

Издательство “Индрик”.

117218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86.

